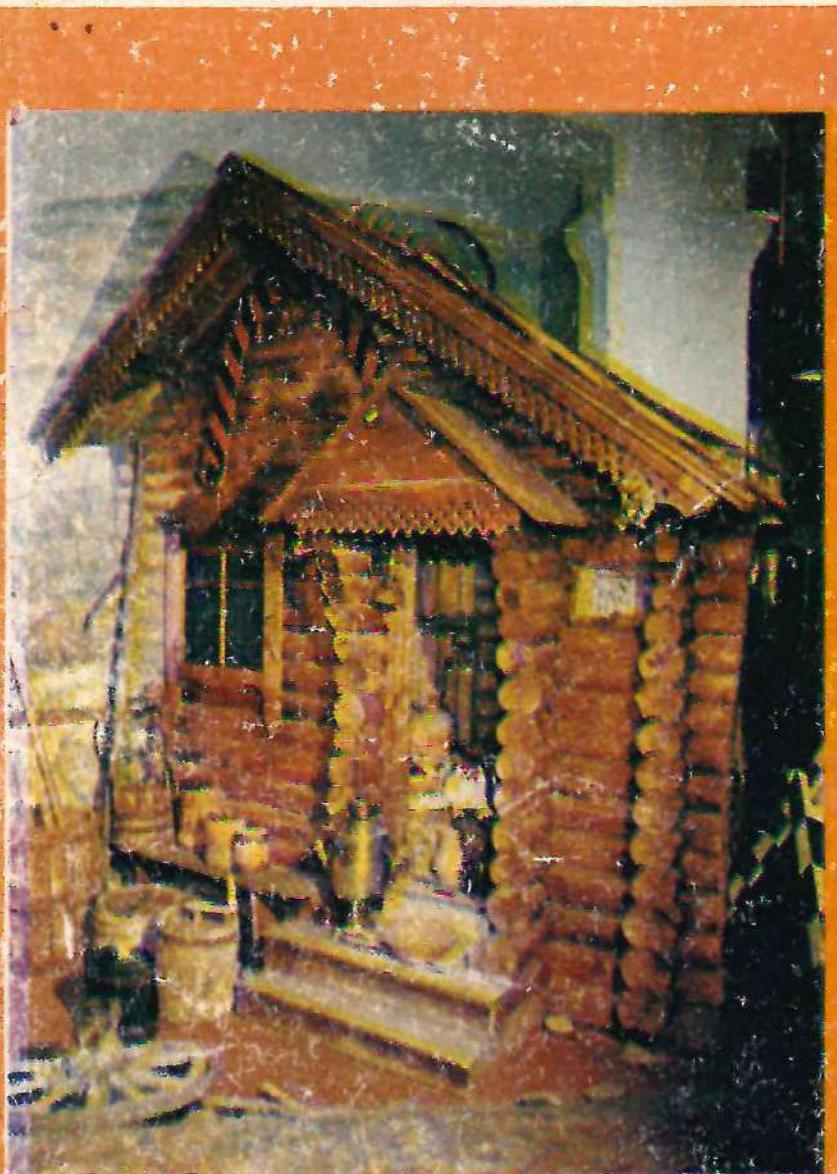

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Макет крестьянской избы
(экспозиция
Кемеровского областного
краеведческого музея)

Кузнецкие воеводы
XVII — н. XVIII вв.

Из истории Алтайской
духовной миссии

Телеуты
Беловского района

Из истории
школьного дела

Народники в Кузбассе
в 70—90 гг. XIX в.

О романе Блюммера
«Около золота»

Год 1937. Дело
на Е. А. Смоленникова.
НКВД против
школьников

Судьба американского
инженера Джона
Тучельского

Имена наших земляков,
погибших в годы войны
в Афганистане

Европейские мотивы
в архитектуре Кемерова

Сибиряки
в Русско-японской войне
1904—1905 гг.

Реставрация церкви в Салаире.
На добное дело откликнулись и стар и млад

РАЗЫСКАНИЯ

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

Выпуск второй

Издается с октября 1990 г.

**Кемеровское
книжное издательство
1992**

ББК 63.3(2Р53)
Р 17

Составитель М. Е. Сорокин

Разыскания. Историко-краеведческий альманах. / Сост. М. Е. Сорокин. Кемеровское кн. изд-во, 1992.— 112 с., ил.

ISBN 5—7550—0292—4

Второй выпуск альманаха собрал публикации ученых, журналистов, рассказал о результатах разысканий краеведов, связанных с историей Кузбасса.

Р 1805080000—02
М 145(03)—92

ББК 63.3(2Р53)

© М. Е. Сорокин, состав. 1992

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

В. Тогулев

КУЗНЕЦКИЕ ВОЕВОДЫ XVII—н. XVIII вв.

Сибирские, в т. ч. Кузнецкие, воеводы перечисляются в следующих списках Сибирского летописного свода:

1) книга записная 1687 г., наиболее ранняя редакция Сибирского летописного свода. Известна в двух поздних списках. Один, по недошедшей до нас рукописи, издан Н. И. Новиковым в 1774—75 и 1778 гг.¹ Второй хранится в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета, переиздавался дважды²;

2) списки Головинской редакции 1689 г. Сибирского летописного свода, опубликованы в 1987 г.³;

3) списки Нарышкинской редакции 1694 г. Сибирского летописного свода, опубликованы в 1987 г.⁴;

4) списки Томского вида 1707 г. Сибирского летописного свода, опубликованы в 1987 г.⁵

Список Книги записной, хранящийся в Томске, перечисляет кузнецких воевод со времени основания острога до 1682 г., Новиковский список Книги записной—до 1700 г., Головинская редакция—до 1689 г., Нарышкинская редакция и Томский вид—до 1706 г.

Правописание имен и датировка правлений воевод в списках различна.

Ниже перечисляются кузнецкие воеводы по Томскому виду. Разнотечения с другими редакциями Сибирского летописного свода даются в подстрочных примечаниях⁶.

Кузнецкие воеводы по Погодинско-

му списку Томского вида Сибирского летописного свода

с 1618 г. Тимофей Боборыкин⁷ и Осип Аничков⁸.

с 1623 г. Евдоким Иванов сын Баскаков⁹.

с 1625 г. Федор Иванов Голенищев-Кутузов.

с 1628 г.¹⁰ Сила Александра сын Усов¹¹.

затем¹² Иван Михайлов сын Волховской¹³.

с 1631 г. Федор Иванов сын Нашокин¹⁴.

с 1633 г. Федор Поленов¹⁵.

с 1635 г. Григорей Володимеров сын Кошелев¹⁶.

с 1639 г. Василий Пешков сын Атяев¹⁷.

с 1643 г. Афанасей Микитин сын Зубов¹⁸.

затем Афонасей Сытин¹⁹.

с 1652 г. Федор Овдокимов сын Баскаков²⁰.

с 1659 г. Дмитрий Васильев сын Овцыгин²¹.

с 1664 г. Иван Федоров сын Кокошин²².

с 1667 г. Микита Доможиров²³.

с 1673 г. Григорей Васильев сын Волков.

затем Иван Ильин сын Давыдов²⁴.

с 1680 г. Петр Иванов сын Дубровской.

с 1686 г. Иван Конищев²⁵.

затем Степан Крылов²⁶.

с 1690 г. Алексей Писарев²⁷.

- с 1693 г. Алексей Сидоров сын Синявин²⁸.
 с 1696 г. Лев Дементианов сын Нарыков²⁹.
 с 1700 г. Ларион Акимов сын Синявин³⁰.
 с 1704 г. Борис Акимов сын Синявин³¹.
 с 1706 г. Осип Радионов сын Качанов³².

Впервые на основании летописных известий список кузнецких воевод был составлен Варлаамом (Петровым) и издан в «Кратком показании» в Тобольском в 1792 г.³³ При составлении погодного списка кузнецких воевод им была использована наиболее ранняя редакция Сибирского летописного свода — Книга записная³⁴. К этому же источнику апеллировали, перечисляя кузнецких воевод XVII в., первые историки г. Кузнецка — А. Ермалаев³⁵, И. С. Конюхов³⁶. Н. А. Костров, автор первой книги о Кузнецке, изданной в 1880 г., пользовался погодным списком кузнецких воевод из «Краткого показания» Варлаама (Петрова)³⁷.

В историческом очерке «Кузнецк» А. Ермалаев к списку кузнецких воевод дает небольшую аннотацию, где отмечает особенности сибирских воевод вообще: «Воеводы назначались на короткий срок; но это вообще в то время была цель правительенная: уменьшение существовавших злоупотреблений. К тому же самая действительная поверка и учетность были при смене воевод, когда новый воевода ревизовал своего предместника». И еще: «...в Сибири в этом отношении было некоторое исключение, противу прочих городов; здесь срок был несколько продолжительнее, по той простой причине, что в частые перемены воеводы провозили в Сибирь слишком много беспощадных товаров и корчевного вина, отчего проис-

ходило уменьшение питейной продажи и вообще убыток царской казне».

Значительный вклад в изучение вопроса о кузнецких воеводах был сделан Н. А. Костровым. Он впервые сумел выделить особенности кузнецких воевод вообще. Н. Костров отмечал, что «несмотря на незначительность» г. Кузнецка, в нем на кормлении побывали воеводы «из довольно известных фамилий. Таковы, например, Бабарыкин, Аничков, Баскаков, Голенищев-Кутузов, князь Волхонский Нашекин и Зубов»³⁸. Вот еще деталь, подмеченная Н. А. Костровым: «в Кузнецк всегда назначалось по одному воеводе, тогда как в некоторые другие города Сибири, как, например, в Томск, Тару и пр., по два»³⁹.

Необходимо отметить и то, что Н. А. Костровым впервые научно интерпретированы царские грамоты кузнецким воеводам XVII в.⁴⁰, помещенные в 5-томных «Актах исторических» (Спб., 1841—1842). Грамоты содержат богатый материал по вопросам, относящимся к компетенции воеводской администрации. Однако доступный Н. А. Кострову комплекс источников использовался не полностью. Так, грамоты кузнецким воеводам XVII в., опубликованные в 12-томных «Дополнениях к актам историческим» (Спб., 1846—1875), Н. Костровым не анализировались.

В советское время с публикацией новых летописных источников открывается возможность для сопоставления всех редакций Сибирского летописного свода, содержащих материал о правлении воевод в г. Кузнецке.

¹ Древняя российская вивлиография. Спб., 1774, ч. VI, с. 167—312; Спб., 1775, ч. VII, с. 321—432; То же — Древняя российская вивлиография, 2-е изд., М., 1788, ч. III, с. 104—288.

² Книга записная. Томск, 1973; То же — Полное собрание русских летописей. Том 36. Сибирские летописи.

Часть I. Группа Есиповской летописи.
С. 138—177.

³ Там же, с. 177—231.

⁴ Там же, с. 231—293.

⁵ Там же, с. 301—343.

⁶ Сокращения: в подстрочных примечаниях.

КЗН — Новиковский список Книги записной.

КЗТ — список Книги записной, хранящийся в Научной библиотеке Томского государственного университета.

ГРМ — Головинский список Головинской редакции Сибирского летописного свода.

ГРМ₁ — Список по рукописи ГБЛ, Музейное собр., ф. 178, № 7564 Головинской редакции Сибирского летописного свода.

ГРМ₂ — Список по рукописи ГИМ, ОР, Музейное собр., № 3698 Головинской редакции Сибирского летописного свода.

НРП — Погодинский список Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода.

ГРМ₃ — Список по рукописи ЦГАДА, ф. 199, Портф. Миллера, № 505, д. 5 Головинской редакции Сибирского летописного свода.

НРБ — Бахрушинский список Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода.

НРА₂ — Академический 2-й список Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода.

НРД₂ — Список ЦГАДА, ф. 181, № 223 Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода.

НРД₁ — Список ЦГАДА, МИД, ф. 181, № 272/502 Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода.

⁷ Тимофей Степанов сын Бабарыкин (КЗТ, ГРМ₁, ГРМ₂, ГРМ₃).

Тимофей Степанов сын Бабарыкин (КЗН).

Тимофей Степанов сын Бабарыкин (ГРМ).

Тимофей Бабарыкин (НРБ).

⁸ Осип Герасимов сын Онисков (КЗТ).

Осип Герасимов сын Оничков (КЗН).

Осип Герасимов сын Аничков (ГРМ).

Осип Герасимович сын Аничкин (ГРМ₂).

Осип Герасимов сын Оничков (ГРМ₃).

Осип Оничков (НРБ).

⁹ Овдоким Иванов сын Баскаков (ГРМ).

¹⁰ с 1627 (КЗТ, КЗН).

¹¹ Сава Александров сын Усов (ГРМ₃).

¹² с 1629 (КЗТ, КЗН, ГРМ).

¹³ Иван Михайлов сын Волконский (КЗН).

Иван Михайлов сын Волконский (ГРМ, НРП).

Иванов сын Х Шеховской (НРБ).

¹⁴ Федор Иванов сын Нащокин (НРБ).

¹⁵ Григорий Яковлев сын Кошелев (КЗН).

Григорий Яковлев сын Кошелев (КЗТ).

Федор сын Поленев (ГРМ).

Федор Хоненев (ГРМ₃).

¹⁶ Федор Хоненев (КЗН, КЗТ).

Григорий Володимеров сын Кошелев (ГРМ).

¹⁷ Дометиан Васильев сын Кавтырев (КЗН).

Дементиян Васильев сын Кавтырев (КЗТ).

Дементиян Васильев сын Кафтырев (ГРМ).

Василий Петров сын Атяев (НРБ).

¹⁸ Афанасий Никитин сын Зубов (КЗН).

Афонасий Иванов сын Зубов (КЗТ).

Афонасий Микитин сын Зубов (НРА₂).

Афонасий Никитин сын Зубов (НРБ).

¹⁹ с 1646 Афанасий Филипов Сытин (КЗН).

с 1646 Афанасий Филиппов сын Сытин (КЗТ).

с 1647 Афанасей Сытин (ГРМ).

Алексей Сытин (НРП).

с 1649 Григорий Константинов Заседской (КЗН).

с 1649 Григорей Константинов сын Заседской (КЗТ).

²⁰ Федор Овдокимов сын Баксаков (КЗТ).

Федор Оводкимов сын Баскаков (ГРМ).

с 1656 Федор Даниилов Павлов (КЗН).

с 1656 Феодор Данилович Павлов (КЗТ).

²¹ Дмитрий Овцын (КЗН).

Димитрий Васильев сын Овцын (КЗТ).

Дмитрей Васильев сын Овцын (ГРМ, НРБ).

²² Иван Романов сын Кокошкин (КЗН, КЗТ).

Иван Федоров сын Коковкин (НРД₂).

²³ Никита Борисов сын Доможиров (КЗН).

с 1666 Никита Борисов сын Доможиров (КЗТ). Никита Доможиров (НРБ).

с 1672 Догин (КЗН).

с 1672 Логин (КЗТ).

²⁴ с 1676 (КЗН, КЗТ).

с 1677 (ГРМ).

²⁵ Иван Меркуьевич Конищев (КЗН).

с 1628 Иван Меркуьевич Конищев (КЗТ).

Иван Меркульев сын Конищев (НРБ).

²⁶ с 1689 Степан Скрыплев (КЗН, ГРМ, НРД₂).

с 1689 Степан Крыплев (НРБ).

с 1689 Степан Крылов (НРД₂).

²⁷ Алексей Федоров сын Писарев (НРБ).

²⁸ с 1694 (НРД₁).

²⁹ Лев Дометнанов сын Нарыков (НРД₂).

с 1697 Лев Дементьев сын Нарыков.

³⁰ с 1698 Ларион Якимов сын Синявин (НРБ).

с 1700 Ларион Якимов сын Синявин (НРД₂).

³¹ с 1703 Борис Якимов сын Синявин (НРД₂).

³² Осип Родионов сын Качанов (НРБ).

Осип Родионов сын Качанов (НРД₂).

³³ Варлаам (Петров). Краткое описание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах, и кто они именно, и в каких городах были, и кто какой город строил и когда. Тобольск, 1792. С. 69—72.

³⁴ Древняя российская вивлиофика. Спб., 1774, ч. VI, с. 167—312; Спб., 1775, ч. VII, с. 321—432; То же — Древняя российская вивлиофика, 2-е изд., М., 1788, ч. III, с. 104—288.

³⁵ А. Ермалаев. Кузнецк. Исторический очерк // Томские губернские ведомости, 1858, № 34.

³⁶ И. С. Конюхов. Памятная историческая записка, или летопись, о городе Кузнецке с начала его основания и о некоторых Событиях и о прочем, учиненная в 1867 году, и прочие записи ижи для памяти принадлежащие. Рукопись, Л. 3 об.

³⁷ Н. А. Костров. Путешествие по Томской губернии его императорского высочества, государя великого князя Владимира Александровича // Томские губернские ведомости, 1868, № 43.

³⁸ Там же.

³⁹ Н. А. Костров. Город Кузнецк. Томск, 1880. С. 20.

⁴⁰ Н. А. Костров. Заметки для истории г. Кузнецка // Томские губернские ведомости, 1867, № 34—36.

А. Шишигин

ПОЛУЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

В статье «Алтайцы», помещенной в 9-м номере еженедельника «Союз», утверждалось, что алтайцы получили письменность только в 40-х гг. нашего века. Авторы ошиблись на столетие: алфавит для этого народа, а также для телеутов и шорцев, был создан Алтайской духовной миссией 100 лет назад. К Октябрю 1917 г. ее религиозное и культурное влияние простипалось не только на аборигенов Южной Сибири, но и на сопредельные регионы Казахстана и Китая. Об этой полузабытой странице истории мне хотелось бы рассказать.

Основателем миссии был архимандрит Макарий (в миру — Михаил Яковлевич Глухарев). Он родился в 1792 г. в г. Вязьме Смоленской губ. Получив начальное домашнее образование, он поступает в Смоленскую духовную семинарию. По ее окончании он некоторое время преподает латынь в младших классах Смоленска, а в 1814 г. уезжает в Санкт-Петербургскую духовную академию. Через три года новоиспеченный магистр богословия перебирается в Екатеринослав (ныне — Днепропетровск), где устраивается сначала преподавателем, а позднее инспектором семинарии. Но увы, вписаться в среду губернского города конца «золотого века Александра» он не может: священник, увлекающийся медициной и естественными науками, не понаслышке знающий ремесла, знаток европейских и ряда древних языков, либерал — это уж слишком! И Макарий уезжает в Кострому ректором духовной семинарии. Но не приживается и там: оказывается, он знаком с некоторыми декабристами и к тому же написал письмо в Синод, что

текст Священного Писания грешит ошибками и его надо снова переводить — с древнееврейского оригинала. Над Макарием сгущаются тучи государева и церковного гнева: пахнет заточением в монастырь. Надо искать выход, и Макарий обращается в Синод с прошением о переводе его на Алтай — для обращения в православие живущих там народов. Церковные и светские власти облегченно вздыхают, и Макарий, наказав, чтобы ему выслали в далекую Сибирь семена сельскохозяйственных и лекарственных растений, книги по медицине и естествознанию, уезжает. Два года идет переписка по финансированию и выбору места для миссии. Наконец место выбрано: деревушка Улала (Горноалтайск). Расположение божественное: тайга, рядом река, недалеко Бийск и Барнаул, рукой подать до Казахстана и Китая. А в деревнях вокруг — русское и обрусовшее телеутское православное население.

С 1830 г. миссионеры принимаются за работу: усердно изучают алтайский язык, записывают сказания, местные обычаи (для последующего сокрушения шаманизма), создают букварь (по нему, кстати, учился М. В. Чевалков — первый алтайский писатель). На средства казны и пожертвования местных купцов открывается первая «инородческая» школа, где — мальчиков и девочек отдельно — обучают грамоте на родном языке, счету и молитвам.

Не все, правда, получается гладко: бывает, слишком настырных пастырей встречают дублем (об этом есть свидетельство у о. Макария), наиболее упорствующие в язычестве бегут дальше в тайгу или в степи Кузбасса. Случается, что для большей аргументации в улусы присыпают солдат-

скую команду. Дабы новокрещенные не отпадали от православия, Глухарев вводит в обычай брать с них расписки, что те не будут участвовать в бесовских камланиях, и учредил институт крестных отцов.

Чтобы предотвратить спаивание местного населения, знакомого лишь с кумысом, Макарий вводит в миссионерских селах «сухой закон». Однако по ночам в этих аулах то там, то сям вспыхивают пьяные драки, звучит ругань. Все бывало...

Но Макарий не только христианизирует население. Он добивается отмены на три года податей для новокрещенных, обучает местных жителей земледелию, разведению домашнего скота, птицы, строительству рубленых изб. Миссия не забывает и о женщинах, пропагандирует среди них основы бытовой медицины, акушерства, ухода за детьми, учит правильному ведению хозяйства, выпечке хлеба, ткачеству. И не зря современники отмечали, что миссионерские села отличались чистотой, благоустройством, порядком.

И когда в 1843 г. по болезни Макарий навсегда уезжает в «Расею», его со слезами провожают благодарные «инородцы». М. В. Чевалков три десятилетия спустя с горечью вспоминал: «Мы же, плачущие, остались сиротами, словно дети, потерявшие отца».

Умрет Михаил Яковлевич Глухарев в Орловской губ., в сане настоятеля Болховского монастыря. До самой смерти он будет трудиться над переводом Библии с древнееврейского. Его замечания по тексту Ветхого завета будут учтены Синодом только в начале этого века...

А на Алтае останутся построенные при нем три церкви. В школе, основанной им, будут учиться и девочки — факт, по тем временам достойный восхищения. В трех миссионерских ста-

нах будут вести проповеди 18 чел. А всего Макарием было крещено 675 аборигенов.

Архимандрита Макария сменит Стефан Ландышев. К сожалению, я мало знаю о нем. Известно, что он прибыл на Алтай еще до Макария. Стефан продолжает благотворительную деятельность среди новокрещенных: строит им избы, помогает хлебом, одеждой, семенами, скотом, но эта политика, заложенная Глухаревым, постепенно сворачивается. Перед миссией стоят уже иные задачи — культурно-просветительские. В 1858 г. закладывается Кузедеевский стан, где начальником назначается двоюродный брат Ландышева — Василий Иванович Вербицкий, известный ныне ученыму миру как филолог, этнограф, историк.

В 1862—63 гг. появляются первые монастыри — Майминский и Чолышманский, которым нарезаются не менее 12 тыс. десятин плодороднейшей земли. Они занимаются уже не только религиозным просвещением аборигенов, но поклоняются и «златому тельцу»: сдают землю в аренду. А плату устанавливают такую: за пашню — десятую часть урожая, за право поставить юрту — до рубля в год, за данный в долг пуд зерна — 10 коп., за разрешение на рубку леса — рубль в год.

При отце Стефане уже работают 7 школ, из них одна — в Кузедееве.

В 1866 г. Ландышева сменяет архимандрит Владимир. О его жизни до этого года мне известно лишь то, что в 1861 г., будучи инспектором Томской семинарии и заведующим хозяйством общежития, он обвинялся в хищении казенных и общественных денег. Отец Владимир едва доказал, что совесть его чиста.

Не успев обжиться на новом месте, отец Владимир опять попадает в не-приятнейшую историю: давний благодетель миссии, барнаульский купец

Афанасий Мальков, по словам миссионера К. Харламовича, более «известный своекорыстием», обвиняет Владимира в растрате доброхотных пожертвований. А причина напастей та же, что и в Томске — нежелание о. Владимира писать отчеты и вести приходно-расходные книги, ибо в сим деле начальник миссии полагался на «совесть и бескорыстие». Тяжба тянулась два года, а Синод оправдал архимандрита лишь к лету 1869 г.

Миссия тем временем развернула издательскую деятельность. В 1869 г. в Казани вышла «Грамматика алтайского языка» — плод 30-летней научной деятельности С. Ландышева, М. Глухарева, В. Вербицкого, профессоров Казанского университета Н. Ильминского и А. Казембека, а также будущего преемника отца Владимира — Макария Невского. Книга эта по праву входит в золотой фонд мировой литературы по тюркологии.

Но радость и беда ходят рядом: опять грянул гром. На сей раз разгневались генерал-губернатор Томска и обер-прокурор Синода. Причина все та же: удивительное неуважение отца Владимира к бумажной работе. В миссии годами валялись в пыли и паутине отчеты миссионеров, часть миссионеров перебралась в другие приходы, а часть вообще отошла в мир иной, а жалованье на них исправно получалось. Не велась регистрация новообращенных, из-за чего те лишились законных налоговых льгот. Каких трудов стоило отцу Владимиру избежать заточения в монастырь — одному Богу ведомо...

Но отец Владимир не унывает: в промежутках между вызовами к высокому губернскому начальству добивается в 1874 г. разрешения на печатание религиозной литературы не в Томске, Казани или в Петербурге, а на Алтае. В следующем году он открывает в Улале больницу с аптекой

и сиротский приют, в которых работают монахини к тому времени основанного Улалинского монастыря.

В 1875 и 1881 гг. в Казани выходят оригинальные басни-притчи М. В. Чевалкова, а также его переводы из Священного Писания. А в 1876 г. очередная удача отца Владимира: он, а также В. Вербицкий, М. Чевалков и М. Невский создают переводческо-цензурную комиссию по изданию церковных книг.

1878 г. также удачен: в Казанскую семинарию отправляют первых «инородцев» — талантливых Михаила Ташкынова и Степана Тодогашева.

В следующем году о. Владимир добивается у губернских властей разрешения, чтобы крещенные аборигены отныне управлялись не местным алтайским чиновничеством — зайсанами, темици и паштыками, а старостами, назначаемыми губернским начальством из числа «инородцев» — христиан. Это нововведение избавило коренных жителей от двойного гнета — теперь «калан» (налог) надо было платить только Белому царю.

С 1880 г. влияние миссии распространяется уже на Северный Казахстан: в Усть-Каменогорске открывается ее филиал, и Алтайская типография издает первые четыре церковные книги на киргизском (казахском) языке — правда, не арабской, а русской графикой.

В 1882—83 гг. в далекую Казань на учебу уезжает вторая группа наиболее успевающих юношей — Иван Штыгашев (будущий первый шорский писатель и автор первого шорского букваря), Кузьма Укунаков и Моисей Орочинов. За ними вслед отправляются две монахини — для обучения иконописи.

Но на сей раз не обошлось без конфузов: Укунаков прославился в Казани не радением к учебе, а драками. Укунакова спешно отправили домой — в одну из далеких школ.

И там он прославился своим неукротимым нравом — лютым битьем разогнав всех учеников.

А жизнь в миссии идет своим чередом: печатаются алтайский букварь, составленный М. Невским, жития святых и другие церковные книги на шорском языке.

В 1883 г. открывается Бийское катехизаторское училище — не только для юношей-аборигенов, но и для русских, знающих алтайский язык. Выпускники училища могли поступать в семинарии, но без права изучения там древних языков. Правда, после конфуза с Укунаковым в Казань никого не отсылали.

Но в 1884 г. славные деяния отца Владимира на стезе начальника миссии неожиданно обрываются: говоря сегодняшним языком, он уходит на повышение — возглавить Томскую епархию. Он скончается в 1897 г. в сане архиепископа Казанского.

Теперь перехожу к последней странице истории Алтайской миссии, когда ее возглавлял архимандрит Макарий Невский (Михаил Александрович Парвицкий). Он был родом из Ковровского уезда Владимирской губ. и родился в 1835 г. После окончания Тобольского духовного училища он в 1855 г. уезжает послушником на Алтай, где проживет 60 лет.

Авторитет молодого миссионера расстет, и в 1864 г. именно его направляют по книгоиздательским делам в Санкт-Петербург. Будучи проездом в Казани, он заводит знакомство с известным тюркологом Н. И. Ильминским. В те же годы его представляют наследнику престола Александру Александровичу и его супруге Марии Федоровне, а также обер-прокурору Священного Синода К. П. Победоносцеву. Религиозная нетерпимость и реакционные воззрения последнего отрицательно скажутся на Макарии, и все

это приведет к краху Алтайской духовной миссии.

А в 1884 г. Макария назначат начальником миссии. Тот год проходит в плодотворных трудах: в Казани выходит «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого — до сих пор известное среди тюркологов пособие. А в следующем году появляется первый шорский словарь, написанный И. М. Штыгашевым. Конечно, издается и религиозная литература на местных языках.

Благодаря высочайшей протекции из Зимнего дворца начинается стремительный взлет М. Невского: епископ Бийский, затем Томский, а перед Первой мировой войной — Московский и Коломенский. В годы Первой русской революции Макарий запятнает свое имя погромами в Томске и подавлением бурханистского движения на Горном Алтае. Весть о новом религиозном течении, согласно которому мессия должен приехать на белом коне из страны Япан, т. е. Японии (и это в разгар русско-японской войны!), дойдет до августейших ушей, и по телеграмме Николая II разъяренный Макарий самолично приезжает арестовать зачинщика смуты — некоего Чота Челпанова и под стражей направляет его в Бийск. В 1906 г. в этом городе пройдет суд над бурханистами, но всех оправдают. По отзывам современников, на исходе процесса сказался царский манифест от 17 октября 1905 г. Злые языки же утверждали, что на результат суда повлияли «барашки в бумажке», коими откупились богатые алтайцы-бурханисты.

Кто же руководил миссией в последние годы перед Октябрьем, я не знаю. Но к тому времени влияние ее простирается уже на Минусинскую губ. и Нарымский край, миссия владела 380 селениями, где проживало до 52 тыс. душ обоего пола, 3 приютами,

92 церквами и 3 монастырями. Число миссионеров достигло уже 96 чел. На миссионерских землях устанавливались деревянные кресты, в радиусе 5 верст от которых запрещалось селиться некрещенным и совершать календаря. Не зря же барнаульский чиновник Н. Овчинников писал, что миссионерские селения стали «очагами... ненависти между русскими колонизаторами и кочевыми аборигенами».

Да и выпускники миссионерских школ и училищ отрывались от своего народа и становились, так сказать, церковной интеллигенцией, воспитанной на идеях самодержавия. К тому же миссионеры-«инородцы» должны были брать в жены русских или их детям необходимо было жениться или выходить замуж за русских. К примеру, одна из дочерей М. В. Чевалкова была женой К. П. Соколова — впоследствии епископа Бийского. Конечно, такая русификация проводилась и при прежних начальниках миссии, но особенного пика она достигла к февралю 1917.

И когда в июле 1917 г. Макарий, к тому времени уже отправленный на покой, обращается к Бийскому съезду представителей инородческих волостей Алтая с просьбой вернуться туда, где он прожил столько лет, ему выслали такую резолюцию: «Принимая прошлую миссионерскую и политическую деятельность митрополита... вредной, съезд считает его приезд на Алтай нежелательным, а агитацию в его пользу недопустимой». Макарий Невский умрет в 1926 г. в Троице-Сергиевой лавре и будет погребен там же.

Так история миссии прекратила течение свое...

Но миссия сделала и немало хорошего, что в последующие годы будет упорно замалчиваться.

Азбука, разработанная миссионерами, и поныне почти без изменения используется алтайцами, хакасами и была взята в 30-е гг. за основу при разработке письменности для других советских народов. По миссионерским букварям и книгам учились те, кто позднее стал славой и гордостью тех народов, откуда они вышли. Благодаря миссионерам среди бывших кочевых и охотничих народов нынче распространены земледелие, скотоводство и птицеводство и русские избы. Нет в помине обычая выдавать вдову за младшего брата покойного. Еще можно найти в далеких селениях церковную литературу, переведенную миссионерами.

Не забыты ученым миром научные труды миссионеров.

Но до сих пор нет улиц в Горно-Алтайске, Майме, Бийске, Барнауле, Таштаголе, Кузедееве, Бекове, Шанде, Бачатах и иных местах, названных именами Михаила Яковлевича Глухарева, Василия Ивановича Вербицкого, Ивана Матвеевича Штыгашева, Михаила Васильевича Чевалкова и многих славных сих. Нет и мемориальных досок с их именами.

Разрушены церкви и школы, построенные на пожертвования наших предков и несших свет просветительства. Неведомы могилы выдающихся миссионеров.

Но нельзя нам более оставаться беспамятными манкуртами.

Г. Артемов

ТЕЛЕУТЫ БЕЛОВСКОГО РАЙОНА

В Кемеровской области немногочисленная народность телеутов с давних пор проживает в Кузнецком и Беловском районах. В Беловском районе их улусы образовались по рекам Большой и Малый Бачат. Другая часть телеутов проживает ныне по рекам Черга и Майма, что в Майминском и Шабалинском районах Горно-Алтайской автономной области.

Большая Советская Энциклопедия объясняет, что телеуты говорят на телеутском диалекте алтайского языка. Сами же телеуты утверждают, что их язык ближе к тувинскому, чем к языкам алтайских племен.

В далеком прошлом телеуты входили в группу кочевых скотоводческих тюркоязычных племен «теле», входивших в состав большого по территории, сильного в военном отношении объединения кочевников, которые в VI—VIII веках располагались в Центральной Азии под названием тюркского каганата.

Когда в XIII веке Южная Сибирь была захвачена монголами, то Алтай, Кузнецкая земля были отданы Чингисханом его полководцу Хорчи. После распада державы Чингисхана в XV веке образовалось обширное Джунгарское ханство. Племена юго-западной Сибири были обложены данью в пользу хана. В этом государстве телеуты составляли отдельный удел в 4000 кибиток. К этому времени у алтайских племен произошло разложение родового строя, их родовая знать имела большие стада скота, обширные пастбища и рабов. В зависимости от Джунгарского ханства алтайцы находились до начала XVII века. В 1609 году они вошли в состав Русского государства. В это время телеуты кочевали в верховьях Иртыша и по притокам Оби —

Иня, Чарыш, Алей. Они более родственны алтайскому племени теленгитов, ныне проживающему в Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области.

В 1658—65 гг. значительная часть телеутов переселилась в район Кузнецкой крепости, основанной в 1618 г., заняв обширные пространства плодородной лесостепи. В документах правительственные учреждений и исторической литературе прошлого века алтайцев, в том числе и телеутов, называли алтайскими татарами, калмыками или белыми калмыками.

Поселившись на Кузнецкой земле, телеуты и здесь вели кочевую жизнь. Их улусы объединяли по 40—50 кибиток. Кибитки были круглой формы, с решеткой, покрытыми берестой или корой лиственницы. В последующие годы, когда телеуты переходили к оседлому образу жизни, жилища строились более обстоятельными. Выкапывалась глубиной метр-полтора яма, стены доращивались пластами земли или двойным плетнем. Между плетеными стенами засыпали землю. Стены обмазывались глиной, белились. Пол был глинобитным.

Поселившись в Кузнецкой земле, телеуты столкнулись с русскими. Отношения между ними были мирными. Кочевники учились у русских строить дома, выращивать хлеб, овощи, изготавливать орудия труда. В то же время русские учились у телеутов содержать скот большими стадами, выделять шкуры, находить в лесу съедобные растения. Нередко им приходилось совместно отбиваться от набегов кочевников-грабителей, которые сохраняли верность джунгарам.

До нас дошли сведения о том, что в 1700 г. кыргызский (племена по Ени-

сею) князь Тангустай напал на Кузнецк. Город не захватил, но разорил телеутские и русские поселения, кыргызы угнали с собой 832 лошади и увезли в плен 97 телеутов.

Переселившись в Кузнецкую землю, телеуты по-прежнему занимались скотоводством и охотой. Охотились с помощью лука, а позднее ружей. Летом охотились на лосей, оленей, косуль и сусликов, зимой на белок, куниц, соболей. В середине XVIII в. шкурка белки стоила до 12 копеек, куницы — 80 копеек, соболя до 13 руб. В среднем за зиму один охотник убивал до 100 белок, 7—10 куниц, 3—5 соболей. Шкурки частью шли в уплату ясака, частью продавались купцам в Кузнецке или Томске. Ясаком облагалась каждая мужская душа в размере 1 руб. 28 коп. Дети от налогов освобождались.

Шли годы. Росло население земли Кузнецкой. Зверей становилось все меньше и меньше, поэтому занятие скотоводством являлось основным источником существования телеутов.

Разводили лошадей, коров, овец. Питались, конечно, исключительно продуктами от скота: молоком, мясом, жиром, кумысом. Кумыс пили все лето. Часть молока перерабатывали в сыр. Из кислого молока изготавливали водку-араку. На мясо забивали лошадей, овец. Ячмень подсушивали, толкли в муку в деревянных ступах, потом варили в воде.

Царские чиновники мало вмешивались в управление телеутами. Управлялись они своей знатью. Несколько родовых групп объединялись в дючину, во главе которой стоял зайсан — один из представителей племенной знати. Власть зайсана передавалась по наследству. Зайсану подчинялись демичи, т. е. родовые старейшины. У телеутов было свыше 30 родов.

Но к началу XVIII века роды телеутов перемешались, в одной дючи-

не могли кочевать люди из других родов, к тому же переход на оседлость ускорил разложение родовых отношений. Теперь зайнанат образовывался не по родовому признаку, а по территории. Позднее, в конце XVIII века, зайнанаты были заменены волостями. В 1834 году в Кузнецком округе было три телеутские волости. Однако, как указывал Кузнецкий исправник в своем отчете Томскому губернатору, «...из означенных здесь волостей ни один улус не обратил кочевую жизнь свою в оседлую, скитаются по-прежнему. В двух волостях хлебопашество не производится».

Видимо, по этим причинам границы волостей часто менялись. По переписи 1861 г. в Кузнецком округе проживало около 3 тысяч телеутов.

Кроме ясака, каждая семья облагалась по 2—3 рубля дополнительным налогом. Дань собирали шкурками белки, лисицы, куницы, соболя. Каждое зайнанство облагалось определенным количеством шкурок. Раскладка дани было внутриулусным делом. Отправляясь с ясаком в Кузнецк, зайнан всегда брал с охотников больше пушнины, чем положено. Эти излишки шли на подарки чиновникам. Рядовые телеуты страдали не только от жестокой засухи, притеснений родовой знати, но и от злоупотреблений царских чиновников. Нет подарка чиновникам — многие шкурки будут забракованы. Их либо не примут, либо понизят сортность.

В середине XIX в. примерно сто ясачных данников должны были уплатить 20 соболей. Если принять во внимание, что каждый соболь стоит 13 руб., то улус облагался на 260 руб. На эту сумму можно было вносить шкурки других зверей. Таким образом, за шкурку соболя вносились примерно около сотни беличьих, 15 куниых или лисьих.

Зайсан, а позднее волостные старшины осуществляли судебную и полице́йскую власть. За мелкие преступления судились по обычаям телеутов. Если какая-либо сторона с результатами судебной тяжбы была не согласна, то могла обратиться к уездному исправнику, который созывал суд всего племени. За тяжелые преступления судили по существовавшим законам Российского государства. Болезни, голод в засушливые годы уносили в могилу сотни людей. Все труднее и труднее было добывать зверя на мясо. Пушной зверь уходил в глубь тайги. Сократился сбор ясака. Особен-но скотоводы страдали, когда болезни уничтожали стада домашних животных.

Налоги повышались. С 1763 г. пушину начали заменять деньгами. До 1834 г. денежный ясак увеличился в 4 раза.

В 1832 г. царским правительством принимается «Устав об управлении инородцами», который действовал до 1901 г. По уставу за шорцами, телеутами и другими народностями Сибири закреплялись территории и сохранялась определенная власть родовой знати. В Кузнецком уезде было три управы: у Кузнецка, Тогучина и по рекам Ур, Малый и Большой Бачат. С этого времени возникают места постоянного местожительства телеутов—улусы Челухоевский, Бабанаковский, Чергинский, Карадинский и другие. Процесс перехода к оседлости был довольно длительным: нелегко было отказаться от привычного, веками устоявшегося быта. Телеутам названных улусов предписывалось соединиться с общинами русских деревень Белово, Бачаты, Салаир и др., получить землю и заняться хлебопашеством. Теперь они облагались налогом наравне с русскими крестьянами. Однако инородцы оказывали серьезное сопротивление: отказывались получать земли,

откочевывали в глухие места и даже жаловались царю.

В 1838 г. кузнецкий полковник до-кладывал Томскому губернатору: «Инородцы отказались получать зем-лю, отведенную им. Отказались дать рабочих и понятых для нарезки зем-ли... не хотят переселяться в земли округа, написали жалобу царю...»

Тем не менее некоторые кочевники, особенно из бедноты, начали понимать, что занятие хлебопашеством спасает от голода, от вымирания, от многих бед. В 1834 г. в Телеутской волос-ти уже числилось 165 оседлых телеутов, которые засевали хлебом 45 деся-тин. В 1845 г. в ведомостях по сбору повинностей в Кузнецком уезде упо-минается, что в трех телеутских вол-остях уезда проживало более 3 ты-сяч душ, а оседлых из них было 1178 чел. Посевные площа-ди увеличи-вались медленно. В том же 1845 г. засевалось только 490 десятин.

Большой вклад в изучение быта и культуры алтайцев, и в том числе телеутов, внес Фридрих Вильгельмович Радлов. С целью совершенствования знаний по русскому языку он приехал в 1858 г. в Россию, да так и остался здесь до конца жизни.

В Петербурге, где он хотел остат-ся, места для службы не нашлось. Предложили работать в Барнауль-ском горном училище преподавате-лем немецкого языка. Василий Ва-сильевич (так он называл себя по-русски) согласился на это предложе-ние, но при условии, если ему ежегод-но будет выделяться 700 рублей из казны для изучения быта и культуры народов Сибири.

Ежегодно с 1859 по 1871 гг. в лет-ние каникулы Радлов исследовал жизнь телеутов, алтайцев, казахов и народов Средней Азии. Готовясь к очередному путешествию, Радлов изу-чал язык того народа, с которым он собирался встретиться. Хорошо знал

алтайский, телеутский, казахский и другие языки.

В 1860 г. он вместе с молодой женой изучал жизнь племен Горного Алтая. В начале мая 1861 г. Радлов совершил первое путешествие к телеутам, жившим по рекам Ур, Малому и Большому Бачатам. Телеут Михаил Чевалков, окончивший школу при алтайской духовной миссии, по просьбе Радлова жил у него в Барнауле два месяца, обучал телеутскому языку.

Небольшой отряд путешественников на повозках 11 мая переправился на пароме через Обь и двинулся по маршруту Озерки—Тальменка—Боровлянка. У Маслянино переправились через Бердь и 12 мая в 11 час. утра добрались до деревушки Подневая (Подневая) недалеко от Касмы (Касьмы). Проехав около 10 верст на восток от Касмы, Радлов увидел «огромную великолепную равнину, обильно поросшую травой, необозримые луга, на них разбросано множество поселений. Еще нигде в Сибири я не видел такого плотного населения, как здесь. Каждые 2—3 версты мы проезжали селение, и еще многие виднелись со всех сторон».

В 6 часов вечера добрались до деревни Брюханово в 20 верстах от Касмы и не задерживаясь поспешили в Бедарево, куда прибыли в полночь. Сменив лошадей, путешественники двинулись в первое телеутское селение на Уре. Затем Радлов побывал в улусе Солкай, Шанде, в Улуаим (Большой Улус, ныне Заречное) и через деревни Соколово и Терешкино отправился в Кузнецк.

Во всех селах Василий Васильевич беседовал со старостами, собирая вокруг себя людей, слушал песни, сказки, поэмы, наблюдал похороны, свадьбы и др. обряды, записывал.

Посещая телеутские и алтайские улусы, Радлов обратил внимание на необычные предметы у жилищ. Это

были шкуры разных животных: лошадей, зайцев, овец и других в сидячем положении между двумя столбами. Шкуры животных приносились в жертву богу земли и неба Улгону два раза в год — в праздники весной и осенью. Мясо и жир съедали. В Шанде Радлов заметил, что люди общались с богом по-другому. У каждого дома, на священном месте росло несколько молодых березок, их ветви были увешаны множеством разноцветных ленточек.

И в середине XIX века условия жизни телеутов мало отличались от жизни в XVIII в. Радлов в своих дневниках пишет о нищете сибирских крестьян и кочевников. Вот как он описывает улус на Уре: «В западной половине деревни около 20 домов, но лишь 5—6 из них из бревен, наподобие русских, остальные из плетеных стен, покрытых глиной и землей». Далее Радлов указывает, что телеуты страдали от голода, болезней, падежа скота. Зима — тяжелое время для скотовода. Бедняк голодал так же, как и его скот, потому что сена не заготавливали, а в засушливые годы трудно добывать скоту пищу из-под снега. И несмотря на эти бедствия, телеуты неохотно брались за хлебопашество. «Ячменя сеют так мало, всего в несколько квадратных саженей пашни, обнесенных изгородью», описывал жизнь бачатских телеутов Радлов. «Свирапствовавшая здесь в прошлом году чума крупного рогатого скота снова уничтожила девять десятых всех стад. Теперь здесь почти не достать мяса и молока, и крестьяне в большинстве живут хлебом и капустой».

В тяжелые годы бедняки с отчаянием направлялись по русским деревням и продавали своих детей, чтобы не видеть их гибели. Детей покупали бездетные крестьяне, крестили их и воспитывали, как приемных детей. «Я лично много раз встречал таких,— пи-

шет В. В. Радлов,— выросших совершенно как русские крестьяне».

В 1859 г. самым большим улусом был Челухоевский, в котором имелось 55 хозяйств, проживало в них 276 человек, в Шанде было 23 хозяйства и 165 жителей.

В 1872 году в рапорте Томскому губернатору Кузнецкий уездный исправник доносил, что телеутские улусы Бабанаковский, Челухоевский, Шандинский, Бековский, Ускатский, Карадинский, Урской и Нарышевский (Семенушкино) населяли 1291 человек. «Из числа вышеназванных улусов Челухоевский, Шандинский и другие преимущественно были заселены инородцами, исповедующими шамансскую веру и из числа их многие не имели прочной оседлости и не занимались обработкой земли, оставаясь в бедности». Телеуты, приписавшиеся к русским крестьянским общинам, освобождались от ясака и приравнивались к крестьянам в обложении подушной податью и в других правах члена общины. Даже в 1912 г. отмечалось в документах, что «...для некоторых инородцев хлебопашество и скотоводство не служит источником существования и они занимаются охотой на птицу, пушного зверя, рыбной ловлей, сбором кедрового ореха...»

Губернская канцелярия требовала от уездного начальства повышения налогов. В среднем одна семья платила налог в размере 6—8 рублей в год. Много это или мало? Для сравнения приведу некоторые примеры. Средняя зарплата батрака была от 5 до 5,5 рубля в месяц, плотника до 70, кузнеца по 80—85 коп. в день. Женский труд оплачивался наполовину меньше мужского. Стоимость продуктов была: масло сливочное 14—15 руб. за пуд, мясо 3—4 руб., мед 14—15 руб. за пуд, холст по 50—60 коп. за аршин. Даже уездные чиновники понимали, что дальнейшее повышение налогов

губительно действовало на местное население. «...При нынешнем обложении оно будет обременительно для инородцев, а для некоторых из них и совершенно непосильным»,— писал в губернию кузнецкий исправник. «Инородцы, за единичным исключением, вообще живут очень бедно. Инородцы неумело обрабатывают землю, и она дает низкие урожаи, меньше, чем у крестьян-старожилов. Орудиями для земледелия служили обыкновенные примитивные устройства — сохи и боронь. Уборка хлеба с корня и молотьба производятся ручным способом».

В течение двух столетий контактов телеутов с русскими произошли большие изменения в их жилищах, одежде, быте. Мужчины-телеуты стали одеваться так же, как и русские — высокие сапоги, синие или белые льняные штаны на шнурке у живота, белые или пестрые рубахи из домотканого полотна до колен, шубы из овчин или кафтаны из домотканого же сукна русского покроя. Обычно волосы свисали впереди без пробора до самых глаз. Шапки носили островерхие с наушниками-малахай.

Женщины носили длинные полотняные рубахи с поясом. На косах нет украшений. Все замужние носили головные платки. Те, кто побогаче, украшали себя крупными серебряными серьгами тонкой работы. Телеутские женщины шьют красивые праздничные одежды по моде, дошедшей из глубокой старины. Костюм состоит из шелкового нижнего платья, доходившего до щиколотки, с короткими рукавами и обшитыми золотой тесьмой нагрудником и воротом. Нагрудник обшият вокруг пуговицами. Поверх надевается кофта до колен из того же шелка. Воротник кофты довольно широкий, украшен вышитым геометрическим орнаментом — обычно кубиками из золотых нитей.

До сих пор телеуты носят двойные

имена — свои телеутские и русские. Радлов упоминает, что у них существовал обычай — давать ребенку имя того, кто первым войдет к роженице после родов.

Мало изменились с древних времен брачные обычаи.

Во время своего пребывания у телеутов Радлов заметил еще один странный обычай. В своем дневнике он писал: «Другой удивительный обычай — рано женить мальчиков. Обычно отец брал в дом для своего сына, едва достигшего восьмилетнего возраста, жену, притом не ребенка того же возраста, взрослую девушку. Это сноха-работница в доме и заботится о своем муже.

Если сыну, когда он вырастет, жена не понравится, он может отослать ее к родителям обратно, уплаченный калым тогда пропадает. Однако такие случаи чрезвычайно редки».

Кстати, и сегодня среди телеутов встречаются браки, когда невеста намного старше жениха. Плохо было снохе, когда она теряла мужа, т. к. оставалась в доме свекра на положении рабочей силы. Она могла выйти замуж вторично, если за нее заплатит калым второй муж.

С первыми русскими поселенцами в Сибирь шли служители церкви. В деревнях строили храмы. Священники старались распространять христианство среди телеутов.

С этой целью среди алтайских племен были организованы духовные миссии. Еще в 1830 году в телеутском улусе Улала была построена первая церковь. Построил ее архимандрит Макарий, который 14 лет проповедовал христианство среди кочевников. За это время ему удалось окрестить более шестисот мужчин и женщин. Духовная миссия в Улале превратилась в огромную деревню с церковью и школой. Христианство оказывало благоприятное воздействие на кочев-

ников. Принявшие христианство получили возможность приобщиться к русской культуре, принимали оседлый образ жизни, обучались грамоте.

В середине XIX века у алтайцев и телеутов действовало восемь миссионерских центров. В 1857 году все они были объединены в Алтайскую духовную миссию.

В 1890 году по инициативе духовной миссии у деревни Челухово была построена церковь, а через два года при ней открыта начальная школа. «Строили церковь всем миром, — рассказывал мне старожил села Челухово Иван Степанович Тодышев, — строили и для жителей Беково, Белово, Бабанаково, Шанды».

В раствор для кладки стен добавляли белок куриных яиц. Их собирали по 200 штук с каждого двора. А Челухова Софья Васильевна добавила: «Многие телеуты не хотели креститься. Их запугивали, крестили почти насильно. И крещенные верили в Христа и шаманов. В 1925 г. среди телеутов еще камлали два шамана, одним из них была женщина. Они умерли, кажется в 1927 году, с тех пор шаманов у нас не было».

Иван Степанович рассказал, что рядом с церковью в кирпичном домике в 1892 году была открыта школа. Обучались в ней совместно телеуты и русские, около 30—35 человек. Девочек мало — не более 8—10 человек. «Мне было 11 лет, когда в 1912 году я закончил нашу двухклассную школу. Много времени в этой школе работал учителем Кирсанов Василий Прокопьевич. Закону божьему обучал священник. Я не помню, чтобы телеутов учили на родном языке. Не было и учебников».

Тем не менее христианство сыграло большую роль в повышении культуры бывших кочевников: стали забывать прежние суеверия, уходили в прошлое вредные обычаи. Христиане

активно занимались сельским хозяйством, в их пище появились овощи, картофель, хлеб. Жизнь людей становилась безбедной.

Каких-либо письменных памятников у телеутов до сих пор не найдено. Сказки и легенды передаются из поколения в поколение устно. Василий Николаевич Челухоев, бывший учитель русского языка и литературы Бековской средней школы, записал одну легенду о «Чубадае — заклинателе дождя». В ней рассказывается о том, как однажды летним днем из телеутского села, что было под Кузнецком, в Челухово двигался свадебный поезд. На первой подводе, как обычно, ехали жених с невестой, их друзья. Молодежь пела свадебную песню.

Когда поднялись в гору от Карагайлы, к повозке молодых вышел старик в бедной старой одежде, с измученным лицом и обратился к молодежи с просьбой дать ему табаку, чтобы набить трубку. Однако молодежь высмеяла старика.

— Может быть, еще на той (пир) хочешь попасть. Уди с дороги!

Горькой усмешкой старик проводил повозку с молодежью.

Но вот подъехали старики. Они сразу узнали прохожего.

— О, Чубудай-Тайбаш, здоровья тебе! Как живешь?

— Спасибо, живу, как все. Сейчас тиран (сусликов) ловлю. К зиме надо мясо приготовить. Табачку хотел у вас попросить. Ваши молодые посмеялись надо мной и табаку не дали. Каракашем — злым духом — назвали.

— Что с них возьмешь, молодые, — ответили старики. — Подавай свой кисет! — И насыпали ему полный кисет табаку.

Чубудай поблагодарил и посоветовал не приближаться к повозке молодых. А те веселились, позабыв о старице. И вдруг над ними возникла не большая, но тяжелая туча. А потом

пошел дождь как из ведра, и только над телегой молодоженов. Пере-стал так же вдруг, как и начался, на-мочил всех до нитки. А потом возникло солнце и через минуту все стали сухими.

— Досмеялись? — упрекнули старики молодых. — Никогда над бедным не смейтесь. Это же был сам Чубудай — заклинатель дождя.

В легенде рассказывается, как Чубудай потушил дождем пожар на рожном поле, горевший дом и совершил еще несколько добрых подвигов. В легенде выражена мечта народа о высоких урожаях, о стремлении напоить землю водой, о тучных лугах и пастбищах. А заканчивается она рассказом, как сбылась эта мечта при сооружении мощных мелиоративных сооружений в колхозе «Сибирь» в наше время.

Другая легенда о Шуне-богатыре рассказывает о подвиге богатыря в защиту своего народа. Узнал богатырь, что на Россию напали французы, и отправился на помощь к русскому царю. Царь разрешил ему принять участие в боях. В одном бою Шуни-богатырь встретился с богатырем французом. В схватке Шуни убил вражеского богатыря.

В устном народном творчестве отражается жизнь в те далекие времена, когда телеуты кочевали в верховьях Оби и часто вели кровопролитную войну с соседними племенами казахов. Об этом говорится и в сказке о мальчике Тыдыке, захваченном казахами и превращенном в раба. Однажды, когда хан уехал, Тыдык поймал двух коней. Один из них был слепым. Слепой был очень резвым конем, он-то и спас Тыдыка, когда за ним гналась жена хана. На слепом коне Тыдык прискакал к горному Алтаю. Там его встретили телеуты. Тыдык принес в жертву главному богу небес коня. После того как шаманы закончили кам-

ление, они объявили, что Тыдыка спас сам бог Тыркан. Мальчик приехал в Челухоево и стал основателем рода Тыдыковых.

Сохраняет и пропагандирует телеутский народный фольклор ансамбль песни и пляски. Он существует с давних времен. Еще весной 1939 г. ансамбль принимал участие в смотре художественной самодеятельности. Руководил ансамблем местный учитель Константин Степанович Челухоев. Ансамбль был награжден грамотой и премией в две тысячи рублей.

Перед революцией в Телеутской волости, центром которой было село Беково, проживало немногим больше одной тысячи человек оседлых телеутов, которым принадлежало 4182 десятины земли. Посев зерновых составлял около 1900, 37 десятин — картофеля. Урожай зерновых получали около 5 ц с десятины, картофеля — по 10 ц. Надо сказать, что в это время русские крестьяне получали такие же урожаи. По статистическим данным по Кузнецкому уезду видно преобладание скотоводства над земледелием. В волости имелось около 3 тысяч лошадей, 3312 голов крупного рогатого скота, 2500 овец, 85 коз. В Челухоево у богатых телеутов хозяйство состояло из 30—40 лошадей, 10—15 коров. Средний крестьянин имел 2—3 лошади и столько же коров.

Октябрьская революция отозвалась в Сибири выступлениями рабочих и крестьян за установление Советской власти.

Главной революционной силой были солдаты-фронтовики и беднейшие крестьяне. На митинге в Беково 15 марта 1918 года был избран ревком. В него вошли Василий Павлович Кулагин, Иван Семенович Фефелов, Андрей Кобзев, Афанасий Кулагин. В этот же день был сформирован красногвардейский отряд, куда доброволь-

но записалось около 20 человек вместе с членами ревкома.

После белочешского переворота в конце мая 1918 г. бековский отряд, соединившись с кольчугинскими шахтерами, принимал участие в боях под Юргой. После поражения красных под Юргой часть бековцев ушла с Петром Суховым на Алтай, другие присоединились к алтайским партизанам.

Только 20 декабря после прихода Красной Армии в Беково была восстановлена Советская власть.

В 1935 г. Иосифом Григорьевичем Мажиным здесь был организован первый колхоз имени Энгельса. В колхозе было всего 9 дворов. Первыми были Петр Урусович Тодышев, Сатлай Семенович Тодышев, Николай Васильевич Мажин, Николай Алексеевич Каргин. Объединились бывшие батраки. В колхозе было 6 лошадей. Весной 1935 года засеяли только 5 гектаров. Есть было нечего. Тогда из колхозников-мужчин была создана строительная бригада. Строили в Беково и в Белово. Собрали урожай, засыпали семена и снова пошли работать на производство. Только через два года колхоз начал подниматься на ноги, жизнь вроде бы стала налаживаться, но пришла война.

Свыше 900 человек ушли на фронт из Бековского сельского Совета. Больше сотни из них отдали жизнь за Родину.

Алексей Степанович Четонов, телеут из Шанды, воевал в пехоте. Старожилы Шанды и сейчас вспоминают, как в начале тридцатых годов в Шанде среди телеутской молодежи появилась комсомольская организация. Инициатором ее создания был Алеша Четонов, пятнадцатилетний паренек, который до ухода в армию руководил молодежью в родном селе.

В первые же дни войны Алексей

Четонов ушел на фронт. Воевал не хуже других, заслужил два ордена Красной Звезды. Однажды фашисты, численностью до четырех рот, пошли в контратаку. Завязался жестокий бой. Геройски сражался Алексей Четонов, отстреливался от врага из пулемета. Потеряв много убитыми, фашисты прекратили атаки. После боя перед окопом смертельно раненного Четонова насчитали более 20 вражеских трупов. В феврале 1944 года ему посмертно присвоили почетное звание Героя Советского Союза.

Серьезные трудности сложились в тылу. Перестраивалась промышленность на военный лад. Люди, не считаясь с трудностями, работали по 12 часов в сутки. Не легче было в деревне.

Семнадцать лет было Татьяне Сафоновне Каргиной, когда после окончания курсов при Бачатской МТС она села за руль трактора. На втором тракторе работала ее подруга Аня Тодышева. Как трактористов МТС их закрепили за полями колхоза «Крачи», который находился в телеутском селе Челухоево. «Было очень трудно,— вспоминает Татьяна Сафоновна.— Целый день от темна до темна за рулем. В голове гудит, руки отнимаются от усталости и не слушаются. Хочется лечь и хоть немного отдохнуть. А бригадир уговаривает: сделай еще хоть два круга, допаши поле... Посчитай, сколько хлеба вырастет на двух кругах, сколько красноармейцев можно будет прокормить». Так и работали девушки до конца войны. Знали, что на фронте нашим гораздо труднее, там смерть ходит по пятам, а нам-то на что жаловаться».

За годы Советской власти в жизни телеутов произошли большие изменения. Некоторые улусы исчезли с лица земли. Так получилось, что Челухоево и Беково стали селиться там, куда переселились семьи из других улу-

сов. Первая заемка Беково появилась около 1850 г., неподалеку от улуса Челухоево, который возник здесь на два десятка лет раньше. Челухоево тогда назывался Ары-Баят, а Беково — Кресту, т. е. Крещение. Старики рассказывают, что вокруг села было много леса, а согра вдоль реки Малый Бачат была непроходимой.

Поселок Черта поглотил новый поселок Чертинский. В память о телеутах остались телеутские улицы. Часть телеутов переехала в колхоз имени Ильича в Новобачаты. В конце двадцатых годов в Челухоево переселились телеуты из Бабанаково. Еще в 1916 году, когда строящаяся железная дорога перерезала часть земель Большебачатского улуса, многие телеуты начали переселяться в Челухоево, только селились на другом, правом берегу Бачат. Этот поселок стал называться Верховским. Шло время, пространство в треугольнике Беково—Челухоево—Верховской стало заселяться. Теперь уже трудно найти границы между этими селами. Три колхоза в 1951 году были объединены в один — «Сибирь».

Впоследствии телеутская волость была реорганизована в сельский Совет с центром в Беково. Сейчас в колхозе совместно дружно живут и работают телеуты и русские. В экономическом положении хозяйство является средним.

В колхозе 9354 га земли, из них пашни 5784, крупного рогатого скота 2600, лошадей 95. Растет материальное благосостояние колхозников.

В 1989 году среднемесячная зарплата животноводов и механизаторов колхоза составила 330 руб., в 1990 году 355 рублей. Постепенно увеличивается поголовье крупного рогатого скота у колхозников. В 1990 г. их число достигло 500 голов.

В селе — средняя школа. Из 26 учителей 18 — телеуты. Это бывшие уче-

ники Бековской средней школы. Рас-
тет телеутская интеллигенция. В
1990 году в колхозе работали 9 спе-
циалистов с высшим образованием,
со средним специальным — 14, а ме-
ханизаторами и животноводами со
средним образованием более 50 че-
ловек.

Как-то в газете «Кузбасс» один ав-
тор сообщал, что среди телеутов очень
низкий уровень образования. Это воз-
мутило председателя Бековского сель-
ского Совета Владимира Ильича Че-
лухоева, бывшего учителя географии:

— Это же настоящая клевета,— го-
ворил он мне.— Нас хотят представить
людьми низшего сорта, неспособными
учиться. А ведь многие выпускники
нашей школы стали учителями, ме-
дицинскими работниками, офицерами
Армии и милиции.

Владимир Ильич не поленился, об-
следовал положение всех 900 телеутов,
проживающих в сельском Совете, и

установил, что на одну тысячу телеу-
тов с высшим образованием приходит-
ся 20 человек, со средним — 100.

Беково превращается в современное
культурное село. В каждом доме водопровод,
асфальтированные улицы, строятся просторные квартиры, за по-
следние пять лет в колхозе построено
38 домов. Выросли улицы современ-
ных зданий.

«Я радуюсь за свой народ,— говорит
председатель сельского Совета Влади-
мир Ильич Челухоев.— Нас, тем-
ных кочевников, не оттолкнул русский
народ, помог подняться до современ-
ного уровня культуры. Конечно, жаль,
что дети забывают свой язык, нет
своей письменности, не записывается
наш фольклор и т. п. Мы начинаем
исправлять свои упущения. В школе
уже изучается телеутский язык, хотя
нет пока учебников. Думаю, что со
временем все это уладится».

СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ

Любовь Кузнецова

ИЗ ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СИБИРИ

Первые государственные школы в Сибири появились в конце XVIII века. В царствование Екатерины Второй была предпринята попытка создать систему всесословного школьного образования. По уставу 1786 года малое училище открыли в единственном городе нашего края Кузнецке. Первых учеников оно приняло в 1790 году. В отличие от Петра Екатерина решила не обременять казну расходами на образование, поэтому заботу о содержании училища возложили на городские думы. Невеликие возможности кузнецкого бюджета вынудили объявить подписку пожертвований в пользу училища. Есть данные, что в 1794 году в кузнецком училище обучалось 35 человек, среди них 18 мещанских детей, семь — купеческих, пять — крестьянских и пять инородцев. В 1798 году кузнецкая городская дума окончательно отказалась от содержания училища, мотивируя это тем, что общество признает достаточным обучение своих детей в частных школах¹ (в 1790-х годах у частных учителей обучалось 80 детей). После закрытия училища их число, вероятно, возросло, сохранились сведения, что в 1800 году один отставной солдат в Кузнецке имел в учении 20 мальчиков,

а частных учителей насчитывалось до 10 человек.

Первая попытка открыть государственную школу в нашем крае окончилась неудачно. В 1801—1804 годах была разработана программа следующей школьной реформы. Ее представило в Сенат вновь созданное министерство народного просвещения. В этой программе, именуемой «Предварительные правила», предполагалось создание «общеобразовательной мужской школы трех типов — гимназий, уездных училищ и приходских школ». По мнению авторов реформы, это создавало стройную систему начального и среднего образования в государственных школах. Но хорошо разработанная теория на практике не осуществилась. Программы учебных курсов гимназий, уездных и приходских училищ, разработанные в Уставах 1804 года, были настолько далеки друг от друга, что не позволяли ученикам, окончившим приходские и уездные училища, поступить в гимназию без дополнительной подготовки.

В 1828 году в Уставы о гимназиях и училищах внесли изменения. Теперь гимназисты учились не четыре года, а семь лет. Три года отводилось на прохождение курса приходских и уездных училищ. Этим нововведением прерывалось намеченное реформой поэтапное начальное и среднее образование. Отныне гимназии и училища существовали самостоятельно. Перс-

¹ Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923, с. 47, 49.

пектива открытия низших школ в глазах общества лишилась смысла.

К этому добавлялись сложности материального характера, возникшие при создании приходских школ. Их приходилось открывать на пустом месте в отличие от гимназий и уездных училищ, которые преобразовывались на базе главных и малых училищ или возрождались там, где когда-то были закрыты, как, например, в Кузнецке.

В 1821 году из Нарыма в Кузнецк прибыл учитель Ананьин. Нарымские власти отказались содержать свое уездное училище. Но и кузнецкая городская управа не выразила большого желания взваливать на свои плечи эту заботу. Дома, пожертвованные под училище, были мало пригодны: печи плохо топились, окна рассохлись, а денег даже на отопление не хватало. Первый год Ананьин проводил занятия в своей квартире. К этим трудностям добавлялась и такая проблема: Ананьину пришлось заниматься с тремя учениками, затем их набралось 14.

Конкуренция частных учителей — комендантского писаря, подъячего и других служилых — вынудила учителя Ананьина ходатайствовать о воспрещении частного обучения. «Доколе, — пишет он, — не воспрещено будет таковое преподавание, училище не может иметь твердого основания и я не могу питать себя надеждами видеть своих учеников отличниками по всем предметам, ибо я должен буду угождать прихотям родителей: учить тому, а не этому»...¹

Длительное время в Кузнецке не принимали государственных школ. В 1863 году, например, в училище обучались 33 ученика, а окончили его всего четверо. Но, несмотря на про-

тиводействие общественного мнения, государственные школы все-таки приживались.

На территории Кузнецкого округа действовало еще три школы: при Салаирском руднике (1827 г.), Томском железноделательном заводе (1827 г.) и Гурьевском металлургическом заводе (1836 г.). Эти начальные школы находились в подчинении Алтайского горного округа. Наряду с общеобразовательными предметами детям прививали навыки рабочих профессий. Предприятия нуждались в подготовке грамотных специалистов, и для администрации забота о школах приравнивалась к заботе о производстве.

В Томском госархиве хранятся документы конца XIX века. Они свидетельствуют о том, что городские власти Кузнецка изменили свое отношение к государственным школам. В 1891 году директор училищ Томской губернии обратился к попечителю Западно-Сибирского учебного округа с просьбой выделить деньги г. Кузнецку на постройку здания приходского училища².

Потребность в новых государственных школах диктовалась тем, что в 80-е годы XIX века в Кузнецком округе появились первые школы в селах. Учителей для них не хватало, и выпускники городских приходских училищ могли бы пополнить их ряды. Тем более что учебный курс городских школ превышал объем знаний, получаемый сельскими учениками в своих школах.

Среди архивных документов есть списки церковно-приходских школ и школ грамоты Кузнецкого округа на 1 января 1893 г. Их насчитывалось 49, причем 18 были вновь открыты³. Все они относились к церковному ведомству — Томской епархии.

¹ Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923, с. 114.

² ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 530, л. 1.

³ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 229, лл. 4—5.

Возникновение значительного числа ведомственных церковных школ связано с государственной политикой в области народного образования. Министерские школы, по мнению правительства, не нужны крестьянам и основной массе населения, поскольку предлагаемый в них уровень образования слишком высок и ничего, кроме вреда, для государственного порядка они принести не могли, поэтому предпочтение отдавалось церковным школам. Учрежденные в Сибири указом Синода еще в 1839 году, они призваны были обучать население грамоте, но самое главное — воспитывать его в верноподданическом религиозном духе. Но по тому указу открытие и содержание церковно-приходских школ возлагалось полностью на местных священнослужителей. Переориентация же государственной политики обеспечила церковно-приходские школы материальной базой — в 1884 году издано положение, по которому на содержание этих школ предписывалось выделить дополнительные деньги и обеспечить им поддержку как со стороны государства, так и со стороны местных властей. Кроме того, с крестьян взимали подати в их пользу.

Население Кузнецкого округа, особенно сельское, не подозревало о разнице между церковно-приходскими и министерскими школами, поэтому о выборе типа школ и речи не шло. Выбор был невозможен еще и потому, что Сибирь не имела земств, которые бы могли содержать министерские школы. Но, как видно из того же списка церковно-приходских школ за 1893 год, желающих учиться находилось немного. В каждой школе числилось не более 10—15 детей. В Мариинском округе в 38 церковно-приходских школах в том же, 1893, году обучалось по 15—18 человек¹.

¹ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 229, лл. 3—4.

В конце XIX века произошли большие изменения в экономической жизни страны — Россия и Сибирь вступили на путь капиталистических преобразований. Постройка Великого Сибирского пути явилась толчком для развития промышленности, торговли. Коренным образом изменилось отношение общества к образованию. Пропагандой занимается не только государство, но и общественность, особенно ярко это проявилось в Сибири. В городах появились различные просветительные общества, призванные оказать практическую помощь на поприще народного просвещения.

Не остались в стороне и жители Кузнецка. В 1904 году там основано общество «Вспомоществования нуждающимся учащимся». В его составе 139 человек, из них: бесплатных (неплативших взносы) — 23 учащихся, 50 — членов-соревнователей и жертвователей, 79 — действительных, 10 — почетных членов. В списке почетных членов Кузнецкого общества архиепископ Томский Макарий, попечитель Западно-Сибирского учебного округа Лаврентьев, бывший томский губернатор Ломачевский, томский купец Н. Л. Фуксман, почетный гражданин г. Кузнецка С. Е. Попов. Председателем правления избран Г. В. Казанский. В состав правления входили врачи В. М. Баев, И. Н. Донорский. До отъезда из города в правлении состояли В. Я. Куйбышев, отец В. В. Куйбышева, учитель Шунков.

Из отчета за 1907 год узнаем, какую помощь оказало общество нуждающимся ученикам: 20 учащимся выделены пособия для оплаты за обучение в Кузнецком городском училище, двое обеспечены деньгами на содержание квартир, 16 — учебными пособиями, 93 школьника «получили одежду и обувь (16 сапог, 49 пим, 11 ботинок, 29 теплых пальто, два летних платья, одну блузку, два пе-

редника, две фуражки, семь рубах, семь шаровар)», 164 человека бесплатно получили лекарства. Отказано в пособии 16 учащимся из-за нехватки средств.

Наряду с оказанием материальной помощи, общество занималось просветительской деятельностью. При нем действовала воскресная школа, где обучалось 21 человек. Преподавали там члены общества: священник Калугин, учителя Ф. М. Яременко, Леонтьева, Усанева и имеющие звание учителей Казанская, Карпова, Фонарева¹.

Возможно, именно Кузнецкое общество первым заговорило о необходимости открытия в городе женской прогимназии. В начале 1907 года этот вопрос обсуждался в городской думе. 31 мая 1907 года попечителю Западно-Сибирского округа Лаврентьеву об этом отправили прошение. Приняв живейшее участие в хлопотах о прогимназии, Лаврентьев направил запрос начальнику Алтайского горного управления, надеясь заинтересовать его перспективой открытия учебного заведения вблизи заводов. Но Кабинет Его Величества, в чьем ведении находился Алтайский округ, не счел возможным дать разрешение на открытие прогимназии².

Лаврентьеву пришлось действовать по своим официальным каналам — он отправил запрос в министерство народного просвещения. В центре не разделяли взглядов Лаврентьева на увеличение числа новых учебных заведений. В феврале 1908 года из департамента министерства сообщили: в Кузнецке открывать прогимназию нецелесообразно, так как «в городе недостаточно средств на ее содержание»³.

Государственных же выделить не захотели. Так окончилась неудачей очередная попытка кузнечан открыть в городе еще одно учебное заведение, на этот раз — среднее.

В начале XX века резко возросло число школ в Кузнецком уезде: в 1913 году их насчитывалось 95. За 20 лет школьная сеть Кузнецкого уезда увеличилась в два раза⁴. Наиболее крупные из них по министерству народного просвещения: Салаирское двухклассное училище (205 учеников), Гурьевское училище (133 учащихся), по министерству внутренних дел: Брюхановское училище (85 учащихся), Усть-Искитимское училище (73 ученика), Борисовское училище (80 учеников). В самом Кузнецке было пять учебных заведений.

В 1856 году еще одно селение нашего края обретает статус города — Мариинск. Благодаря своему местоположению — близость к центру губернии и торговым путям, город развивался быстрыми темпами, формировался как центр торговли и предпринимательства.

Мариинские городские власти гораздо активнее занимались вопросами образования своих граждан. Об этом свидетельствуют документы Мариинского учебного округа.

Один из самых ранних датируется концом 70-х годов XIX века. 26 февраля 1868 года Мариинское городское хозяйственное управление обратилось к главному инспектору Западно-Сибирского учебного округа с просьбой открыть в г. Мариинске двухклассное училище для мальчиков и девочек. В прошении сообщалось, что сбор средств начат, здание купцом Чориковым строится и будет готово к августу 1868 года⁵. По тому, как актив-

¹ ГАТО, ф. 100, оп. 1, д. 227, лл. 17—18.

² ГАТО, ф. 126, оп. 22, д. 2227, лл. 1, 13, 23^о.

³ ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2227, л. 23^{об}.

⁴ ГАТО, ф. 126, оп. 3, д. 83, лл. 1—22.

⁵ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 267, л. 1, 2.

но велась подготовка к открытию школы, можно сделать вывод, что в отличие от кузнечан мариинцы были деловыми людьми. Разрешение министерства народного просвещения пришло ровно через год, в августе 1869 г. училище было открыто¹.

К 1891 году в Мариинске появляется еще одно училище — городское двухклассное. Городская дума приняла решение преобразовать его в трехклассное, но попечитель Западно-Сибирского округа ответил, что ходатайство отклонено, «поскольку училище существует всего год и преобразовывать его в трехклассное нет надобности»². Еще одна попытка предпринимается в 1897 году, но безрезультатно. Лишь через 17 лет после открытия в 1907 году городские власти смогли добиться преобразования этого училища, но не в трехклассное, как предполагалось, а в четырехклассное. К 1909 году для него построили отдельное каменное здание, число учеников увеличилось до 96. В училище преподавали три учителя, заведовал им И. С. Шунков (вероятно, переехавший из Кузнецка). Ученики имели своего врача³.

Все это давало надежду на то, что училище можно преобразовать в гимназию. 23 марта 1910 года этот вопрос обсуждался на заседании городской думы, решено было ходатайствовать об открытии в Мариинске полной мужской гимназии, тем более что женская прогимназия уже существовала. В прошении указывалось, что для нее уже готовится помещение. Но Томский губернатор, которому отправили просьбу, в 1911 году прислал ответ с отказом. Вместо гимназии он предлагал открыть частное учебное заведе-

ние первого разряда. Обсудив это предложение, члены городской думы приняли его и отправили еще один запрос, на этот раз об открытии частного учебного заведения, и сразу же приступили к подготовке. Сохранилась смета на оборудование и учебные пособия для частного учебного заведения. Документ очень любопытный. В нем старались учесть все, что потребуется для жизни и учебы учеников и учителей — от классных парт, столов с зеркалами до губок и полотенец. В списке предполагаемых учебных пособий находим «модели и стилики для рисования, колбы для проведения химических опытов»⁴. Обстоятельно подыскивали помещение для частного учебного заведения. Предлагалось остановиться на доме купца Черданцева. Среди документов приложен план этого здания. Осенью 1913 года частная мужская гимназия Мариинска разместилась в этом доме⁵, по окончании ее юноши получали среднее образование.

Таким образом, в 1916 году Мариинск имел два средних учебных заведения, женскую гимназию (1910 г.), частную мужскую гимназию, высшее начальное училище, железнодорожное училище, еврейское начальное училище, частную начальную школу, два городских училища, две церковно-приходские школы на 14 тысяч жителей.

Но это все в городе, а как же обстояли дела со школами в Мариинском уезде? Довольно полную картину можно себе представить, если ознакомиться с «Отчетом о состоянии начальных училищ Мариинского уезда на первое января 1910 года»⁶.

В Мариинском уезде в 1910 году было 86 начальных школ, из них —

¹ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 267, л. 15.

² ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 513, л. 4.

³ ГАТО, ф. 100, оп. 1, д. 351, лл. 1, 2.

⁴ ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2684, лл. 1, 2, 7, 9.

⁵ ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2684, лл. 18—19.

⁶ ГАТО, ф. 100, оп. 1, д. 380, лл. 4—6.

80 одноклассных и шесть двухклассных. 54 школы занимали собственные здания, остальные помещения арендовали. Собственные здания имели городские приходские, частные и железнодорожные школы, в селах — двухклассные училища.

В школах уезда работало 140 учителей. Среди мужчин 44 законоучителя. Эту должность, как правило, занимали священники. Образовательный уровень преподавателей был довольно низким. Из 37 мужчин: девять закончили семинарию, трое — двухклассную семинарию, один — гимназию, четверо — церковно-учительские школы, двое — педагогические курсы, семь — городские училища, двое — уездные училища, восемь сдали экзамены на получение звания учителя по окончании учебных заведений. Из 89 женщин: 20 окончили гимназии, 27 — епархиальные училища, 15 — прогимназии, девять — педагогические курсы, остальные не окончили обучения, но сдали экзамены на звание учителей.

В 86 училищах обучалось 4906 учеников (3374 мальчика и 1532 девочки). В среднем на одно училище приходилось 57 учеников. По национальному составу среди школьников было 91 процент русских, три — поляков, два — немцев и эстонцев, один — магометан, два процента евреев.

В течение года бросило школу 616 учеников. Причина — бедность родителей, вынужденных брать детей на домашние работы до окончания курса.

В отчете приведены расходы на школьное образование: на содержание одного училища тратился в среднем 831 рубль, один класс обходился в 777 рублей, а на одного ученика — 14 рублей 57 копеек в год. Здесь же указаны источники поступлений на содержание школ. Они состояли из:

— земских сборов	— 34 проц.
— из государственного казначейства	— 24150 руб.
— общественные и сословные сборы	— 38 проц.
— городские суммы	— 27216 руб.
— пожертвования частных лиц и обществ	— 8 проц.
— плата за обучение пять рублей в год	— 0,5 проц.
	— 376 руб.
	— 18 проц.
	— 12680 руб.
	— 2 проц.
	— 1380 руб.

Как видим, школа существовала не только на государственные средства, но и за счет общественных пожертвований.

Положение со школами могло измениться в лучшую сторону при введении в Российской империи всеобщего начального образования. Вопрос об этом на официальном уровне впервые обсуждался в 1907 году на заседании Государственной думы. Среди документов госархива сохранились обсуждавшиеся в Думе и разосланные на места «Основные положения для введения всеобщего начального образования в Российской империи», датированное ноябрем 1907 года¹. Что же предлагалось? Читаем: Забота об открытии достаточного числа училищ лежит на учреждениях местного самоуправления. В расчет берут четыре возрастные группы: восемь, девять, десять и одиннадцать лет.

Продолжительность обучения — четыре года. На одного учителя не более 50 детей. Одна школа на район радиусом в три версты.

¹ ГАТО, ф. 126, оп. 3, д. 40, л. 1.

Для организации школы необходимо иметь законоучителя и учителя, обладающего правом преподавать, соответствующее помещение, учебные пособия. Обучение бесплатное. Зарплата учителя должна быть не менее 360 рублей в год и 60 рублей у законоучителя. Расходы на учащихся — 390 рублей на 50 человек.

Таковы были предложения по введению всеобщего начального образования в России. Если сравнить их с приведенными выше цифрами по Маринскому уезду, можно сделать вывод, что к 1913 году положение дел там соответствовало требованиям, предлагаемым для всеобщего обучения. Но это не так. По данным за 1915 год в Томской губернии 66,6 процента детей не учились в школах.

Введение всеобщего начального об-

разования в Сибири было невозможно и по причине отсутствия земств, которые могли бы взять на себя заботу об открытии новых школ. Законодательно они введены в июне 1917 года Временным правительством. Практические шаги по их учреждению сделало Сибирское Временное правительство. Сохранились документы — земские сметы, составленные в 1918—1919 годах. Расходы на образование Щегловского уездного земства, например, предполагалось увеличить до 39,7 процента к общему бюджету¹. Но последующий ход исторического развития опрокинул эти планы.

¹ Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923, с. 182.

Р. Круссер

СИБИРЬ И НАРОДНИЧЕСКАЯ ССЫЛКА 70—90 гг. XIX в.

Краем ссылки и каторги, с суровым климатом и редким населением — такой обычно видится Сибирь даже людям нашего времени. В социально-экономическом отношении Сибирь вплоть до конца XIX в. действительно продолжала оставаться одним из самых отсталых регионов империи. Оторванная бездорожьем от культурных и промышленных центров страны, Сибирь оказалась в стороне от тех преобразований, которые все более захватывали европейскую часть России после отмены крепостного права и других реформ 60—70 гг. прошлого века.

Соглашаясь с этими оценками, следует в то же время сказать, что они не отражают всей сложности и своеобразия развития Сибири, а в какой-

то степени вольно или невольно настраивают нас на негативное восприятие всей ее истории. Между тем более обстоятельное знакомство с прошлым Сибири открывает перед нами картину интенсивной культурной жизни сибирского общества.

Это противоречие между социально-экономической отсталостью и относительно высоким уровнем духовной культуры Сибири отмечали многие русские интеллигенты.

Кому же в этих условиях была обязана Сибирь своим культурным ростом? Какие силы стали важнейшим фактором ее культурного и общественного развития?

Ясно, что эти силы не могла дать сибирская деятельность. Парадокс в том, что эти культурные силы при-

ходили в Сибирь невольно, это были политические ссыльные. Эта невольная цивилизация и составляла главную особенность культурного развития Сибири.

Что же представляла собой политическая ссылка 70—90 гг. XIX в.?

К этому времени дворянские революционеры уже уступили место представителям новой разночинной интеллигенции, составлявшей основную массу участников русского освободительного движения. Соответственно изменился и состав ссылки, которая также стала в основном разночинной. Численность ссыльных резко возросла. Достаточно сказать, что только в результате разгрома народнического движения в Сибирь было сослано около 4000 участников различных народнических организаций.

Отправляя в Сибирь своих политических противников, царизм стремился поставить их в соответствующие условия. Ссыльные находились под постоянным полицейским надзором, вся жизнь их была строго регламентирована. Им запрещалось заниматься педагогической и медицинской деятельностью, служить в государственных учреждениях, заниматься фотографией и так далее. Это сознательное распространение культурных сил страны поразило известного американского путешественника Джорджа Кеннана, посетившего Сибирь в середине 80-х годов. Вспоминая о своем пребывании в Томске и знакомстве с группой местных ссыльных, Кеннан писал об одном из них: «Соломон Чудновский блестящий и талантливый публицист... произвел на меня впечатление человека, который, родясь он в Америке, благодаря своей полезной деятельности, достиг бы почетного положения на родине, но, родившись в

России, он оказался обреченным на тюрьму и ссылку»¹. Всеми силами правительство стремилось изолировать ссыльных от местного населения, не допустить их сближения и влияния политических поднадзорных на окружающих людей. Но жизнь оказалась сильнее жандармских инструкций и наставлений. Объективные потребности Сибири и ее населения, необходимость приобщения к ценностям мировой цивилизации — все это в конечном счете определило и судьбу многих ссыльных. Немалую роль при этом сыграли и сами ссыльные, их демократизм, стремление служить народу.

Некоторая часть ссыльных пыталаась продолжать это служение в виде прежней революционной деятельности. В условиях ссылки они были вынуждены отказаться от террора и других экстремистских методов борьбы и заняться пропагандой. В сибирских и центральных архивах хранится немало воззваний, прокламаций, обращений и других материалов, ставших для нас памятниками этой пропаганды, источниками ее изучения. Среди них проект приветственного адреса французскому народу в честь 100-летней годовщины революции 1789 года, обращения к товарищам по ссылке с призывом продолжать борьбу с произволом и угнетением, номера нелегальных рукописных журналов и ряд других ярких документов.

Иногда такие призывы переходили в конкретные действия, прямые столкновения с администрацией и полицией. Так осенью 1883 года энергичное сопротивление конвою, пытавшемуся не допустить встречу партии ссыльных, оказала группа мариинских ссыльных. Защищаясь от солдатских прикладов, они пустили в ход камни и палки². Весной 1883 года произошел

¹ Чудновский С. Л. Из давних лет. М., 1934, с. 292.

² Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 4, д. 1407, лл. 1—9.

вооруженный протест якутских ссыльных, получивший известность не только в России, но и за границей. Его участники расценивали свои действия как революционное выступление общеполитического характера, а не только как акт самозащиты против издевательств якутской администрации. В протесте приняло участие более 30 ссыльных, шестеро из них были убиты во время перестрелки, а трое казнены по приговору военно-полевого суда.

Сохранились сведения и о революционной пропаганде ссыльных среди различных групп местного населения: учителей, служащих, медиков, учащейся молодежи и даже крестьян. Известно, что подобная пропаганда велась в некоторых городах Кузбасса. Имеются также данные о появлении в отдельных городах Сибири (Томске, Иркутске, Тобольске) совместных нелегальных кружков, в которые наряду со ссыльными входила и местная сибирская молодежь.

Как правило, такая деятельность не проходила бесследно и если не всегда достигала своей прямой цели, то во всяком случае воспитывала чувство человеческого достоинства и стремления к лучшему будущему. В людях пробуждался интерес к общественным проблемам, которые все чаще становились предметом внимания и обсуждения сибиряков.

Наибольшее отражение эти настроения нашли в двух газетах: «Восточное обозрение» и «Сибирская газета». Обе были прогрессивными демократическими изданиями. Причем значительную часть сотрудников составили политические ссыльные: Феликс Волховский, Дмитрий Клеменц, Соломон Чудновский, Петр Заичневский и другие.

Политические ссыльные восполнили дефицит в кадрах, который испытывала сибирская периодика. Им удалось

поднять авторитет новых изданий и привлечь к ним читателей. Сотрудничество ссыльных накладывало определенный отпечаток на газеты, усиливая их демократическую направленность. Как правило, такие издания становились более отзывчивыми к острым вопросам современности. Газеты стремились увязать решение сибирских проблем с общероссийской действительностью и необходимостью ее радикального реформирования. По характеристике Главного цензурного управления, это были наиболее неблагоприятные органы печати того времени, доставлявшие немало хлопот правительству и местным властям¹.

Особенно велико было влияние ссыльных в «Сибирской газете», издававшейся в Томске в 1881—1888 гг. Ее «негласным редактором», по воспоминаниям современников, стал Феликс Волховский, блестящий публицист и поэт, сосланный в Сибирь в конце 70-х годов. Газета публиковала материалы о положении трудящихся Западной Сибири, рабочих золотых приисков Кузбасса, крестьянах-переселенцах... Страстная борьба против угнетения и произвола, защита униженных и оскорбленных — все это превратило «Сибирскую газету» в одно из лучших изданий того времени. Газета неоднократно подвергалась цензурным преследованиям и в 1989 г. была окончательно закрыта².

Следует отметить также, что далеко не каждый из ссыльных вставал в Сибири на путь революционной борьбы. Нарастающий кризис народничества порождал сомнения в успехе и реальности его идеалов.

В этой обстановке все более значи-

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 776, оп. 12, д. 71, лл. 259—262.

² Круссер Р. Г. Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни, 1969, № 3.

тельное место в жизни ссыльных начинает занимать культурно-просветительная и научная деятельность. Ее отличительной чертой был ярко выраженный демократизм, который, можно сказать, стал жизненным кредо этой группы ссыльных. В трудящихся массах Сибири они видели прежде всего своих сограждан, которые еще в большей степени, чем рабочие и крестьяне Центральной России, нуждались в их помощи и знаниях. И эту помощь местному населению ссыльные стремились оказывать распространением в его среде просвещения, медицины, агротехники и других видов знаний и навыков.

С именами ссыльных связано возникновение и упрочение сибирских музеев и библиотек, развитие Сибирских отделов Русского Географического общества и целый ряд других ценных начинаний, результатом которых было повышение культурного уровня сибиряков. Под влиянием ссыльных укрепляется связь этих учреждений с жизнью, с потребностями местного населения, а само население начинает принимать в них более активное участие.

Трудно переоценить значение всей этой работы для различных районов Сибири, где население зачастую было лишено доступа к самым элементарным благам цивилизации, не знало медицинской помощи, библиотек, не имело возможности обучать своих детей из-за отсутствия школ и учителей. И дело здесь не только в той сумме сведений, которое получало население от общения с политической ссылкой. Не менее важное значение имела и другая, качественная, сторона этого процесса. Политические ссыльные знакомили население с лучшими, наиболее яркими достижениями русской культуры. Нередко именно от ссыльных население Сибири узнавало о творчестве Толстого и Че-

хова, художниках-передвижниках, исследованиях общественной мысли и других явлениях русской культуры второй половины XIX столетия. Естественно, что приобщение к этой культуре не ограничивалось приобретением отдельных культурных знаний и навыков, но оказывало влияние на общественное сознание сибиряков, формировало их нравственные позиции.

Но народническая ссылка дала Сибири не только общественных деятелей, журналистов, учителей и других работников культуры. Она сформировала и основные кадры исследователей этого края.

Чтобы понять и оценить эту деятельность ссыльных надо вспомнить, что собой представляла Россия после реформы 1861 года, когда, по выражению Льва Толстого, в ней «все переворотилось» и укладывалось заново. Стремительные темпы развития, перестройка всего хозяйства, быта, культуры обусловили потребность в глубоких исследованиях, которые начались во всех губерниях европейской части России. Сотни специалистов: статистиков, экономистов, историков приняли в них участие.

Сибирь не осталась в стороне от этих изменений, хотя шли они здесь с большим опозданием и в более скромных масштабах. Новая пореформенная эпоха все больше акцентировала внимание исследователей на внутренних процессах сибирского общества, особенностях и характере его развития.

О необходимости серьезных изменений в организации изучения Сибири заговорила и сибирская пресса. «Все это уже указывает, что период больших подвижных экспедиций для Сибири миновал. Потребность в исследованиях на месте, стационарных, скажется день ото дня все яснее и резче», — писал в 1893 г., выступая в

газете «Восточное обозрение», Дмитрий Клеменц, бывший в то время руководителем Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества¹.

Таким образом, понимание невозможности изучения края лишь путем поездок и экспедиций извне становится уже достоянием широких кругов сибирской общественности. На первый план выдвигаются стационарные местные исследования, отвечающие требованиям более углубленного и систематического изучения Сибири.

Трудности состояли в том, что вести такое изучение без собственных научных кадров было практически невозможно. Формирование же их из среды местной сибирской интеллигенции шло очень медленно и не отвечало потребностям Сибири. Первый Сибирский университет в Томске был открыт только в 1888 г., да и тот ряд лет существовал в составе одного медицинского факультета.

В этих условиях научная деятельность ссыльных становилась для сибирской администрации настоятельной необходимостью, которую приходилось допускать, несмотря на существующие инструкции и ограничения. Участие ссыльных позволило ускорить научное изучение Сибири и провести ряд исследований, и по сей день составляющих гордость русской науки.

Но совершенно исключительную роль сыграли ссыльные в изучении сибирского населения. Что же заставило их взяться за эту работу? «Если активное отношение к человеку и его судьбам всех их привело в Сибирь,— писал о своих товарищах Сергей Швецов, пробывший в ссылке более 25 лет,— то естественно, что в деле изучения новой для них страны, страны катарги и ссылки, их симпатии,

их действенность направляются в сторону того же эксплуатируемого, угнетаемого, страдающего человека»². Иначе говоря, мы имели здесь дело все с той же идеей служения народу. За сравнительно короткое время участники ссылки выполнили целый ряд исследований, которые во многих случаях давали совершенно новую картину населения Сибири, его жизни, быта, истории, социально-экономических отношений.

Видными исследователями сибирского крестьянства стали Исаак Гурвич, Солomon Чудновский, Сергей Швецов, Николай Зобнин и другие ссыльные народники. На огромном фактическом материале они показали жизнь сибирской деревни того времени, ее особенности, вторжение в жизнь ее обитателей тех самых новых явлений, отношений и взглядов, которые развивались в России после реформы 1861 г. Эта же группа ссыльных положила начало изучению крестьянских переселений в Сибирь, быстро возраставших после отмены крепостного права. Одну из главных причин тяжелого положения крестьян-переселенцев они видели в сохранении в Сибири царского, так называемого Кабинетского землевладения, занимавшего около 70 млн гектаров, и смело настаивали на его ликвидации.

Не в меньшей степени волновала народников и судьба коренных сибирских народностей, составляющих к концу XIX в. более 800 000 человек, т. е. примерно 12,5% всего населения Сибири. «Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попадавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке,— писал ссыльный народоволец, а впоследствии всемирно известный ученый Владимир

¹ «Восточное обозрение», Иркутск, 1893, № 46.

² Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири. // Каторга и ссылка, 1928, № 3, с. 61.

Богораз,— состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных полуистребленных и почти совершенно неизвестных¹.

Под влиянием политических ссыльных меняется и направленность исследований, ведущихся в то время в национальных районах Сибири. До расселения здесь народнической ссылки в их изучении преобладали естественно-географические интересы. Гораздо в меньшей степени была затронута исследователями жизнь самого народа, его обычай, культура, материальный быт и общественная организация. Труднодоступные и суровые районы Сибири с народами, говорящими на малоизвестных, а часто и во все неизвестных языках, не привлекали сюда представителей чистой науки. Лишь немногие энтузиасты научной мысли отваживались на путешествие в эти отдаленные края Сибири. Но и они продолжали оставаться здесь кратковременными гостями, далекими от населения и его жизненных интересов. И лишь при деятельном участии ссыльных 70—90-х годов научная мысль Сибири смогла сделать новый шаг вперед навстречу почти неведомому ей миру коренного населения Сибири.

Общественные позиции ссыльных наложили свой отпечаток и на методику их исследовательской работы. В ее основе лежало глубокое проникновение этнографа в духовный мир и материальную культуру изучаемого народа, прекрасное знание его психологии и языка. В суровых условиях Севера некоторые из ссыльных повторили подвиг Миклухо-Маклая, проведя ряд лет вдали от цивилизации, вместе с первобытными племенами охотников и скотоводов.

Одним из таких ссыльных был Влади-

мир Богораз, о котором уже упоминалось. Более трех лет провел он среди чукчей, изучая их жизнь, язык, верования. Переезжая из стойбища в стойбище, кочуя вместе с чукчами на оленях, он посещал бега, шаманские празднества, присутствовал на свадьбах, записывал чукотские сказки и предания. «Мне приходилось переправляться вброд через горные реки, взбираться по крутым перевалам хребтов, прорубать вместе с чукчами просеки в густой чаще, совершенно не проходимой для грузного поезда наших грузовых саней и так далее»,— писал он в 1895 г. в Иркутске, сообщая о своих «непрерывных разъездах» по Колымскому краю². Передвигаясь таким образом то верхом на лошадях, то на собаках и оленях, а иногда и пешком, он прошел более двенадцати тысяч верст тяжелейшего пути, полного лишений и неожиданных приключений.

Примерно в такой же обстановке работали Владимир Иохельсон, Лев Штернберг и некоторые другие ссыльные.

Для многих исследователей эта работа стала одновременно и формой служения интересам сибирских народов. Свой гражданский и научный долг они видели в борьбе против колониального угнетения якутов, бурят, алтайцев и других сибирских «инородцев», как официально назывались они правительством. Политические ссыльные смело отстаивали право этих народов на самостоятельное хозяйственное и культурное развитие, на превращение их в полноправных граждан своей страны.

Особенно ярко демократическая идеология ссыльных проявилась в их отношении к расизму и расистским теориям. Статьи и исследования Дмит-

¹ Богораз В. Г. Чукчи. Часть I, Л., 1934, с. XIII.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 293, оп. 1, д. 659, лл. 23—23 об.

рия Клеменца, Льва Штернберга, Владимира Богораза и других ссыльных народников вскрывали реакционность и антинаучность подобных концепций. На огромном фактическом материале они показали полную несостоительность всех попыток деления человечества на «высшие» и «низшие» расы, на «полноценных» и «неполноценных» людей.

Раскрывая колонизаторскую деятельность царизма в национальных районах Сибири, ссыльные вместе с тем сумели показать историческую прогрессивность присоединения сибирских народов к России, ту громадную роль, которую призван сыграть в их судьбе великорусский народ и его культура.

Но не только демократизм Богораза, Пекарского и их товарищей привлекает сегодня наше внимание. Не менее важным и поучительным представляется и необычайно бережное отношение этих ученых к материальной и духовной культуре сибирских народностей. Известно, что в наши дни

обострения межнациональных отношений эта проблема становится для нас все более острой, связанной с дальнейшей судьбой алтайцев, шорцев и других сибирских народов.

Таковы наиболее характерные черты истории народнической ссылки, оказавшие влияние на общественную и культурную жизнь Сибири. Как мы видели, это влияние было очень значительным и разносторонним. Прогрессивная роль ссылки станет еще более очевидной, если мы вспомним, что период 80 — начала 90-х гг. был временем наступления реакции после событий первого марта 1881 г. Для отсталой и отдаленной Сибири реакция могла стать особенно тяжелой и разрушительной. И если этого не случилось, если, несмотря на все испытания, Сибирь сумела в эти годы сделать шаг вперед в своем общественном и культурном развитии, то этим она была обязана прежде всего политическим ссыльным, их жизни и деятельности в Сибири.

М. Кушникова

РОМАН О СИБИРСКОМ ЗОЛОТЕ

Сто пятьдесят лет назад в крепости Ениколе в Крыму, в семье кавказского офицера — тамбовского дворянина от дворянской же дочери Ярославской губернии — родился мальчик с совершенно нерусской фамилией Блюммер. Впоследствии его биографы станут искать корни Блюммеров, кто в Ирландии, кто в Швейцарии (в кантоне Гларус), сойдутся на том, что родной его дед служил адъютантом у Костюшко, а двоюродный — был убит в Варшаве в чине генерала при восстании 1831 года и что в конце концов род Блюммеров переселился в Россию.

Пройдут годы. Мирно учительствуя

в деревне Кругояровке Полтавской губернии, в 1856 году Блюммер послал свои первые журналистские опыты в «Одесский Вестник». Маститые издатели — профессора Богдановский и Георгиевский — более чем благосклонно приняли работы пятнадцатилетнего корреспондента: в 1857 году Блюммер, ободренный первыми публикациями, поступает в Петербургский университет по Восточному факультету.

Петербург принял юного Блюммера как «своего».

В 1861 году с блеском защищена степень кандидата прав в Московском университете, после чего Леонид

Петрович уезжает за границу.

Все это — видимая, фактическая часть биографии. То, что потом напишут о нем посмертно профессор С. Венгеров («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», СПБ, 1892, т. 3) и профессор Е. Бобров («Русская старина», июль 1905 г.) о «безвременно ушедшем из жизни» 26 мая 1888 года, в 47 лет, «от разрыва сердца или солнечного удара» литераторе и журналисте Леониде Петровиче Блюммере, подчеркивая, что при блестящем даровании и работоспособности — опубликовал более двух тысяч статей, рассказов, критических работ — «он мог бы занять видное место в русской литературе в качестве либеллриста или критика, но для этого нужно было всецело отдаваться одному делу, нужно было посвятить себя одной литературе... этого и не мог сделать Леонид Петрович. Ему вредило чрезвычайное богатство и разнообразие способностей...»

«Люди 60-х годов и вообще как-то скоро перегорели, оставив по себе сравнительно немногого...», — заключает свой очерк автор, проф. Е. Бобров.

Итак — «люди 60-х»...

Итак — «посвятить себя одной литературе»...

Мог ли — Блюммер? А Чернышевский? Писарев, Белинский, Михайлов?

В 1864 году в Петербурге состоялась гражданская казнь Чернышевского с последующей ссылкой в Сибирь. В обвинении фигурировали не только «приготовление к возмущению», но и контакты с Герценом.

В 1865 году Блюммера повелительно вызывают в Россию. Вызывают власти. Следует суд, каторга и ссылка на десять лет.

Впрочем, после полутора лет заключения, хоть и лишенный всех прав, Л. Блюммер остается в Сибири, но

уже в качестве ссыльного. И всего на четыре года. Но эти годы, когда Блюммер служил на частных золотых приисках в кузнецкой и алтайской тайге, сделали его литератором.

Первый роман о сибирском золоте написал не Н. И. Наумов («Еж», 1873 г.), не Д. П. Мамин-Сибиряк («Золото»), не В. М. Михеев («Золотые россыпи»), а именно Л. П. Блюммер, который в 1871 году, вернувшись из ссылки «по всемилостивейшему прощению», напечатал в журнале «Заря» фрагменты романа «Около золота», а затем отдельным изданием под названием «На Алтае» и весь роман. Сибири он посвятил также рассказы «Фальшивая бумажка» и «Слуга».

Действие романа «Около золота» Леонид Петрович Блюммер разворачивает «в Западной Сибири, в отрогах Алтая, не слишком далеко от китайской границы», где расположен небольшой городок Ковальск. Ковальск — псевдоним Кузнецка, точно так же, как под Багулом скрывается Барнаул. Действие — увлекательное, даже детективное, тем более что происходит на фоне дремотно-патриархального бытования. Л. П. Блюммер весьма точен. В описание житья-бытъя городка Ковальска свободно могли бы вплетаться целые абзацы и главы о Кузнецке из «Положения рабочего класса в России» Берви-Флеровского, равно многие характеристики и коллизии из сибирских рассказов Наумова органично срастаются с персонажами и наивно преступными ситуациями романа Блюммера. Наивную преступность — плод невежества и спячки души — порождает сама среда, «где об интеллигентской жизни не было и помина... исправник обирал инородцев, горный правитель — вверенных ему крестьян, то-

родничий сидел в своем правлении... все это жило очень просто, в домах, иногда не отличавшихся по наружности от крестьянских, ездило в крестьянских санях, в воскресенье появлялось на базаре в нагольном тулупе и валяных сапогах, а затем лило и лило...» (Берви-Флеровский).

И все это в богатейшем крае, где к тому же — золотая лихорадка. И — последовательная иерархия мелкого тиранства и покорного неосознанного рабства. «Пока крестьянина можно будет наказывать телесно, не только по суду за важные преступления, но и за маловажные вины — за бедность, до тех пор он будет раб в душе, он будет чувствовать себя жалким, униженным парилем, чувство собственного достоинства будет для него не доступно... Жертва беспощадного унижения, он держит в таком же рабстве свою жену и все свое семейство и воспитывает детей, всасывающих с молоком матери раболепие и пороки». Все это — о Кузнецке. И именно той поры, когда Блюммер населяет его своими «героями».

Роман «Около золота» задуман был как своего рода энциклопедия сибирской жизни за полвека. Первая часть описывает быт и нравы 30-х годов XIX века на Алтае (Ковальск), вторая — 40-е годы в енисейской тайге, третья переносит действие в Томск 60-х годов, четвертая — в Иркутск десятью годами позднее. Но Блюммеру удалось завершить только первую часть — вполне законченную по замыслу и сюжету. Наумовские сюжеты («Еж», «Паутина») бледнеют перед динамичной, но беспристрастной «хроникой ужасов», подспудно сплетающейся под сенью патриархальнойного и мирнейшего Ковальска.

...В речной проруби казак Сидоров находит труп младенца. Следствие ведет поднаторевший в темных делах сограждан городничий. Оказалось,

что утопленный младенец — сын казначейской дочери Софии Переченко. Щекотливая ситуация — на базарной площади ежедневно и ежечасно встречается чиновничий «свет» Ковальска. Городничий хорошо знает уездного казначея Василия Максимовича. Насыпан и о том, будто Переченко соблазнился предложением купца Зубова купить краденое с казенных приисков золото, причем на деньги, «одолженные» у казначейства. Последовал донос. Ревизия. Переченко грозит каторга. Он «продает» свою дочь Софью приказчику по откупам Хлютикову, бывшему претенденту на ее руку, которому было презрительно отказано.

Второй слой действия помещен Блюммером в Барнаул (Багул). Кто же продает золото ковальским купцам? Багульский управляющий казенным золотом Ястребов, бонвиван и картежник. И какие же роскошные картины быта и нравов багульского бомонда приводит Блюммер, так тесно перекликаясь с Достоевским, который барнаульский высший свет знал «при ближайшем рассмотрении» — нередко бывал у начальника Алтайских заводов, полковника А. Р. Гернгросса, знаком был со всевластным владельцем богатейших приисков маркизом де Траверсе (...О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился, хлопотливый народ, и сколько в нем сплетен и доморошенных Талейранов), и не их ли сколки находим мы в образах багульских магнатов у Блюммера; не супругу ли Гернгросса имеет в виду автор, поминая о некоей высокопоставленной даме с немецкой фамилией, которая посыпает почтой мыть носовые платки аж в Париж. Равно — не отголоски ли виденного Берви-Флеровским в багульской разгульной жизни? Золотая лихорадка порождает свой способ жизни — «Прежде это общество глохло и только,

ено потопляло свои потребности в ви-
не, убивало свое время за картами;
теперь оно действовало под влиянием
жгучей страсти, которая доводила его
до болезненных ощущений. Чванство,
властолюбие, желание возвыситься
роскошью, страсть к удовольствиям
пучили и заедали его». Напомним:
Блюммер, Наумов, Берви-Флеровский
знавали Кузнецк и Барнаул в одно и
то же время, и лишь несколькими го-
дами позднее Достоевского. И если от
Наумова мы узнаем, что «нигде так
не развита система закабаления рабо-
чего, как на приисках, где за весь свой
летний таежный труд работник выно-
сит в очистку лишь несколько рублей
(«Еж») и даже эти гроши оставляют
в кабаке — «Ты робишь, робишь,
живь кладешь, а все ты нищий, а
другой за твое здоровье, сложа руки,
в прохладе живет. Неужто так должен
жить человек?» («Паутина»), — то
Блюммер намного раньше повествует
в своем романе о рабочем Николае
Гурине, который, опираясь на рабочих,
пытается противостоять казнокраду
Ястребову и его приспешнику, урядни-
ку Сумгирову, и, конечно же, тяжбу
проигрывает. Осужденный быть «за-
поротым до смерти» Гурин, испытав
унижение куда больше, чем порка,—
Ястребов заставляет его съесть, «сже-
вать» несколько страниц жалобы,
адресованной в высшие инстанции и,
конечно, отправленной на рассмотрение
обидчикам,— отчаявшись, стреляет
в Ястребова, но убивает прибывше-
го из Барнаула в Кузнецк ревизора,
и сам умирает на руках у своего дру-
га, рабочего Фролова.

Очевидно, роман Блюммера был в
большой мере документальным — не
напрасна столь тесная перекличка с
публицистикой Берви-Флеровского и с
почти что документальными рассказами
Наумова. Более того — лет пятнадцать
назад мне попался подлинный ро-
ман

куле (золотые и серебряные при-
иски), — дело окладного поселенца
Ивана Федорова, бежавшего с приис-
ков маркиза де Траверсе и тщетно
славшего ему жалобы на управляю-
щих, надзирателей и прочий сонм
мелких мучителей своих. Избитый
лозанами (розгами) Иван Федоров,
«по причине побоев», работать не мо-
жет и просит его освободить с выда-
чей «билета», то есть «вольной». Де-
ло не доведено до конца, и мы уже
никогда не узнаем, как повернулась
лютая судьба окладного поселенца
Федорова. Но двенадцать страниц
упомянутого «дела» — готовый рас-
сказ, под которым мог бы подписать-
ся Наумов, или — глава, которую
Блюммер органично мог бы ввести в
свой роман «Около золота».

О документальности романа гово-
рит и другое обстоятельство. В 1885 году, когда он был полностью
опубликован (вернее первая его
часть) под названием «На Алтае», о
нем, как ни странно, резко критиче-
ски отзывался именно Н. Ядринцев,
бывший единомышленник Блюммера
поры сибирского студенческого зем-
лячества. Впрочем, странно ли? Се-
партистская идея «областников»
предполагала и немалую долю идеа-
лизации Сибири, ее обитателей и пат-
риархально-соборных отношений ме-
жду ними. Роман Блюммера сдувал
сусальную позолоту с такого идилли-
ческого представления об едино-пат-
риархальной Сибири. И документаль-
ность повествования и его героев,
или хотя бы части их, — при возмож-
ной узнаваемости, а если кто-либо из
них еще здравствовал в Кузнецке и
Барнауле — сибиряки народ креп-
кий, — немало навредили бы деятель-
ности Ядринцева. Так или иначе, ска-
заны были суровые слова о «ловких
романах заезжих пенкоснимателей и
ташкентцах-цивилизаторах».

О «вредной» документальности ро-

мана «На Алтае» говорит и то, что о другой работе Блюммера — «Путешествие в места не столь отдаленные» — Ядринцев отозвался восторженно. Заметим, открывая скобку, что именно с легкого пера Блюммера и вошли в наш обиход «места не столь отдаленные», — выражение, еще до недавних пор таившее весьма тревожный смысл.

Весной 1980 года, побывав в Новокузнецке, как обычно, встретилась с Антоном Ивановичем Полосухиным, которого можно по праву назвать летописцем Кузнецка и которого считаю и всегда буду считать своим учителем и примером для подражания. На сей раз он передал мне такую записку: «В городе Кузнецке я лично давным-давно, еще будучи подростком, но уже комсомольцем, слышал от древних кузнечан-старожилов о человеке — писателе и революционере, сосланном царем в Сибирь на золотые прииски. Что этот ссыльный бывал в Кузнецке несколько раз и всегда останавливался на улице «Зеленой» (теперь улица Полосухина) в доме сапожника Жирихина. Старожилы, видевшие этого писателя-революционера, рисовали его как человека внушительного вида, красивого, богато одетого и общительного. Рассказывали, что его не любило полицейское начальство и вроде выживало из Кузнецка, как человека подозрительного. Эти старожилы считали писателя-революционера ссыльным немцем. Некоторые говорили, что он невзлюбил местное полицейское начальство и ругал это начальство, а как-то даже прятался в бане у Жирихина от полиции. Остается полное впечатление, что этим человеком, писателем и ссыльным революционером и был Леонид Петрович Блюммер, который в своем романе «Алтай» остро разоблачал проделки верхушки полиции и купцов в Кузнецке.

Возможно, что где-то в литературе и личных записках Блюммера и сохранились воспоминания о посещении Кузнецка. Из его романа «Алтай» это яствует. Антон Полосухин. 20.III.80».

С этой записки и началась для меня тема «Блюммер — забытое имя». Привлек именно намек на возможную документальность романа, название которого Антон Иванович чуть искал. Документальность, которая, думается, аргументировано подтверждается резким отзывом Ядринцева о романе, написанном близким, хотя бы по воспоминаниям юности, человеком. Документальность, которая, очевидно, давала о себе знать еще в пору побывок Блюммера в Кузнецке, описанных «древними старожилами», — не зря же «власти» выживали его из города за то, что он ругал их (в романе?) так, что даже приходилось прятаться от полиции...

Действие романа отнесено к 1836 году — но написан роман в куда более позднюю пору, так что прототипы героев, вероятнее всего, персонажи реальные, а может, еще и пребывавшие у власти — чиновная братия на местах сидит подолгу, до почетного выхода в отставку.

Сам стиль романа — скорее публицистика. Описание некоего реального случая, свидетели которого скорее всего еще живы в Багуле и Ковальске (Барнауле и Кузнецке) к моменту издания книги. Да и детали «детектива» столь мелко-шulerские, что не могли не запомниться. Чего стоит пачка казначейских банкнот, приготовленная для «сделки», в которой ассигнации переложены аккуратно вырезанными по размеру листками бумаги; или скандальный момент, который, конечно же, всполошил Кузнецк и, конечно же, не забылся: осмотр незамужних девиц повивальной бабкой для установления той, которая, родив незаконнорожденного младенца, могла

утопить его в проруби; приведенные в романе главы «У телеуотов», «У поляков» — живые, почти этнографические описания с прототипов. Не добрых, не злых — реальных.

Несомненно, гнев «сепаратистов» должна была вызвать глава «У старообрядцев», где бесцеремонно сняты покровы с мнимой святости «божьего человека» и затворника,— помилуйте, где же благость, которую принесли в Сибирь ревнители истинной древней веры!.. Не лучшим образом выглядит и одна из героинь, будто бы обиженная судьбой, тоже преданная и проданная, Олеся, которая, побывав у старообрядцев и приглядевшись к многим обманам, охотно превращается в мать Елену, мечтая о своем монастыре, где ее ожидают диктаторские почести.

Добыть книгу «На Алтае» по МБА оказалось нелегко. Но наконец вот она передо мной, когда очерк почти что закончен. Изящными буквами отделены главы, шрифт достаточно крупный, удобный для чтения. С первых же страниц чередуются сюрпризы. После первого листа, сообщающего, что книга Л. П. Блюммера «На Алтае» издана в С.-Петербурге в 1885 году типолитографией В. С. Апостолова на Фонтанке рядом с Аничковым дворцом, следует второй — с первым сюрпризом: почти не выцветшими чернилами автограф: «Русскому поэту Сергею Аркадьевичу Андреевскому. СПБ 20.V.85. Блюммер».

На титульном листе: «Посвящается Юл. Вас. Буткеевой».

И — наконец, под названием первой главы «Город Ковальск и его благо-денствие» — эпиграф, он же главный сюрприз.

Tutti è vero verissimo,
Lettore mio carissimo.

Эпиграф на итальянском, который в Ковальске и даже Багуле прочитает,

а тем более поймет, не каждый и кото-рый означает:

«Все здесь правдивейшая правда,
Дражайший мой читатель».

Похоже, эпиграф рассчитан именно на широкого, но непровинциального и просвещенного читателя, которому адресовано правдивое описание одного из, очевидно, нашумевших казусов на Колывано-Воскресенских приисках, и где? — в тишине Кузнецке...

Стало быть, автор как бы сам подтверждает документальность описанной истории, и, значит, наши предположения оказались верными. Было, было отчего не любить Блюммера в мирнейшем Кузнецке, как свидетельствует А. И. Полосухин...

В «Русской старине» за июль 1905 года — превосходнейший портрет Блюммера: благородный полноватый человек с окладистой бородой, в пенсне. Черный фрак, белая крахмальная сорочка. «Одним из наиболее оригинальных лиц 60-х годов, бесспорно, является тот, кому посвящен наш очерк,— пишет профессор Е. Бобров,— Л. П. Блюммер, бывший то журналистом, то эмигрантом-революционером, то ссыльным, то беллетристом, то публицистом, то адвокатом и дельцом...»

Что современники оценивали Л. П. Блюммера неоднозначно — это неудивительно. Такая многогранность, а главное, плодовитость беллетриста — одних его псевдонимов набирается около десятка, — в конце жизни ставшего вполне благополучным человеком — преуспевающий адвокат, журналист, корреспондент газет «Дон», «Листок», «Дневник», в Саратове женился на дочери генерала, вторым браком — на дочери саратовского купца, и опять же — «богато», вряд ли нравились знавшему Блюммера по революционному его прошлому С. Вен-

герову, тоже знавшему «гнездо на Садовой» и причастному к дому Антонины Блюммер-Кравцовой. Равно сдержанно пишет он и о заграничном периоде Блюммера: «О заграничной Блюммера деятельности в качестве «революционного» журналиста составилось весьма двусмысленное представление».

Гораздо удивительнее, что к столетию рождения Блюммера в 1940 году авторы небольших заметок о нем в новосибирских и иркутских публикациях упорно подчеркивают, что в романе «Около золота» «лубочная уголовщина переплетается с яркими, порой бытовыми картинами», конечно же, с упором на то, что советскому-де читателю интересны не уголовные истории из быта старых сибирских горных чиновников, а описания быта рабочих на казенных золотых приисках». Ибо «Блюммер описал с натуры издевательства «начальства» над рабочими и пробуждение в рабочих чувства солидарности, выразившееся в попытке устройства «бунта»... Яркие картины старого сибирского рабочего быта спасают роман Блюммера от забвения советскими читателями», — считают авторы тех лет.

...Уж будто бы? — хочется возразить публикациям полувековой давности. Похоже, авторы саму книгу не читали, а руководствовались случайно опубликованными фрагментами. Ибо в романе Блюммера не найдешь ни лубочной уголовщины, ни рабочего быта. Скорее, спокойное описание фактов, как бы само собой разумеющихся и поражающих наивностью шулерских приемов и простотой решения сложных коллизий. Утопить младенца? Эка важность — ведь грозит скандал, разоблачение. Персонажи романа не отягчены никакими сомнениями морального порядка. Они творят добро и зло pragmatically, не очень четко различая грань между добром

и злом. Они просто не маются вопросами совести. «Болезнь совести» — это для интеллигенции, и то — через полвека и более после описанного действия, т. е. как раз ко времени опубликования романа, и дают о себе знать первые симптомы этой «неудобной» болезни. Так что не лубочная уголовщина — скорее гоголевское зеркало находим мы в работах Блюммера. Что до быта рабочих и бунта — они в романе отсутствуют, очевидно, не случайно. Наказание розгами и унижение Гурина — выхваченные штрихи, за которыми читатель должен сам представить: если это возможно, то какова же была картина в целом. «Бунт» — это жалоба, написанная Гуриным. Авторы публикаций, упомянутых выше, раскавычили слово, каким Ястребов аттестовал написанную рабочими жалобу (И как тут не вспомнить опять же дело окладного поселенца Федорова, где «челобитная» его — стало быть, тоже «бунт»? — приведена полностью)...

Но вот минуло полвека с поры тех давнишних публикаций. И оказалось, что от забвения имя Блюммера не спасло ничто. Работы его с конца 80-х годов прошлого века, как уже было сказано, так и не переиздавались. (За исключением фрагмента из романа, опубликованного в Иркутске в 1939 году, — «юбилейного свойства» и соответствующей направленности).

Притом, надо полагать, отнюдь не «описания рабочего быта» заинтересовали бы сегодняшнего читателя в романе «Около золота», а именно документальность изображения «общественного климата» Кузнецка и Барнаула, возможность вписать имя Блюммера в один ряд с Наумовым, Берви Флеровским, и — дерзнем сказать — даже Достоевским (по части описаний сибирского провинциального чиновничего быта). Ведь в романе «Дядюш

кин сон» мы находим немало персонажей, которых «живьем» описывает Наумов по равно знакомым ему и Достоевскому прототипам.

Не пора ли вспомнить о призабытых сибирских писателях сейчас, когда так называемая «провинциальная культура» загадывает историкам все новые загадки и сулит немало блистательных находок...

«Провинциальная культура», тем более в нашем регионе, думается, является собой археологический объект, надежно и варварски закамуфлированный в течение не менее полувека от историков культуры ревнителями бескорневой новизны, оказавшейся столь зыбкой и непрочной именно ввиду лишенности питающих корней.

Сколько забытых имен сулит такая археология — впрочем, забытых ли? Скорее, завуалированных все теми

же ревнителями «дня сегодняшнего и только сегодняшнего». О многих таких именах в течение последних нескольких десятилетий мелькали редкие и робкие публикации — среди них видное место занимают статьи А. И. Полосухина в самые неблагоприятные для исторической памяти годы.

И в этой статье автор еще и еще раз низким поклоном благодарит тех, кто своими публикациями той «доархеологической» поры наталкивал на имя, событие, ассоциативный мостик.

Думаю, невдолге настанет «час краеведа», когда провинциальные археологи культуры перестанут казаться этакими чудаками-одиночками, у которых, «знаете ли, хобби: все ищут, все копают»...

Впрочем, может, «час краеведа» уже и настал?

М. Сорокин

БУНТ

Мы почти не знаем истории Кузбасса. Она у нас фальсифицированная, однобокая, односторонняя. Не знаем мы истории деревень кузнецкого края. И уж совсем неведома нам история народных движений, история народного протesta.

Ну что вы, к примеру, знаете о бачатском бунте, драматическом событии, случившемся 175 лет назад в одном из старейших сёл кузнецкого края. Участники его, ваши далекие предки, были ровесниками Пушкина.

В начале 1816 года в бачатской волости произошел острейший конфликт между крестьянами и здешним земским управителем, вылившийся в открытый бунт. Центром его стало село Бачатское.

Как это всегда в подобных случаях бывает, конфликт зрел годы.

Виной тому был здешний земский управитель Тегенцев. В сельском быту земский управитель — фигура, облеченная чуть ли не диктаторскими полномочиями. У Тегенцева в ведении находилась территория нынешних Беловского, Гурьевского, Прокопьевского, Ленинск-Кузнецкого районов.

Трудно в одиночку управлять громадной территорией. Без опоры на «своих», на «надежных» людей земскому управителю обойтись было никак не можно.

Едва ли не ключевой фигурой в системе сельского управления был волостной писарь. Подумаешь, скажет наш читатель, волостной писарь, невелика птица!

Ошибаетесь, уважаемые. Возможностей у волостного писаря было, пожалуй, побольше, чем у иного на-

чальника из нашего знаменитого комбината «Облкемеровоуголь».

Вокруг волостного писаря тесной, крепко спаянной стаей группировались местные богатеи. Вроде бы невелика птица — писарь. А вот зависело от него многое. Он мог и от рекрутчины избавить, и налогами-повинностями умеренно обложить, заводскими работами помочь... Особенно грозной силой волостной писарь становился тогда, когда чувствовал поддержку, защиту земского управителя.

Бунт в Бачатской волости произошел из-за писаря и потакающего ему земского управителя.

Выведенные из себя крестьяне на сельском сходе приняли решение отказать в месте старому писарю Зиновию Синкину. Сельские старосты обвинили его в том, что тот за взятки перекладывает заводские работы с богатых на бедных, «не так, как старшины того году полагали». На это обстоятельство прошу обратить особое внимание. Здесь, как говорится, и «зарыта собака».

Таким образом, сыр-бор в Бачатском разгорелся из-за заводских работ. Из-за них происходили вообще все волнения приписанных к заводам крестьян. Борьба против принудительных работ не прекращалась никогда, а в неурожайные, голодные годы достигала особенной остроты.

Середина второго десятилетия XIX века в Западной Сибири была особенно тяжелой из-за продолжающихся несколько лет подряд сильных засух.

Рядом с Бачатским селом развернулось строительство нового металлургического завода, единственного, который сумели в здешних местах поднять за долгий век.

В 1816 году по соседству разворачивалось строительство Гурьевского завода. Следовательно, возросла и нагрузка на приписных крестьян. Нуж-

но было прокладывать дороги, обустраивать лесосеки, подвозить на площадку строительные материалы (лес, камень, глину, песок, известняк), насыпать земляную плотину...

В этих условиях всякие махинации с заводскими повинностями, которыми прославился бачатский писарь (богатых облегчать, бедных отягощать), становились особенно невыносимы.

Бачатским крестьянам выход виделся один — прогнать старого, нанять нового писаря.

Для этого выборным от сельского мира пришлось отправиться в Барнаул. Здесь они отыскали подходящего человека, договорились с ним насчет оплаты и привезли его показать землякам, в село Бачатское.

Как только весть о событиях в бачатской волости дошла до земского управителя, тот немедленно отправился на место. Цель его была одна — пресечь беспорядки.

Тегенцев не собирался менять писаря. Его вполне устраивал старый. Своими немалыми доходами, полученными от поборов, взяток, он щедро делился со своим шефом. Над Тегенцевым нависла реальная угроза лишиться части своих доходов.

Самый надежный, веками проверенный путь — компрометация крестьянского избранника Воронина. «Воронин, — объявил бачатским крестьянам Тегенцев, — человек нетрезвый, грубый, неповинующийся начальству, находился в бегах».

Как же развернулись события в Бачатском после того, как выборные привезли туда Воронина? Не успел новый писарь приступить к исполнению своих обязанностей, как сюда примчался Тегенцев.

28 февраля в волостном правлении села Бачатского произошла его встреча со старостами деревень волости. Заявление земского управителя, что он нового волостного писаря в долж-

ности не утвердит, было встречено (так говорится в документе) «с азартом».

Возможно, конфликт как-нибудь и удалось бы разрешить, прояви земский управительнюю осторожность, гибкость. Ему бы уступить... Однако старый боевой конь словно закусил удила.

Земский управитель решил силой подавить сопротивление крестьян. Из Бачатского в Салаир, в ближайший крупный административный центр, в котором постоянно квартировала рота солдат, поскакал нарочный.

Команда прибыла на другой день, под вечер. Офицер Тихобаев выставил на крыльце волостного правления часовых, приказал им внутрь никого не впускать, а сам с остальными претиснулся вправление.

Тегенцев, увидев солдат, почувствовал себя увереннее, решил тут же арестовать зачинщиков. Он указал на крестьянина Степана Колмогорова. Солдаты начали заламывать руки и вязать Степана, тот крикнул: «Народ, не выдавай!»

Далее случилось то, что происходило при всех крестьянских волнениях. Услышав призыв своего вожака, бачатцы дружно ответили: «Не дадим!» И в тот же миг толпа решительно наступила на оробевших солдат. Навалившись на солдат, крестьяне повырывали у них из рук ружья, тесаки, намяли им бока.

И вновь досталось земскому управителю. Опять в его адрес раздавались крики: Какой ты управитель! Ты нарушитель законов! Грабитель! Изверг!

Управителя спасло то, что рядом оказалась кладовая. За мощной, окованной железом дверью и спрятали Тегенцева его «доброхоты». Однако еще долго до слуха перепуганного насмерть чиновника доносилось: «Выдайте нам управителя!»

Предвижу читательские сомнения. Где же здесь кончается беллетристика и начинается собственно историческое исследование? И откуда ведомо автору, кто и что кричал, куда кто бежал и прочие детали?

Уверяю, читатель, в рассказе моем нет и грана выдумки. В основе его лежит обширнейшее следственное дело, хранящееся в Государственном архиве Алтайского края.

Нетрудно предвидеть, что принес бачатским крестьянам бунт 1816 года. Бороться с чиновничеством, с местной мафией было невероятно трудно. Дисциплинированная, сплоченная, вооруженная до зубов, спаянная единством интересов, она легко подавляла разрозненные выступления крестьян.

Чем конкретно закончился бунт в селе Бачатском?

Вскоре в Бачатское прибыла воинская команда из Барнаула. Возглавлял ее следователь Морхинин, большой спец по части подавления крестьянских выступлений. В 1813 году он успешно подавил выступления крестьян Чаусской волости.

Идя напролом, невзирая ни на какие преграды, он успешно справился с заданием «непременно в сем месте восстановить тишину и спокойствие».

Никто даже и не пытался выяснить истинные причины бачатского бунта. Наоборот, следствие изначально пускалось по заведомо ложному пути.

«Расстройство сие происходит более по слабой крестьян смысленности и действия неблагонамеренных людей». Такими словами напутствовал Морхинина главный начальник над заводами Эллерс. Выявить зачинщиков, примерно наказать их, чтобы другим было неповадно — такова основная задача следствия.

Прибыв в Бачатское, Морхинин прежде всего арестовал зачинщиков. Их набралось двадцать человек. Всех их

наказали с примерной жестокостью.

Степана Колмогорова и его товарища Семена Бестемьянова, к примеру, избили плетьми (дали сто ударов) и определили в горные работники на отдаленные рудники.

Жестоко расправились со всем семейством Колмогоровых. Их переселили в отдаленную Бухтарминскую волость. Шестидесятихлетний дед Иван, глава семейства, получил к тому же сорок батагов.

Горькая чаша сия не миновала также Бутиных и Коноваловых. Новое их начальство обязывалось строго следить, чтобы «они оттоль (из Рудного Алтая — М. С.) кроме заводских работ отнюдь никуда отпущены не были».

Открытое неповиновение солдатам, оказанное им сопротивление дорого обошлось бачатцам. Батагами, по 50—100 ударов каждому, были наказаны все сельские старосты, чьи подписи стояли под мирским приговором.

Всмотритесь внимательно в этот скорбный список поротых, задумайтесь на секунду, нет ли среди перечисленных ваших предков: Яков Уваров, Иван Вороненский, Иван Буймов, Ефим Бедарев, Иван Кузнецов, Степан Филатьев, Алексей Мухарев, Дмитрий Бызов, Иван Лучшев, Петр Конев, Антон Бедарев, Леонтий Шорхов, Ефрем Бутин, Федор Калашников, Петр Сидельников, Алексей Старченков, Леонтий Логунов, Арефий и Алексей Буймовы...

Наказывали кого плетьми, кого батагами, а кого просто палками. Нам, современникам гласности и плурализма мнений, даже трудно объяснить, что почем. Человек феодальной эпохи, конечно, знал подлинную цену каждому «продукту». О том, что разница эта все-таки была, говорят хотя бы следующие строки из указа Канцелярии: «крестьянам деревень Инченковой — Василия Лыченкова и Бело-

вой — Степана Белова, а также села Бачатского Алексея Драгунова и Григория Антонова в пример прочим наказать всех палками».

По всему видно, что власти с помощью суровых репрессий пытались сломить сопротивление крестьян, выуть из них дух неповиновения, бунтарства. Однако, как показали дальнейшие события, полностью осуществить им этот замысел так и не удалось.

Одному из бачатцев, представителю мятежного семейства Колмогоровых, Федору, удалось добраться до С.-Петербурга. Не потерялся среди каменных громад, отыскал императорский Кабинет, подал его управляющему жалобу. Не надеясь на объективность кабинетских чиновников, он решил жалобы аналогичного характера подать министру юстиции и генерал-губернатору Сибири.

Вот и добрались мы, наконец, до финала бачатской истории. Самое неожиданное в ней, пожалуй, то, что крестьянам удалось все-таки «завалить» Тегенцева и Морхинина.

Думаю, теряюсь в догадках, как такое могло случиться, и не нахожу другого ответа — простое везенье. В январе 1817 года на пост Главного Начальника горного округа и одновременно томского гражданского губернатора заступил Петр Фролов.

Фролов только начинал свою деятельность на посту начальника, был крайне озабочен созданием репутации рачительного, отечески пекущегося об интересах подчиненных, хозяина. Кому не известна пословица: «новая метла чисто метет».

Новый начальник стремился всем показать, а крестьянам в особенности, что управлять округом он будет по справедливости, а не так как его предшественники, что к прежним злоупотреблениям он, Петр Кузьмич Фролов, не имеет никакого отношения.

Потому, на мой взгляд, и был дан прошениям бачатских крестьян иной ход. Вот так Морхинин и Тегенцев оказались под следствием, затем и судом.

В заключение хочу сказать, что бачатская история в свое время получила широкую огласку. Анализируя случившееся, остальные земские начальники, не меньшие взяточники и лихоманцы, несколько присмирили, стали действовать поосторожнее. Тогда-то и родилась понятная в здешних местах пословица: «Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Кузьмича». Что

тут скажешь? Любой из Кузьмичей подобной честью мог бы только гордиться.

Событиям в бачатской волости ровно 175 лет. Это ли не повод вспомнить случившееся. И не просто вспомнить, но и сделать соответствующие выводы. Главный из них: никакие хитрости, строгости, террор и прочие увертки не могут заставить человека отказаться от естественных прав на свободу выбора, на свободу деятельности. Эти простые выводы не худо бы помнить нам, далеким потомкам бачатских крестьян.

СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ. 20—30-е гг.

Л. Перминова

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

1 января 1920 года Реввоенсовет Пятой армии доложил В. И. Ленину, что Кузбасс полностью освобожден от белых. Гражданская война нанесла огромный ущерб Кузнецкому краю. Труднейшее положение сложилось на Гурьевском заводе — доменная печь не работала, прокатный цех представлял из себя груду развалин. В 1920 году во время половодья прорвало и разрушило плотину, завод остался без механической энергии. Не было топлива и сырья, а для его доставки нужно было закончить строительство железнодорожной ветки Белово — Гурьевск.

Восстановление промышленности Кузбасса являлось одной из важнейших задач республики. Постановление Совета Труда и Обороны от 20 мая 1921 года предусматривало обеспечение предприятий Кузбасса в срочном порядке оборудованием, рабочей силой, продовольствием и сырьем. Первостепенное значение придавалось развитию Киселевских и Прокопьевских копей, завершению строительства железной дороги Кольчугино — Прокопьевск, возобновлению работы Гурьевского завода.

Настоящей бедой была нехватка людей. Набрать добровольцев не было возможности из-за отсутствия жилья и продовольствия. 29 января 1920 года Советское правительство издало декрет о введении всеобщей трудовой повинности. Было принято

решение о переводе армий на положение трудовых. В марте 1921 года был принят декрет «О трудовых частях». В Кузбассе первая трудовая бригада приступила к работе в мае. Силами трудовой армии и была построена железная дорога Кольчугино — Прокопьевск.

Еще в сентябре 1920 года из Забайкалья в Кузнецкий уезд была переброшена 103-я бригада 35-й дивизии Пятой армии: штаб бригады располагался в поселке Бачаты, 307-й полк в районе Прокопьевск — Кузнецк, 308-й полк в поселке Гурьевский завод, в селах Белово, Гавриловское, Салаир и Малая Салаирка, 309-й — в Кольчугино.

Красноармейцы должны были приступить к строительству железной дороги в Кузбассе. 309-й полк — на участке Кольчугино — Бачаты, 307-й — Бачаты — Кузнецк и 308-й — Белово — Гурьевск.

Строительство железной дороги велось в тяжелых зимних условиях. Все работы выполнялись вручную. Для взрыхления промерзшей земли применялась взрывчатка.

Тяжелые экономические условия, которые переживала страна, отражались на снабжении бойцов и командиров одеждой и продовольствием. Размещались красноармейцы в домах местных жителей, которые должны были их бесплатно кормить.

Жители поселка относились к крас-

ноармейцам доброжелательно и активно помогали им в строительстве дороги, ведь они были крайне заинтересованы в этом строительстве.

Обстановка в ту пору в округе была очень тревожной, что характерно было не только для наших мест, но и в целом для Сибири. Хозяйственная разруха принесла с собой голод, все это осложнялось продразверсткой, развернувшейся на селе. Да и ложилась она в основном на плечи середняка и бедняка, проводилась с нарушением классового принципа. Продагенты зачастую вместо разъяснения продовольственной политики Советов принуждали крестьян силой оружия сдавать хлеб. Все это создавало отрицательное отношение со стороны части крестьян к Советской власти. Некоторые районы Сибири превратились в очаги антисоветских мятежей, в том числе Алтайская и Томская губернии. В одну из январских ночей восстал весь Сорокинский округ на Алтае, примыкавший почти вплотную к нашим местам.

Участник тех событий Н. Н. Луконькин, живший последние годы в Салаире, вспоминал: «Ярые противники Советской власти шли добровольно, а остальному населению ставили вопрос: или с нами, или против нас, а кто против нас, того — к стенке. И люди шли. У них лозунги были: «Советская власть без коммунистов» и «Свобода торговли». Обезоружили воинскую часть в Хмелевке и пошли громить коммуны, убивать коммунистов и комсомольцев...»

Вот и пришлось бойцам 308-го полка заниматься не только строительными работами, но и вести бои с повстанцами.

Об этих событиях бывший комиссар полка Алексей Андреевич Васильев рассказывал: «Примерно в начале февраля 1921 года, поздно вечером к командиру полка пришел работник

почты и сообщил, что дежурный на телеграфе в Гурьевске принял с телеграфного пункта в деревне Хмелевка (около 50 километров от Гурьевска через Салаир, в сторону Барнаула) такое примерно сообщение: «Окружены. Спасайте. Кончу работу». На этом работа телеграфного пункта в Хмелевке прекратилась. На вызовы ответа не было. Имея данные о бандитизме в Барнаульском уезде, командование полка немедленно выставило охранение на всех подступах к Гурьевску. Командир полка и я как военком с командой конных разведчиков той же ночью выступили в направлении деревни Хмелевка».

К концу следующего дня разведчики вошли в небольшой хутор, что находился в пяти километрах от Хмелевки. Жители этого хутора рассказали, что накануне в деревню ворвалась вооруженная банды, которая теперь там. Высланная вперед разведка у Хмелевки была обстреляна бандитами.

«В связи с тем, что в тайге был глубокий снег и отсутствовала наезженная дорога,— вспоминает Васильев,— действия конных разведчиков были скованы. В тайге могли действовать только пехотные подразделения на лыжах. Мы передали в штаб полка в Гурьевск приказ: немедленно на подводах бросить в район д. Хмелевка команду наших разведчиков и одновременно пешим порядком туда же направить часть одного батальона. Через сутки прибывшая команда пеших разведчиков на лыжах повела наступление на Хмелевку в направлении села Сорокино».

Отряд разведчиков вошел в Хмелевку. Оказалось, что дня за два до прихода красноармейцев, в Хмелевку ворвалась вооруженная банды Новоселова численностью 80—100 человек, которая разгромила сельсовет, почту, отняла часть скота и имущества у

населения, собираясь двигаться в направлении Салаира и Гурьевска.

На рассвете полковые разведчики вышли из Хмелевки к селу Сорокино, но, пройдя несколько километров, были обстреляны окопавшимися в снегу за лесными завалами новоселовцами. Завязался бой, длившийся несколько часов. В этом бою были убиты политрук команды пеших разведчиков и три красноармейца. Чтобы избежать дальнейших потерь, было решено: командой пеших разведчиков удерживать банду на месте боя, а часть подошедшего батальона отправить в обход.

Во время затишья повстанцы выслали парламентеров, которые предложили перемирие. Один их представитель был задержан, а комиссар полка Васильев пошел к новоселовцам для переговоров, где предложил им сдаться в течение двух часов. По истечении двухчасового срока от банды никто не пришел с согласием о разоружении, поэтому подразделение 308-го полка перешло в наступление. Но новоселовцы за это время ушли в Сорокино, где находилась их большая часть. Командование батальона приняло решение окружить село, замкнув пути к бегству банды.

О бое в Сорокино Васильев сообщает: «Уже перед рассветом команда разведчиков, сбив на подступах к Сорокино охранение бандитов, ворвалась в село. В результате стрельбы бандиты высакивали из домов, в беспорядке отстреливались и бросались бежать по дороге на северо-запад. Там их встретил двигавшийся обходом

батальон. На площади в с. Сорокино завязался бой. Обстреливаемые с двух сторон бандиты частично были перебиты, а основная масса, около двухсот человек, сдалась. Главарь банды Новоселов, пользуясь ночной темнотой, сбежал. Мы потерять не имели».

Сдавшиеся новоселовцы были переданы прибывшей в Сорокино войсковой части, которая вела борьбу с бандитизмом в Барнаульском уезде, а красноармейцы 308-го полка вернулись в Гурьевск.

Политрук и три красноармейца, погибшие в бою у Хмелевки, были похоронены в микрорайоне «Горновская площадка», недалеко от строившейся станции «Гурьевск».

К марту 1921 года полк завершил основную работу по строительству железнодорожного полотна на всех участках. 8 марта 1921 года 103-я стрелковая бригада была вновь направлена в Забайкалье.

В 1922 г. на могиле погибших бойцов усилиями жителей Гурьевска был установлен небольшой обелиск, заводчане отлили и укрепили на нем чугунную плиту со словами: «Погибшим за дело пролетариата — вечная память!»

В 1958 г. в связи с расширением строительства в микрорайоне останки красноармейцев решено было перенести на другое место, метрах в трех от прежнего захоронения. 2 ноября 1958 г. состоялось перезахоронение и открытие нового памятника, за которым впоследствии закрепилось название «Памятник борцам революции».

- Петропавловская церковь на Салаирском руднике. Рядом памятник царю-освободителю Александру II (фото начала XX века)
- Вновь засияли на солнце купола Салаирской церкви (фото Валерия Макарова, 1990)
- Протоиерей о. Леонтий в окружении служащих Салаирской горной конторы (фото начала XX века)

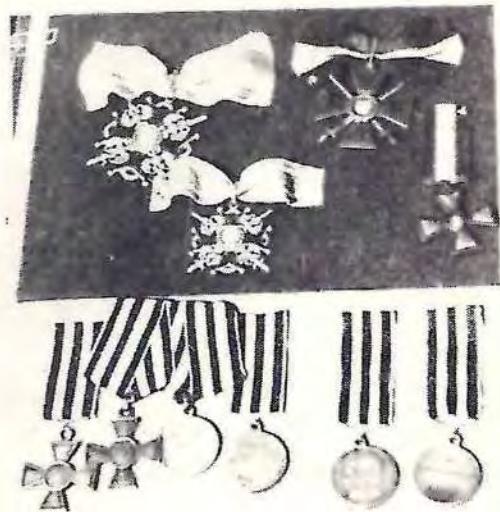

- Сельская начальная школа села Щеглово (к статье Л. Кузнецовой)
- Учителя и учащиеся одной из школ Мариинска (начало XX века)

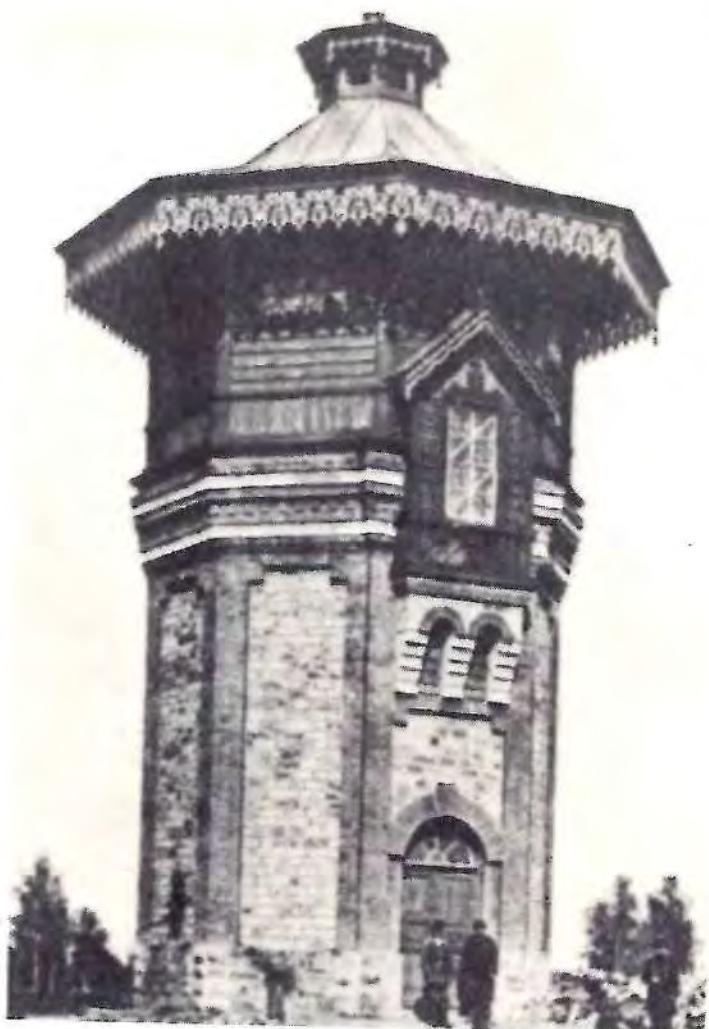

- Защитник Порт-Артура Дмитрий Степанович Труфанов с супругой
- Подарок, врученный Д. С. Труфанову на празднике георгиевских кавалеров Сибирского стрелкового полка 26 ноября 1913 года
- Награды дореволюционной России (из экспозиции Кемеровского областного краеведческого музея)

- Укладка рельсов на трассе Сибирской железной магистрали (конец XIX века)
- В таких условиях жили строители Сибирской магистрали (поселок Тайга)
- Одна из водонапорных башен на трассе Сибирской магистрали
- Вокзал на ст. Тайга (почтовая открытка 1908 г. Из фондов областного краеведческого музея)

Тайга.—Tayga. №
Вокзалъ.

● Джон (Иван Густавович) Тучельский. Фотография получена от дочери Д. Тучельского Этель Ивановны Тучельской

● Молодые американцы-аиковцы. Снимок сделан в 1923 году в Кемерове на Лысой горе. Слева направо: Маргит Хеникл, Мари Лучче, Рут Чудинис, Мэри ? Джек Тучельский, Франциска Скиллон и сын Стиллиновичей (он же на фото в книге «Рутгерс» рядом с Ф. Грундом)

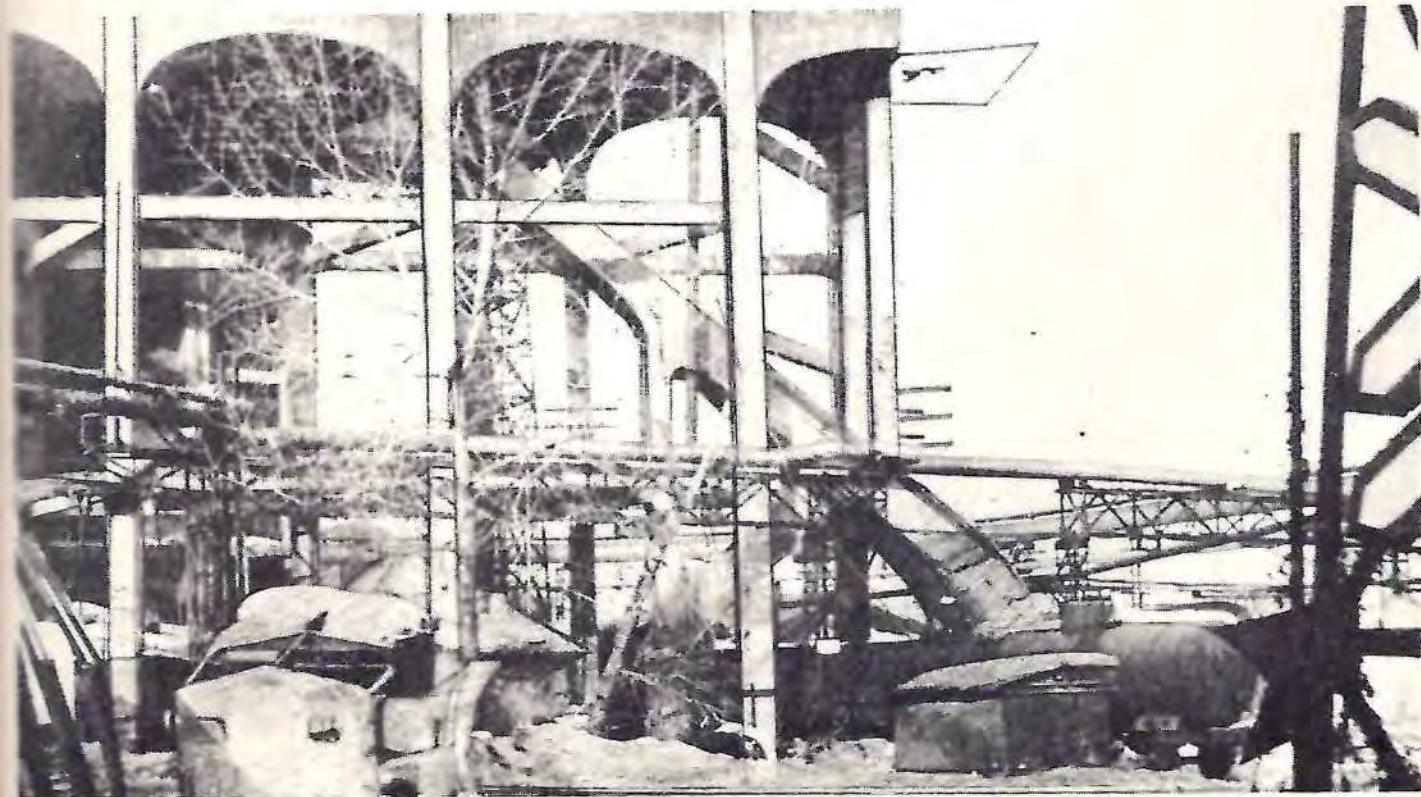

● Дом на улице Красная Горка, 26 в Кемерове. Архитектор Ван Логхем

● Здание правления Кемеровского рудника (улица Гравийная, 34). Построено в 1915—1916 гг.

● Цех углеподготовки. Выполненные в 1916 году железобетонные конструкции сделаны добродельно и с большим изяществом. Это чувствует каждый современный строитель. Сюда подходили вагонетки с углем по подвесной канатной дороге от шахты «Центральная»

● Рыбаков Вадим Витальевич, 1965 года рождения. Воин-интернационалист. Награжден орденом Красной Звезды. Погиб посмертно

Друг мой верный, гитару возьми
И напой, чуть коснувшись струны,
Как с тобой мы остались людьми,
Прошагав по дорогам войны.

Знаю я, отчего вдруг охрип
Голос ясный, как эхо весны,
Утром в схватке неравной погиб
Друг, что шел по дорогам войны.

Не покуришь ты с ним, не споешь,
Он придет лишь в тревожные сны,
Тихо спросит тебя: как живешь
Ты под бременем той войны?

Г. Халиулин

«РЕВКОМОВСКИЙ ПЕРИОД» КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА

Поводом для написания этой статьи явилась опубликованная в 1990 г. издательством «Наука» монография Н. Ф. Бугая, посвященная ревкомам¹. В книге немало сказано и о деятельности ревкомов в Сибири, но нет упоминаний о сибирских революционных комитетах. В приложениях, где даны сведения о количестве ревкомов по основным регионам страны, в графе, где приводятся данные об уездных ревко-мах Сибири, проставлен прочерк. Уездные ревкомы в Сибири действовали. В моем личном архиве еще со студенческих лет сохранились копии и выписки из подлинных документов Томских и Кемеровских архивов, из материалов научного фонда Новокузнецкого краеведческого музея и некоторых других источников. На их основе и оказалось возможным раскрыть мало известные страницы истории нашего края, рассказать о Кузнецком уездном ревкоме, о созданном ревкомом Кузнецком уездном совнархозе, а также о возникшей одновременно с ревкомом и тесно с ним связанной Кузнецкой уездной организацией РКП(б).

Центр Кузнецкого уезда — город Кузнецк до революции представлял собой захолустье даже по сибирским понятиям тех времен. В 1916 г. в городе насчитывалось 3284 жителя. Кузнецк был оторван от транссибирской железнодорожной магистрали. Железная дорога Кузнецк — Кольчугино начала строиться в 1916 г. и была сдана в эксплуатацию только в 1926 г. Неприглядный облик уездного центра газета «Сибирская жизнь» описала в 1919 г. таким образом: «Куз-

нецк, лежащий в 300 верстах от г. Томска вверх по Томи, представляет собой самый захолустный городишко Томской губернии. Полусгнившие дома, нередко с заколоченными ставнями или сплошными дырами столетних крыш рисуют его бедство. Но зато табаком мы богаты. Здесь все буквально садят табачок, ввиду огромного его спроса... Пашен жители здесь не имели, хотя иные и сеют по ближайшим деревням, уплачивая более 100 рублей за десятину»². Таков был центр Кузнецкого уезда, занимавшего значительную часть территории Кузбасса³. Но уже недалеки были годы превращения Кузнецка в крупнейший индустриальный центр с полумиллионным населением, устанавливавшая власть, которой эта задача оказалась под силу.

Советская власть в Кузнецке установилась в марте 1918 г. и пала под напором колчаковцев уже в июне. Через полтора года Советская власть была восстановлена. В ночь на 2 декабря 1919 г. в городе произошло вооруженное свержение колчаковщины и был образован ревком. 26 декабря в Кузнецк вошли части 312-го полка 35-й дивизии Красной Армии, укрепившие власть Кузнецкого уездного революционного комитета. Первым председателем Кузнецкого ревкома стал рабочий Афанасий Иванов, З. А. Из-веков был назначен заместителем председателя ревкома, Р. И. Тагаев — военкомом. В составе ревкома были

² Сибирская жизнь — 1919, 22 июля..

³ В начале 20-х годов на территории будущей Кемеровской области, кроме Кузнецкого, существовали также Мариинский и Шегловский уезды.—См.: Волченко А. В. Из истории административно-территориального деления Кузбасса. 1618—1963 гг. Кемерово, 1963.

¹ Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. М.: Наука, 1990.

учреждены отделы. Отдел труда возглавил Г. Е. Мокрецов, крестьянин села Кузедеево, освобожденный из Кузнецкой тюрьмы в результате восстания; продовольственный отдел — крестьянин из села Сосновка И. П. Колтунов, также бывший узник Кузнецкой тюрьмы; земельный отдел — С. А. Ермушев, крестьянин из деревни Ново-Рождественской; финансовым отделом заведовал В. Яргин.

Нельзя сказать, что функции отделов были четко разграничены. Так, в числе дел коммунального отдела были учет и регистрация военнообязанного населения, выдача удостоверений личности, справок о рождении, браке и смерти. По требованию начальника милиции коммунальным отделом выдавались даже документы о благонадежности. Коммунальный отдел обследовал нуждающихся в материальной помощи, ведал почтой, телефонной связью, квартирно-жилищными вопросами, пожарными делами, управлял молочной фермой и конским случным пунктом, где имелось 15 коров и 4 жеребца-производителя⁴.

В центре внимания ревкома были хозяйственные дела, восстановление разрушенного. В докладе коммунального отдела ревкома говорилось, что после ликвидации власти Колчака вся хозяйственная жизнь в Кузнецке была до основания разрушена частью уходящей властью, частью партизанскими отрядами⁵.

Налаживание экономики в уезде ревком поручил уездному Совету народного хозяйства (Совнархозу). Председатель уездного совнархоза был назначен ревкомом 1 января 1920 г. Им стал В. М. Туркин⁶. Заметим, что с «легкой руки» И. Александрова и Г. Г. Григорьева, авторов кни-

ги «Курако», распространилось мнение, что председателем Кузнецкого совнархоза якобы был М. К. Курако⁷. Замечено, конечно, считать знаменитого металлурга главой советского народнохозяйственного органа, однако по документам Кузнецкого ревкома и усовнархоза М. К. Курако не только председателем, но и членом Кузнецкого совнархоза не был⁸. Но и В. М. Туркин заслуживает уважения, хотя он и явно не блистал экономической грамотностью.

Председатель уездного совнархоза гордился своим краем. В докладе, представленном в Губсовнархозе, В. М. Туркин писал, что в уезде имеются громадные залежи угля, громадные россыпи золота и серебра, чугуна, железа, платины, а также горы камня для жерновов и точил, сера горючая, громадное изобилие лесов...⁹ Конечно, относительно наличия россыпей чугуна и железа предсовнархоза заблуждался, а термины «громадные залежи», «горы» и т. п. не очень точно говорили о запасах природных богатств, но о восторженном отношении к ним хозяйственного руководителя уезда, несомненно, свидетельствовали.

Однако широкомасштабное освоение колоссальных кладовых природы Кузнецкого края было по плечу не уезному совнархозу, да и вся общественная ситуация не только первой половины 20 года, но и дальнейшего периода, занявшего несколько лет, была заполнена заботами по организации элементарного порядка в хозяйственной жизни, приобретения первого опыта руководства экономическим развитием. С первых шагов совнархоза началась организация отраслевого управления уездной экономикой, хотя

⁴ ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 30—31.

⁵ Там же, л. 31.

⁶ Там же, л. 29.

⁷ Александров И., Григорьев Г. Курако. М., 1939, С. 180.

⁸ ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 1, 15—17, 29.

⁹ Там же, л. 29.

это и громкие слова для определения сущности начальной деятельности совнархоза. В. М. Туркин в упомянутом докладе уездного совнархоза сообщает, что работа началась с создания отделов: кустарно-кооперативного со столами (подотделами), кожевенным, химическим (ведал винзаводом); транспортного; дорожно-строительного; горно-золотого; пожарно-страхового; счетно-бухгалтерского; улескома. Как видно из доклада, отделы-то создали, а работать в них было некому, специалисты, мало-мальски знаявшие дело, отсутствовали. По словам Туркина, в отделах сидели одни заведующие и не знали, что им делать. Из центра поступали руководящие бумаги, но заведующие совнархозовскими отделами не ведали, как приступить к их исполнению. Туркин также отмечал, что поступают указания создать новые отделы.

Однако хозяйственная активность в уезде постепенно росла. Совнархоз и его подразделения то, что было в их силах, старались организовать. Начали со сбора сведений о наличии и состоянии народнохозяйственных объектов. Особое внимание было уделено дорожному делу, с тем, чтобы обеспечить восстановление хозяйственных связей в уезде. Дорожно-строительный отдел был сравнительно хорошо укомплектован специалистами: в отделе было 4 техника. Отдел организовал обследование и ремонт трактов, ремонт и строительство паромов и мостов. Улеском обеспечивал заготовки лесоматериалов для этих работ.

В связи с отсутствием в уезде железнодорожного и автомобильного сообщения важнейшее значение имел гужевой транспорт. Съезд делегатов волревкомов в феврале 1920 г. обсудил вопрос о ямской езде. На территории уезда действовали более 40 ямских станций, из них 11 были сданы в подряд частным лицам и сельским

обществам, остальные переданы в ведение волисполкомов. Всем этим хозяйством по уезду ведал трамот (транспортный отдел) совнархоза. В документе совнархоза от 15 апреля 1920 г. приведен пример организации в уезде ямской езды. В 6 часов утра из Кузнецка до Ильинки на расстояние 18 верст отправлялась первая пара лошадей и везла не менее 3 пассажиров. Через три часа она прибывала на конечный пункт. Одновременно в 6 часов утра отправлялась пара из Ильинки и в 9 ч. прибывала в Кузнецк. Лошади на конечных пунктах стояли примерно час, а затем следовали обратно также с пассажирами¹⁰. Надо все же отметить, что реальное исполнение описанного графика было не столь четким.

Совнархоз налаживал производство на небольших обрабатывающих предприятиях. В Кузнецке действовала деревообделочная мастерская, где было занято 48 чел. Среди продукции были пихтовое масло, смола и скрипидар, производившиеся в основном для местных нужд. Работали также сапожные мастерские, мастерские по ремонту металлических изделий. При больших трудностях с обеспечением сырьем действовал известковый завод.

Для обеспечения сырьем 17 кожевенных заводов, имевшихся в уезде, кожотдел усовнархоза на основе опубликованных в печати установок губернских органов объявил все кожевенное сырье и кожевенные товары государственными ресурсами и обязал как советские учреждения, так и общественные организации и частников сдавать упомянутое сырье и товары кожотделу по твердым ценам. В случае укрытия кожсырья или товаров они подлежали конфискации, а виновные предавались суду¹¹.

¹⁰ ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 35—36.

¹¹ Там же, л. 37—38.

Как видим, экономическая деятельность советских органов в первой половине 1920 г. не поражает масштабностью замыслов и свершений, а некоторые явления хозяйственной жизни могут вызвать и ироническую улыбку. Однако, если поразмыслить всерьез, то нельзя не признать, что в это «начальное» время делалось то, что было возможным и необходимым: обеспечение элементарных условий жизнедеятельности.

Заслуживает быть отмеченным разнообразие использованных средств экономического возрождения. Среди них — общественная и частнособственная инициатива; материальная заинтересованность и государственное принуждение.

Политическая направленность общественной жизни определялась и регулировалась в уезде кузнецкой организацией правящей в стране Российской Коммунистической Партии (большевиков). Партийная организация в Кузнецке возникла по прибытии в город красноармейской части. Протокол первого партийного собрания датирован 26 декабря 1919 г.

На первом собрании большевиков Кузнецка присутствовало 21 чел., в т. ч. председатель уездного ревкома А. Н. Иванов, а также Р. Т. Тагаев, И. Колтунов, В. Яргин, С. М. Сурнин и др. На собрании был избран руководящий орган партийной организации, названный президиумом. Руководителем (председателем) Кузнецкой партийной организации в первой половине 1920 г. был В. Ф. Гунирлах.

Документы фиксируют численный рост партийной организации. На третьем собрании присутствовало 29 членов партии и 7 сочувствующих. В протоколе № 23 от 14 мая 1920 г. отмечено присутствие 62 человек¹². В докладе мандатной комиссии I Томской гу-

бернской организации РКП(б) от 25 июля 1920 г. указывалось, что делегат Журавлев представляет партийную организацию Кузнецкого уезда численностью около 1000 чел.¹³.

Волостные ячейки в уезде по своему составу были крестьянскими. В сведениях о их составе в Кузнецком уезде на 1 января 1921 г. указывалось, что в числе коммунистов рабочих — 2, крестьян — 757. Наиболее крупными были названы Менчерепская волостная ячейка — 130 коммунистов, Меретская — 83, Беловская — 46, Пестеревская — 40, Пермяковская — 38. В Кубелякской ячейке было 24 члена партии, в Осиновской — 13¹⁴.

На первом же собрании было решено открыть в Кузнецке «клуб партии» и при нем открыть партийную библиотеку. Партийный клуб было решено открыть в доме Красимовича и вывесить на нем красный флаг. Для обрудования клуба каждый член партии должен был внести по пятьдесят рублей, «не задевая сочувствующих». Партийцы также решили просить 'учетно-реквизиционную' комиссию ревкома «уступить» обстановку для обрудования клуба. Так возникло «партийное имущество». Открытие партийного клуба было назначено в день Крещения. Местные коммунисты пригласили коммунистов из воинских частей. Открытие назначили на 12 часов дня. Порядок дня открытия включал общее собрание с обменом мнениями по текущим вопросам, после собрания — чай.

Решили создать и лекторскую группу. Стать лекторами изъявили желание И. П. Колтунов, И. Г. Колпаков, А. Е. Коновалов, В. Е. Ушаков, П. К. Абезапулло, Ф. А. Комаров. Лекции назначались по средам с 5 вечера и воскресеньям с 10 утра.

¹² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 24.

¹³ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 528, л. 6.

Кузнецкие партийцы решили при своем клубе учредить «партийный хор», организация которого была поручена П. К. Абезапулло. С руководителем хора, правда, вышла неувязка, на следующем партсобрании его исключили из партии за неправильное поведение в партийном клубе и тут же, учитывая семейное положение Абезапулло, решили ходатайствовать о выделении ему «временного вспомоществования для существования¹⁵.

В январе 1920 г. в Кузнецке был организован Дом юношества. В апреле того же года возникла организация РКСМ. Первыми ее руководителями были Анна Рожкова, Яков Журавлев, Леонид Приходько.

31 марта 1920 г. состоялось не оставившее кузнечан равнодушными событие — первая уездная конференция кузнецких коммунистов (по протоколу — Кузнецкая уездная конференция партии коммунистов-большевиков). Присутствовало 50 делегатов. Протокол конференции знакомит нас с тем, какое место занимала партийная организация в уезде, какие задачи выдвигала на первый план, какие методы работы использовала. Расскажем о них, используя некоторые стилистические особенности документа.

Делегаты конференции представляли партийную организацию, состоящую в абсолютном большинстве из крестьян. Резолюция же конференции и другие ее материалы акцентировали внимание на том, что ведущей силой в борьбе за социализм является пролетариат. Подчеркивалось, что русский пролетариат на протяжении своей борьбы за социализм проявил колоссальную энергию, самоотверженность и жизнеспособность, а теперь силы пролетариата направляются на новую тяжелую борьбу с хозяйственной разрухой и эпидемиями. В этой

борьбе, как в кровавой борьбе на фронте, пролетариат должен напрячь всю свою энергию, обеспечить товарищескую твердую трудовую дисциплину, а всякое нарушение этой дисциплины может принести непоправимый вред, задерживать ход успешной борьбы.

Кузнецкая уездная организация «Российской партии коммунистов-большевиков» заявила о поддержке этой борьбы. Делегаты обращали внимание на то, что крестьянство поддерживает усилия пролетарского класса, в уезде налаживаются хорошие отношения рабочих с крестьянами, возникают и растут деревенские партичайки.

Материалы конференции говорят о высоком авторитете и влиянии уездной партийной организации. По-иному нельзя было бы оценить то, что среди докладчиков уездной партконференции (именно среди докладчиков, как указано в протоколе) были председатель уездного ревкома, заведующие отделами труда, городского хозяйства, социального обеспечения, продовольственного отдела, зав. Центропечати, начальники уездной и городской милиции.

Конференция уделила центральное место вопросам дальнейшего укрепления ведущей политической роли партийной организации, пополнению ее рядов за счет активных сторонников Советской власти, росту авторитета коммунистов. Были встречены с большим одобрением сообщения о стремлении вступить в партию бывших партизан из рабоче-крестьянской среды. При этом говорилось о необходимости отличать подлинных борцов за Советскую власть от маскировавшейся под партизан «бывшей буржуазии, колчаковских золотопогонников, господ, которые уже два года не давали мирно работать Советской власти то под лозунгом продолжения войны, то за Учредительное собрание, то за Сове-

¹⁵ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 325, л. 84.

ты без коммунистов, или под другой маской».

В целях повышения личной роли коммунистов предлагалось вводить членов партии в важнейшие советские, хозяйствственные и общественные органы, направлять коммунистов на практическую работу на те участки, где ситуация была наиболее неблагополучной. В частности, рекомендовалось формировать милицию из членов партии, с тем чтобы милиция более четко соблюдала государственную законность. Предлагалось также, чтобы лесные обездочки также были членами партий.

Конференция признавала необходимым партийный контроль за деятельность должностных лиц, с тем чтобы этот контроль не противоречил законам и распоряжениям Советской власти.

Конференция предложила также «товарищам коммунистам, большевикам» стоять на высоте, не допускать со своей стороны насилиственного вмешательства в крестьянские и рабочие массы, занимаясь только разъяснением в народе нововведений, которые Советская власть установила.

Партийная конференция связала решение актуальных общественных проблем с инициативой самих трудящихся, в частности, призвала рабочих и служащих создавать фабрично-заводские комитеты, которые рекомендовалось нацелить на «наблюдение за правильным развитием промышленности и нормальной работой предприятий». Конференция высказалась за объединение усилий с тем, чтобы «самым усиленным образом ликвидировать проклятое зло всего человечества — пьянство», предложила совместно с непартийными объединениями и организациями действовать против спекуляции, решать другие острые проблемы, волнующие трудящихся.

Конференция обратила внимание на

необходимость строго согласовывать работу уездного парткома, ячеек и Советской власти, указав, что только подобный подход «может привести к успешному окончанию социалистического государственного строительства нового строя».

Завершилась первая конференция большевиков Кузнецкого уезда на подъеме. Провозглашались лозунги: «Да здравствует Третий Интернационал!», «Да здравствует мировая революция!», делегаты с воодушевлением пели партийный гимн «Интернационал».

Таким образом, документальные источники показывают, что Кузнецкая партийная организация связала единством целей и замыслов органы государственной власти, хозяйственного развития, общественные организации. Коммунисты стояли за то, чтобы партийные организации не занимались непосредственным вмешательством в деятельность непартийных органов, а оказывали свое влияние на них путем практической работы в соответствующих учреждениях, особенно в тех, которые были связаны с наиболее острыми и напряженными обстоятельствами общественной жизни.

Коммунисты признали важнейшим делом партийной организации и членов партии разъяснение среди населения сущности Советской власти, смысла ее конкретных действий, значимости советского законодательства и необходимости его исполнения.

Достаточно отчетливо концентрировалось внимание и на важности проявления революционной бдительности, эффективного пресечения враждебных Советской власти вылазок, беспощадной борьбы с ними.

Основные свои усилия партийная организация направляла на обеспечение восстановления народного хозяйства, политическую работу в массах, постановку организационно-партийной

работы применительно к этим задачам.

Речь идет именно о первом, старовом этапе деятельности уездной партийной организации. Этот этап закончился с завершением деятельности ревкомов. В мае 1920 г. в Кузнецком уезде были проведены выборы посто-

янных советских органов. В начале июня состоялся уездный съезд Советов, избравший уездный Исполнительный комитет. По всему уезду ревкомы передали власть исполкомам Советов, волостные и уездные ревкомы были упразднены.

А. Халиулина

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ СИБИРИ

После Октября изучение истории фабрик и заводов было неотделимо от истории революции, истории партии — Сибистпартом, во главе с В. Д. Вегманом, А. Ансоном проводились записи воспоминаний не только участников революции и гражданской войны, но и автобиографий рабочих. Не случайно А. Ансон в статье: «Об истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов», опубликованной в журнале «Сибирские огни», указал на значение таких серий работ, связанных единым планом издания, охватывающих все стороны жизни и деятельности предприятий. Ясно, что вся работа может быть осуществлена только при активном содействии рабочим группам со стороны партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, НТР заводов и фабрик¹.

Еще в 1926 году на 1-м Сибирском краевом научно-исследовательском съезде в Новосибирске профессор-историк С. В. Бахрушин отметил, что

изучение сибирского прошлого должно вестись в тесной связи с новыми социально-экономическими интересами момента... «Особенно чувствуется потребность в монографическом изучении отдельных заводов на всем протяжении их существования, которое позволило бы дать полную картину эволюции производственных процессов и положения рабочих»².

В 1930 году при «Обществе изучения Сибири и ее производительных сил» была образована комиссия по изучению фабрик и заводов. 19 июля был объявлен конкурс «на лучшее монографическое описание фабрик и заводов». В 1930 году в конкурсе приняло участие 17 предприятий: в Омске завод «Красный пахарь», завод сельскохозяйственного машиностроения и суконная фабрика; в Новосибирске мыловаренный завод и Комбайнстрой; в Томской губернии Яшкинский цементный завод, Анжеро-Судженские копи, Гурьевский завод, Кузнецкстрой, Кемеровский химзавод, Прокопьевские шахты³.

Жизнь показала, что рабочим кол-

¹ Сибирские огни, 1931, № 10, с. 80—81.

² Труды первого Сибирского краснодетского научно-исследовательского съезда. Т. I. Новосибирск, 1928, с. 637.

³ ГАНО, ф. 217, оп. 1, д. 216, лл. 13, 15, 16, 23.

лективам, пишущим историю предприятий, необходима систематическая помощь методического характера, и работа Секретариата Главной редакции истории фабрик и заводов в 1934 году была перестроена: создали 6 групп по работе в различных регионах страны. В каждую группу входил редактор-руководитель из состава сотрудников Секретариата и научный работник. Руководитель мог привлекать к работе литераторов, историков, экономистов. Группе поручалось 4—5 объектов из заявленных в редакционно-издательском плане. Предусматривалась работа над тремя видами изданий: рукописи, подлежащие редактированию и сдаче в политиздат, книги, имеющиеся в текущем году, и объекты, где продолжалась дальнейшая научно-исследовательская работа⁴.

Сибирские предприятия вошли в две группы. Группа 5, во главе с А. Гайсинович, научными сотрудниками Златоустовским и Злотниковым участвовала в работе по написанию очерков о Ленских приисках. Группа 6, во главе с Е. Гольдич, Амитровым, научным сотрудником Грекуловым помогала в создании истории Кузнецкстроя⁵. Работа по истории сибирских предприятий к середине 30-х годов значительно расширилась. Если в списке Главной редакции написания истории предприятия на 1932/33 гг. значилось всего три объекта: Ленские прииски, Кузнецкстрой и «Большевистская коммуна» (на Алтае)⁶, то в списке предприятий по Сибири на 1935 год — шесть объектов: Ленские золотые прииски, Кузнецкстрой, Новосибирский завод комбайнов, Черемховские копи, Красноярский паровозоремонтный завод, Турксиб⁷. Среди журналистов, принимавших участие в работе над историей предприятий

^{4, 5} ЦГАОР, ф. 7952, оп. 1, д. 2, лл. 30—32.

^{6, 7} Там же, д. 3, лл. 1—3; 43.

Сибири, были: В. Саянов — «Ленские прииски», А. Бек — «Кузбасс». А. Беку было поручено написать главы по истории парторганизации на Кузнецкстрое. Н. Смирнов писал об истории техники. Редакция газеты «За индустрию» для написания истории заводов рекомендовала Я. Баранова для работы по Кузбассу⁸.

Однако у многих из них работа по истории предприятий свелась к созданию отдельных рассказов, художественных очерков, они не сумели использовать весь массив документальных источников при написании истории предприятий⁹.

В 1934 году в издательстве «Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» в редакции «Истории заводов» вышла книга «Рождение стали и человека», записки начальника Кузнецкстроя С. М. Франкфурта, охватывающие период основного строительного цикла КМК с 1930 по 1934 годы. Во вступлении автор писал: «Меня очень радует, что моя книга нашла отклик у моих сотоварищей — руководителей крупных строек и предприятий: многие из них также начали писать о своей работе. Это важно не только как материал для будущего историка, это необходимо сейчас. Сотни тысяч молодых вливаются в ряды строителей социализма. Для них опыт нашей работы и борьбы явится прекрасной школой. Большую помощь оказала мне в работе редакция «За индустриализацию»¹⁰.

В 1934 году главным инженером строительства И. П. Бардиным были написаны воспоминания «Жизнь инженера». В январе 1935 года журналистом Ильей Заславским записаны воспоминания И. П. Бардина, в 1936 году в Новосибирске вышла книга

⁸ Там же, д. 5, л. 14.

⁹ Там же, оп. 2, д. 98, лл. 97—99.

¹⁰ Там же, оп. 5, д. 77, лл. 3—5.

И. П. Бардина «Рождение завода». Всего за 1931—1938 годы вышло более 350 книг по истории заводов страны в целом. 31 января 1938 года Главная редакция истории заводов была ликвидирована, ряд работников секретариата подвергался необоснованным репрессиям. Работа, проведенная в те годы историками, лите-

раторами, ИТР и рабочими по своему объему, характеру, задачам, не имеет прецедентов.

История промышленных предприятий тесно переплеталась в те годы с историей социалистической интеллигенции, хорошо сознававшей свою ответственность перед новым обществом.

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»

Виль Рудин

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОИЗВОЛУ

В Кемеровском областном партийном архиве я обнаружил материалы о том, что 23 июля 1937 года бюро Сталинского горкома ВКП(б) исключило из партии Фридриха Адамовича Брокара.

Брокар — фигура легендарная: участник революции 1905 года в Латвии скрывался в Сибири, в 1914 году храбро воевал, выслужил лычки унтер-офицера, был ранен и комиссован. В 1917 году он стал одним из организаторов Красной гвардии на Кемеровском руднике, в мае 1918 года с отрядом красногвардейцев выехал в Томск, на помощь совдепу, но белые взяли верх, Брокар был схвачен, бежал. Его снова арестовали, и он снова бежал. До прихода 5-й армии участвовал в партизанской войне против колчаковщины.

В 1920—21 годах Брокар работал начальником Щегловской уездной милиции и начальником политпоста ВЧК. Постановление бюро сформулировано так: «был связан с троцкистами Прониным и Смоленниковым», и более того — «был руководителем контрреволюционных действий этой бандитской шайки».

Далее указано, что «Брокар на заседании не присутствует, арестован органами НКВД». Добавлю к этому, что в заседании участвовал член бюро, старший лейтенант госбезопасности Александр Ровинский, начальник Сталинского горотдела НКВД, так

что упоминание об аресте Брокара я посчитал вполне достоверным. Однако все мои попытки разыскать уголовное дело на Фридриха Брокара ни к чему не привели: в архивах КГБ и УВД такого дела не оказалось, вообще не было сведений о его аресте.

Зато нашлось дело на Е. А. Смоленникова, за связь с которым Брокар был исключен из партии.

I

Итак — Смоленников Евгений Алексеевич, 34 лет от роду, исключен из партии Сталинским горкомом ВКП(б) с такой формулировкой: «Распространял клевету на органы государственной безопасности, провалил ряд к-р дел; был прямым пособником контрреволюционеров; до самого последнего времени имел связь с контрреволюционером троцкистом Брокар...».

А кто такой «пособник контрреволюционеров» Смоленников? Комсомолец с 1919 года, с 1920 по 1927 год работал в Кузнецкой уездной чека, затем по решению укома партии направлен как специалист-техник в Кузнецк, на строительство железной дороги, так что к чекистским делам он десять лет отношения не имел. В 1936 году руководство НКВД призвало на службу чекиста запаса Смоленникова. Должность ему сначала определили — оперуполномоченный Особого отдела, начальником у него

был Молозовский, затем Смоленников перешел в Экономическое отделение УГБ в подчинение к Почкаю.

По указанию Молозовского весной 1936 года была арестована группа поселенцев-финнов, 7 человек, живших на Точилинской площадке. Один из этих финнов написал на своих товарищах донос: «мол, собираются по избам, обсуждают, как уйти в тайгу и поднять вооруженное восстание против соввласти. Молозовский вел дело две недели, арестованные ни в чем не сознавались, и Молозовский нашел такой выход: передал дело Смоленникову, а сам уехал в отпуск.

В помощь Смоленникову из Новосибирска, из краевого управления НКВД прибыл оперработник Солдатов, месяц упорных допросов тоже ничего не дал: арестованные финны стояли на своем — не виноваты. И когда из отпуска вернулся Молозовский, Смоленников вопрос поставил прямо: люди ни в чем не виноваты, надо освобождать. Их и освободили. А год спустя, когда пошла кровавая вакханалия, а именно в апреле 1937 года, всех их снова арестовали. Молозовский представил состряпанный материал на «повстанческую группу» в краевую Тройку, а там решение приняли в пять минут: «за подготовку контрреволюционного восстания — расстрелять». Смоленникова же обвинили в том, что он «освободил из под стражи заведомых врагов Советской власти».

Еще одно дело: Молозовский арестовал бывшую работницу КВЖД Мельникову, обвинил ее в шпионаже в пользу Японии. Женщина ни в чем не сознавалась, улик у Молозовского не было. Молозовский передал подследственную Смоленникову и приказал — надо составить протокол допроса, написать в нем, что Мельникова признает себя шпионкой, и «бороться за его подписание». Смоленников ска-

зал, что он подобными вещами заниматься не станет. Дружба его с Молозовским после этого порвалась.

И Смоленникова перевели в отделение к Почкаю. Тот фабриковал дела еще похлеще, и Смоленников заявил о своем несогласии с такой «практикой». Он утверждал: «Одной руганью признания от обвиняемых не возьмешь. Ругань обвиняемый может расценить как наше бессилие перед ним...» Смоленников считал неправильным, что оперработники «составляют протокол допроса без присутствия обвиняемых, за признание которого следователь потом борется». Ни Почкой, ни другие работники ЭКО со Смоленниковым не согласились, ему было сказано, что с «врагом нужно бороться упрямо, твердо и без ослабления».

Развязку ускорило совершенно неожиданное обстоятельство.

В апреле 1937 года Сталинский горотдел НКВД арестовал в Осинниках бывшего работника Кемеровского окружкома ВКП(б) Федора Федоровича Пронина, который никогда не скрывал, что он сторонник Троцкого и с политикой Сталина не согласен, за что и был в 1927 году изгнан из партии и находился все эти годы под оперативным наблюдением. И когда Ровинский запросил из Кемерова старые оперативные материалы на Пронина, он с изумлением обнаружил там документ вот такого содержания (приведу его по возможности полным, ибо этот донос сыграл решающую роль в судьбе Смоленникова):

«В райком ВКП(б) от члена ВКП(б) Кочетова Фроля Сергеевича. Настоящим довожу до вашего сведения. 2/XII-27 г. в 7 часов вечера по слухам отъезда т. Смоленникова, служащего домзака, последним был устроен семейный вечер, куда были приглашены Брокар и я... Через 15 минут приехали Серебренников с женой и с

ними тов. Пронин (два оппозиционера). На вечеринке была и выпивка очищенная и портвейн. Когда Серебренников стал повеселее, вопрос поднялся об оппозиции... При мне Серебренников обвиняет руководство в неправильных действиях о выдвиженчестве, что партия выдвигает не для того, чтобы поддержать того или иного товарища, она их наоборот задвигает через ОГПУ и домзак... Т. Смоленников очень часто посещал т. Серебренникова, ходил к нему на квартиру... и в целом солидарен.

Считаю своим долгом подчиниться уставу и доношу. Кочетов. 3.XII.27.».

О Кочетове, воспитателе домзака, слава ходила дурная: большой любитель выпить, не раз писал доносы на тех, за чей счет выпивал, иные из работников домзака схлопотали по выговору. Однако тогда, в 1927 году, ни начальник домзака Брокар, ни его подчиненный Смоленников и представить себе не могли, что получится из этого доноса десять лет спустя... Вот так дела! Оперработник Смоленников выпивал вместе с троцкистами Прониным и Серебренниковым!

Ровинский самолично подготовил спецсообщение в краевое УНКВД. И обратите внимание, как под первом Ровинского заурядная выпивка по поводу проводин превращается в зловещее собрище заговорщиков-троцкистов:

«Начальнику УНКВД по ЗСК комиссару госбезопасности 3 ранга тов. Миронову, г. Новосибирск. По делу арестованного горотделом НКВД троцкиста Пронина... от Кемеровского ГО НКВД в ответ на наш запрос получено дело, в котором мы обнаружили заявление члена ВКП(б) Кочетова о к-р троцкистской деятельности Пронина... Из заявления видно, что в декабре 1927 г. у служащего домзака Смоленникова устраивалось собрище троцкистов и сам Смоленников раз-

делял к-р троцкистские взгляды.

В настоящее время Смоленников работает оперуполномоченным 3-го отделения УГБ Сталинского ГО НКВД. До сих пор свою принадлежность к троцкизму скрывал...

Изложенное представляется на Ваше рассмотрение. А Ровинский».

Документ этот был зарегистрирован за № 1666 и 15 апреля 1937 года ушел в Новосибирск.

19 апреля начальник УНКВД Миронов наложил резолюцию: «Срочно написать т. Ровинскому, чтобы тщательно на партсобрании разобрались со Смоленниковым. При выявлении, что он вел троцкистскую агитацию — арестовать сейчас же после исключения».

II

Теперь у Ровинского и Почкая руки были развязаны, и дальнейшее они разыграли, как по нотам.

Сначала надо было «уличить» Смоленникова в «проведении троцкистской агитации», и они «уличили». Дело в том, что за пять дней до составления Ровинским письма в Новосибирск к Почкаю явился его подчиненный Григорий Островлянчик и доложил, что у него вышел спор со Смоленниковым, который утверждал, что в СССР, пока существует капиталистическое окружение, коммунизм построить невозможно.

По тем временам такое заявление рассматривалось как тягчайшее преступление против партии.

Словом, заявление Смоленникова в частном разговоре с Островлянчиком дало возможность Ровинскому и Почкаю выполнить указание Миронова — вытащить Смоленникова на партсобрание и устроить над ним откровенное судилище.

Собрание прошло 25 апреля. Перед нами протокол партийного собрания

коммунистов УГБ НКВД Стalinского горотдела. Люди резали правдматку, какой она им представлялась. Один за другим работники УГБ, всех отделений, поднимались на трибуну и говорили о том, что «троцкист Смоленников» мешает им в борьбе с контрреволюцией. Читать этот протокол страшно: работники горотдела дружно, я бы сказал, с упоением расклевывали своего сослуживца.

Доклад сделал Ровинский — он задал тон:

«Смоленников в ряде своих выступлений перед сотрудниками УГБ говорил, что мы в следствии очень сильно нажимаем на контрреволюцию... Он выступал в защиту такой сволочи, как Евзеров, Чезарри и другие. Конец этой группы известен... Сегодня мы допрашивали Брокар, оказывается, он ваш, Смоленников, приятель, а вы это скрывали... Когда вас посыпали в Осиновку, почему вы останавливались у Брокара? Вопрос о построении коммунизма в нашей стране и клевета на наши органы — все это одна цепь, вражеская цепь. Смоленников — это случайный элемент, затесавшийся в наши ряды, чтобы проводить к-р работу!»

Первым слово взял Островлянчик: «В кабинете Молозовского в присутствии Почкой и меня Смоленников говорил, что мы нажимаем на арестованных, высказывал неверие в наши протоколы, выходило по его, что все это липа, что мы искусственно создаем дела».

Васин: «Из всего этого выясняется жуткая картина. Мы имеем в своем коллективе людей, которые на сегодняшний день имеют связи с действующим троцкизмом, и эти люди состоят чекистами, проводят среди нас к-р работу!»

Замарацкий: «Разворачивается фигура оформившегося троцкиста Смоленникова, все его связи идут с дав-

него времени. Смоленников говорит, что питал уважение к Брокару как старому большевику. Я Брокара тоже знаю, но с другой стороны. Он два раза подводил Кузнецкий окротдел во время «свадеб»*, и сейчас это становится ясным... Я участвовал на этих «свадьбах» не раз. Когда ни приди, он вечно как сволочь пьяная, Брокар всегда пил в это самое время...».

Ковалышко: «Я вполне разделяю высказывание Замарацкого, что Смоленникова надо рассматривать как вполне оформленного троцкиста, который сумел пролезть в нашу партию и в наши органы. Это можно заключить из того, как он ведет себя на нашем партсобрании. Он ведет себя как отъявленный троцкист, он старается очернить и оклеветать других, а не расскажет о том, в чем его изобличили. Если вы были коммунистом, вы бы выступили и разоружились... Не случайна его связь с Брокаром, совершенно разложившимся элементом. Брокар был близким человеком троцкисту Евзерову. У Смоленникова с Брокаром была систематическая связь... Когда вас посыпали на следствие в Осиновку, вы больше времени уделяли Брокару за рюмкой, чем работе, которая вам была поручена. Вы не поинтересовались, где можно найти кадры свидетелей для разоблачения этих диверсантов... Вы пошли к ставленнику Евзерова — взять у него материал на Евзерова. Я считаю, что это предательство в наших рядах... Смоленников выводил теорию, чтобы свести коллектив чекистов к либерализму. Вы хотели, чтобы с контрреволюцией разговаривали, как с невестой за стаканом чая, но вы ошиблись, мы будем разговаривать так, как нам диктует партия и наши выс-

* «Свадьба» — словом этим чекисты называли расстрел.

шие руководящие органы. Надо его исключить из партии, у нас не должно быть предателей!»

Бурцев: «...Молозовский всегда ругал Смоленникова за либерализм... Считаю, что вопрос о Смоленникове надо решить так: исключить его из партии и просить командование расправиться с ним как с врагом народа!»

Костромин: «Смоленников — троцкист, прикрывающийся партбилетом, творивший гнусное троцкистское дело».

Почкай: «...Все выступавшие в один голос заявляли, что наглое и активное поведение в наших рядах троцкиста, контрреволюционера... Смоленников в своем выступлении старался свести разговор о неправильных методах борьбы с к-р только к матам. Вопрос шел не о матах. Вопрос шел о методах допросов к-р, и он заявлял в присутствии Молозовского, меня и Островлянчика, что мы неправильно допрашиваем, что мы не даем оправдываться обвиняемым, а арестованные имеют право оправдываться, об этом, мол, говорит советский закон, а мы жмем — давай показания! А которые шли бы в защиту, мы такие показания не пишем. Это заявление было тогда, когда мы вели троцкистское дело, дело Евзерова и других. Смоленников стал адвокатом контрреволюции. Такое мнение вносит шатание и разложение в наши ряды... Вы же знаете, что мы боремся за показания, а арестованный борется за то, чтобы вставить пару слов и смахнуть эти показания. Смоленников говорил, что, мол, пишем искусственно, иначе говоря, фабрикуем дела. А вы знаете, что троцкисты всегда клевещут на партию. Такой разговор был о Чезарри — Смоленников старался обвинить нас, что мы фабрикуем троцкистские дела... Так может говорить только контрреволюционер, кото-

рый ведет к-р работу в наших рядах, чтобы расстроить эти ряды и чтобы хоть каким-нибудь путем помочь контрреволюции и спасти ее. Мы спорили со Смоленниковым вплоть до пояснения статей УПК*. Мы думали, что коммунист Смоленников просто не понимает, ошибается, хотели его воспитать, а теперь ясно, что дело не в заблуждении, а в злонамеренном, сознательном к-р поступке... Завод** кишит шпионами, диверсантами.., а Смоленников на партгруппе сам признался, что его поведение не чекистское и не партийное: в час ночи уходил и в 11 утра являлся на работу...»

Затем выступавшие — Иванов, Погорелов, Сафонов, Родионов, еще один Иванов, Федор, Барышев, Смирнов и остальные (всего выступило 22 человека) стали повторяться, так что цитировать остальные речи надобности просто нет. Заключительное слово произнес сам Ровинский. Постановление этого жаркого собрания больше смахивает на обвинительное заключение:

«...Члена ВКП (б) Смоленникова Евгения Алексеевича как врага нашей партии, активного троцкиста, участника к-р троцкистской группы, боровшегося на протяжении ряда лет с партией, из рядов ВКП (б) исключить и просить командование привлечь Смоленикова к уголовной ответственности».

Словом, Ровинский и Почкай указание тогдашнего начальника УНКВД Миронова выполнили с блеском, целиком и полностью, и теперь оставалось лишь одно: отобрать у Смоленникова табельное оружие и посадить его в камеру. Однако прежде чем го-

* УПК — Уголовно-процессуальный кодекс, регламентирует следственное и судебное производство.

** Почкай имеет в виду Кузнецкий металлургический комбинат, к «обслуживанию» которого он тогда приступил.

ворить о том, что еще произошло в Сталинском горотделе НКВД в тот злополучный для Смоленникова день 25 апреля 1937 года, я должен вернуться к собранию и дать необходимые пояснения.

Первое из них касается Фридриха Адамовича Брокара.

Отчего же этот неустрашимый латыш, участник двух войн, первый начальник Щегловской уездной чеки и милиции, запил горькую в конце двадцатых годов? Почему, по словам Замарацкого, «всегда пил в то самое время, когда надо ехать на «свадьбу»? Видно, не вынес Фридрих Брокар того, что видел, работая начальником Щегловского домзака, водкой пытался заглушить в себе душевное неприятие того, что стало твориться в ОГПУ, и был в конце концов с поозором изгнан «как разложившаяся сволочь» — по словам того же Замарацкого.

Второе отступление касается многократно упоминавшегося Евзерова — о нем придется сказать подробнее.

Марк Исакович Евзеров, управляющий Осиновским рудником, 14 февраля 1937 года Сталинским горкомом ВКП (б) был исключен из партии «как троцкист, враг партии и рабочего класса». Сразу же после заседания бюро горкома Евзеров был арестован, хотя материалов на него не было никаких — сужу об этом по тому, что начальник СПО лейтенант госбезопасности Смирнов, составляя постановление на арест, не нашел, что туда записать, кроме пустой фразы о том, что Евзеров «изобличен как троцкист».

На другой день Ровинский передал все материалы Почкаю, и тот измыслил вот такие формулировки в отношении Евзерова: «С 1933 по 1937 гг. на Куйбышевском и Осиновском рудниках проводил активную к-р вредительскую подрывную работу, разва-

лил рудники... Организационно по к-р троцкистской работе был связан с к-р троцкистом Ежовым, шпионом-вредителем Строиловым, троцкистом Чезарри».

Скажу сразу, что Почкай разыгрывал беспроигрышные карты: со Строиловым и Чезарри Евзеров был связан по работе; Строилов, как видимо, помнит читатель, был незадолго перед тем осужден вместе с Пятаковым, Мураловым, Шестовым и др. по так называемому делу «Параллельного право-троцкистского центра», а Чезарри, подчиненный Евзерова по работе на Куйбышевском руднике, был арестован как троцкист и вредитель еще в ноябре 1936 года, так что сама должностная связь с ними уже как бы подразумевала, что и Евзеров не может не быть троцкистом, вредителем и диверсантом.

Однако Почкаю долго вести следствие по делу Евзерова не дали. Краевое УНКВД затребовало материалы в Новосибирск. Здесь 7 апреля 1937 года следствие закончили — обвинительное заключение, как любили писать работники краевого управления (и перенял у них позже сам Почкай), начинается со «вселенского разворота»: «Органами УГБ УНКВД по ЗСК вскрыта и ликвидирована на Куйбышевском и Осиновском рудниках Кузбасса к-р троцкистская террористическо-диверсионная организация, созданная в 1933 году врагами народа троцкистом Шестовым и шпионом-вредителем Строиловым... Произведенным по делу расследованием установлено, что арестованный по настоящему делу Евзеров М. И...» — перечислять все обвинения в адрес Евзерова не стану, это уведет нас слишком далеко от Смоленникова, скажу лишь, что сам Евзеров обвинений в свой адрес не признал. В деле сохранились два пространных письма Евзерова на имя тогдашнего первого

секретаря крайкома Р. И. Эйхе и на имя Сталина, притом из сопроводительных документов видно, что письма были перепечатаны и направлены адресатам — в них Евзеров доказывал вздорность обвинения. Однако судьба Евзерова была предопределена.

15 апреля 1937 года дело было рассмотрено Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР, Евзеров признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР и осужден к тюремному заключению сроком на 10 лет. Могу еще добавить, что, как видно из протокола судебного заседания, рассмотрение дела было начато в 12 час. 10 мин. и закончено в 12 час. 45 мин. — очевидно, что исследовать все материалы восьмитомного дела за полчаса физически невозможно, и суд превращен был в фарс. Судьи всего лишь переписали в приговор то, что значилось в обвинительном заключении*.

Однако же в 1936—37 годах Фридрих Брокар, как начальник автогужевого транспорта Осиновского рудника находился в непосредственном подчинении Евзерова и потому попал под оперативное наблюдение. По логике рассуждений Почкай арест Брокара был всего лишь делом времени...

Теперь вернемся к Смоленникову.

* Проводить проверку дел на Евзерова, Чезарри, Сенотрусову и др. мне пришлось в 1954 г. Все, что вменялось в вину обвиняемым, оказалось существенным вздором, и военная коллегия Верховного суда СССР приговор отменила, дело прекратила. Евзеров возвращен из ссылки (он находился в Норильске). 13 августа Евзерова ознакомили с этим решением, и он приписал от руки на форменном бланке: «С благодарностью отмечаю щательную и объективную проверку моего дела. Доказано, что я был и остался преданным Советской власти и партии инженером. Горный инженер Евзеров».

Он действительно работал вместе с Брокаром в Щегловском домзаке до 1927 года, Брокар был его начальником. Они дружили и после того, как совместная работа кончилась, дружеских отношений не прервали. Теперь представьте себе состояние Смоленникова, когда в марте 1937 года он понял, что Почкай готовит арест Брокара «как троцкиста и вредителя, связанного с арестованным троцкистом Евзеровым». Что должен был предпринять Смоленников, чтобы спасти друга?

Смоленников в составе опергруппы приехал в Осиновку для поиска и допроса свидетелей по делу Евзерова, выбрал благовидный предлог (из горотдела разговаривал по телефону с Брокаром в присутствии других оперработников, — сказал, — припомните, припомните, кто может дать нужные показания!), пошел домой к Брокару и предупредил: «Фредо, Евзерова взяли, теперь очередь за тобой». Они выпили на прощание и Смоленников ушел в горотдел, никакого протокола писать не смог: душа не позволила.

Но Фридрих Брокар ни тогда, ни через месяц из Осиновки не уехал: то ли не пожелал, то ли побоялся за семью.

25 апреля 1937 г., в тот самый день, когда в Сталинском городеле НКВД на партсобрании терзали Смоленникова, Фридриха Брокара привезли в городел, и старший лейтенант госбезопасности Монтримович допросил его в качестве свидетеля. Кстати, когда Смоленников днем пришел домой, то застал у себя жену Брокара — женщину молила Смоленникова выручить мужа, спасти во имя давней дружбы... Смоленников, видно, догадывался, какую подлую возню затеяли вокруг него Ровинский и Почкай, понимал, что сам не сегодня-завтра будет арестован, однако несчастную женщину успокоил, как мог, и тут же

вернулся в городок, в Первый дом*, из которого его уже не выпустили...

III

Показания Фридриха Брокара со всех точек зрения поразительны, никакой логикой их объяснить нельзя.

Казалось бы, после всех «разоблачений» на партсобрании, прибывший из Новосибирска оперуполномоченный краевого УНКВД Монтимович должен задать Брокару вот такие вопросы: с какого времени вы руководите троцкистской группой? Кто в нее входит? Был ли в ее составе Смоленников? Какова связь вашей группы с Евзеровым? Давал ли он вам задания на проведение подрывной работы? Занимались ли члены группы и вы лично вредительством? Если занимались, то в чем именно это вредительство выражалось?

Однако Монтимович таких вопросов Брокару не задавал, в протоколе их нет.

Монтимовичу Брокар нужен как свидетель, чтобы изобличить в троцкизме Смоленникова. Потому, как я сказал, Монтимович допрашивает Брокара в качестве свидетеля, даже и с предупреждением об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Чувствуется иезуитский замысел Ровинского: утопить Смоленникова руками его лучшего друга... В заключительной части протокола записано со слов якобы Брокара: «Я считаю, что Смоленников полностью разделял к-р троцкистские взгляды».

Что стоит за этой фразой?

Монтимович напомнил Брокару — был же в декабре 1927 года случай: в его, Брокара, доме в Кемерове провожали Смоленникова в Кузнецк, вы-

пивали, в компании провожавших были Фролов, Пронин и Серебренников, в прошлом партработник; Пронин и Серебренников тогда стояли на троцкистской платформе, о них и газеты писали, как о троцкистах... Серебренников за выпивкой осмелел и начал болтать... Помните?

Брокар припомнил — да, вроде было такое десять лет назад, но Смоленников тут же одернул болтуна, а тот еще стал оправдываться — мол, вы же меня знаете, никто же из вас с доносом не побежит...

Монтимович стоял на своем: Смоленников не одергивал, а поддерживал и разделял! Не знаю, как долго «боролся» Монтимович за подписание этого протокола и каким образом вынудил Брокара поставить свою подпись, но согласитесь — ситуация бессмысленная: Смоленникова обвиняют в связях с «главарем троцкистской группы» Брокаром, а самого Брокара не обвиняют ни в чем...

В тот же день, 25 апреля, Монтимович допросил арестованного Ф. Ф. Пронина, но тот твердо стоял на том, что о троцкистских взглядах Смоленникова ничего не знает. Тогда Монтимович провел очную ставку.

Вопрос: кого с кем надо сводить на очную ставку? Брокара со Смоленниковым? Смоленникова с Прониным? Для чего? Какие противоречия в показаниях выявлять и устранять? Смоленников на собрании утверждал, что и сам троцкистом не был, и Брокара таковым не считает; Пронину ничего о троцкистских взглядах Смоленникова не известно; Брокару обвинение в троцкизме вообще не предъявляется... Для чего нужна очная ставка?

Монтимович придумал очную ставку между Брокаром и Прониным!

Брокар подтвердил, что Пронина видел в своем доме один раз десять лет назад, в декабре 1927 года, на проводинах Смоленникова; что Про-

* Городок НКВД в г. Сталинске размещался в доме № 1 по проспекту Энтузиастов, в просторечии долгие годы именовался «Первый дом».

нин и Серебренников затеяли «троцкистские» разговоры. В самом конце показаний Брокара Монтимович приписал заключительную строчку: «Смоленников соглашался с Серебренниковым», и Брокар расписался. Пронин остался на своей позиции: проводины были, какие разговоры вел Серебренников, сегодня не помню, о Смоленникове ничего не знаю.

Иначе говоря, очная ставка пустая, бессмысленная: Брокар и Пронин не друг друга изобличают, а говорят о других людях, об отсутствующих, и что записано в показаниях одного, другой не подтверждает...

Чтобы потом к Брокару не возвращаться, скажу, что из подвалов Первого дома он вырвался тогда же — полагаю, что Ровинский выпустил его из своих рук в порядке вознаграждения за ту фразу, которую он подписал: «Я считаю, что Смоленников полностью разделял к-р троцкистские взгляды».

В дело Смоленникова подшип удивительный документ, подписанный все тем же Ровинским:

«Брокар Ф. А., 1884 года рождения, уроженец б. Витебской губернии, Двинского уезда, пос. Рубиники, латыш, беспартийный, член ВКП(б) с 1917 года, в 1937 г. исключен как троцкистский двурушник. В мае 1937 г. осужден нарсудом пос. Осиновка сроком на 3 года за подлоги и растрату в Горпромуче п. Осиновка. Работал в Осиновском рудоуправлении в качестве начальника автогуж-транспорта, развалил работу автопарка и гужтранспорта. Нач. Сталинского ГО НКВД ст. л-нт госбезопасности Ровинский».

Вот такой документ, который ничего не проясняет, а все только запутывает: если Брокар «развалил работу автогужтранспорта», то почему Ровинский не обвинил его во вредительстве, что было тогда делом обыкно-

венным? Почему не связал с делом Евзерова? Более того — никакого осуждения Брокара «на 3 года за подлоги и растрату» не было: из Сталинского горотдела НКВД он вернулся в Осиновку и до Отечественной войны честно и скромно работал мастером на кирпичном заводе, потом перебрался в Юрку, там тоже работал на кирзаводе и умер в 1947 году.

Словом, Ровинский подписал подложную справку. Я понимаю, что на совести этого человека лжи и фальсификаций так много, что одним фиктивным документом больше, одним меньше — для него ровно ничего не значило. Однако в данном случае Ровинский фактически помиловал Фридриха Брокара, и Брокар, человек умный и совестливый, не мог не понимать, какую цену он был принужден заплатить за это помилование...

25 апреля Ровинский приказал арестовать Смоленникова, хотя юридических оснований для этого не было, если не считать одной-единственной фразы в протоколе допроса Брокара: «по моему мнению, Смоленников разделял троцкистские взгляды Серебренникова»; что до протокола парсобрания, то все, там сказанное, юридической силы попросту не имело.

Монтимович с «собранными материалами» уезжает в тот же день в Новосибирск и здесь 26 апреля выносит постановление на арест: «Смоленников среди сотрудников стал пропагандировать к-р троцкистские взгляды о невозможности построения социализма; ...вел разлагательские разговоры о том, что НКВД «сильно жмет на арестованных по к-р делам».

27 апреля на документе появилась резолюция начальника краевого УНКВД Миронова: «Арестовать».

После этого Ровинский препроводил Смоленникова спецконвоем в Новосибирск, в краевое управление НКВД.

IV

Следствие по делу Смоленникова длилось целых четыре месяца, однако ничего нового по сравнению с тем, что было высказано на партсобрании в Сталинске, в деле так и не появилось. Обвинялся он по двум статьям — 58-10 и 58-11 УК РСФСР, т. е в проведении антисоветской агитации и в причастности к «к-р троцкистской организации», имелась в виду связь его с Прониным, Серебренниковым и Брокаром.

Допрашивавший Смоленникова младший лейтенант госбезопасности Шнейдерман получил из Сталинского городца НКВД показания Почкая, Калинина, Островлянчика, Черенкова, Сафонова — все они топили Смоленникова дружно, истово, я бы сказал, с вдохновением: «Смоленников троцкист, срывал работу органов НКВД по борьбе с контрреволюцией, распространял клевету» и т. д.

Смоленников на следствии держался твердо, вины за собой не признавал ни в проведении антисоветской агитации, ни в причастности к троцкистской организации. О Фридрихе Брокаре писал в собственноручных показаниях: «...Я с ним нахожусь в дружественных отношениях, уважал его как старого большевика и авторитетную личность по Кузбассу». По глубокому убеждению Смоленникова, Брокар в троцкистской организации не состоял и состоять не мог. И на допросах во время следствия и при окончании дела Смоленников требовал очной ставки с Брокаром, но следователь эти требования неизменно отклонял, говорил — доказательств и так хватает. Даже постановление такое вынес: «...необходимость проведения ставки Смоленникова с Брокаром исключается». Не очень, правда, грамотно, зато категорично. Впечатление такое, что Брокара просто прятали от

Смоленникова — видимо, не было уверенности, что Брокар и на очной ставке подтвердит то, что Монтримович записал в протоколе его допроса.

5 августа 1937 г. новый начальник УНКВД по Запсибкраю, майор госбезопасности Мальцев* утвердил обвинительное заключение по делу Смоленникова, и дело ушло в Военный трибунал Западно-Сибирского округа пограничных и внутренних войск НКВД.

1 сентября 1937 года члены Военного трибунала приехали в Сталинск. В суд вызвали и передопросили всех работников Сталинского городца НКВД, которые на следствии «изобличали» Смоленникова «в к-р деятельности». Смоленников вновь заявил ходатайство о вызове в суд Фридриха Брокара.

Однако Военный трибунал также отклонил ходатайство о вызове Брокара в суд на том основании, что и без того материалов в деле достаточно, однако же в приговоре указал, что «Смоленников был тесно связан с ныне осужденным Брокаром, несмотря на то, что на последнего имелись конкретные данные о его двурушничестве и вредительской деятельности.., пытался отвлечь внимание органов госбезопасности от разоблачения Брокара».

Смоленникову было определено 8 лет заключения и еще 5 лет поражения в правах.

После суда Смоленников подал кассационную жалобу в Военную коллегию Верховного Суда СССР, в которой продолжал утверждать, что в троцкистской организации никогда не состоял, что после одной-единственной встречи с Прониным и Серебреннико-

* Мальцев И. А. осужден за фальсификацию следственных дел 4.X.39 г. к 8 годам лишения свободы, умер в заключении 26.VIII.1940 г.

вым в декабре 1927 года никаких связей с ними не имел, а Брокар троцкистом не является.

Доводы Смоленникова произвели впечатление на военных юристов. Заслушав доклад военного прокурора Главной военной прокуратуры военного юриста 2 ранга т. Савина, Военная коллегия Верховного Суда СССР 11 февраля 1938 года вынесла определение: «Ввиду того, что принадлежность Смоленникова к контрреволюционной организации достаточно материалами дела не обоснована, применение к Смоленникову статьи 58-11 из приговора исключить. По статье же 58-10, ч. I УК обвинение утвердить, оставив в силе наказание, определенное приговором Военного трибунала».

Статья 58-10 УК, как известно, карала за антисоветскую агитацию. Следовательно, только в том и признали Смоленникова виновным, что в победу социализма в СССР не поверили, да еще с фальсификацией следственных дел в Сталинском горотделе НКВД согласен не был...

И пошел он, без вины виноватый, в свой крестный путь по лагерям ГУЛАГа...

Дополнительное расследование по делу Смоленникова проводилось в 1956 году работниками УКГБ по Кемеровской области.

Из Симферополя прислали собственоручные показания давно уволенного из органов госбезопасности Ровинского — бывший начальник горотдела юлил и выкручивался: «Я принял горотдел незадолго до апреля 1937 г., т. е. до ареста Е. А. Смоленникова, потому я его совершенно не помню, как и не помню о своем и других выступлениях на партсобрании 25 апреля 1937 г. Я помню, что вскоре по принятии мною дел горотдела из Управления НКВД по Запсибирю поступило распоряжение арестовать

сотрудника горотдела, но шла ли речь о Смоленникове и где вели дело, я не помню...»

Отыскался и Почкай: в 1945 году его откомандировали из Сталинска в распоряжение НКГБ Литовской ССР, а затем Почкая взяли на работу в одно из Управлений МГБ СССР, в Москву, носил он погоны полковника. Почкай тоже написал собственоручные показания: «Мне не помнится, что где-либо на собраниях, оперативных совещаниях, в письменных документах Смоленников делал заявления о фабрикации следственных дел в Сталинском горотделе НКВД. По крайней мере, в официальном порядке подобные заявления не рассматривались».

Почкай здесь откровенно лжет. Едва ли кто иной в Сталинском горотделе НКВД состряпал столько фиктивных дел, сколько Почкай и оперработники 3-го отделения, которыми он руководил.

Владимир Монtrimович, работник краевого УНКВД, после 1939 г. сам был судим, наказание отбыл, его отыскали в Кемерове: он работал инспектором по кадрам на кирпичном заводе. На допросе заявил, что свидетелей по делу Смоленникова допрашивал, «вокруг Смоленникова в горотделе сложилось мнение как о человеке, скатившемся во вражеский лагерь, по этой причине Ровинский, Почкай, Смирнов создали на него дело».

Анисим Молозовский откrestился вообще от всего: «троцкистские дела вело не мое отделение, а СПО, где начальником был Смирнов; никаких троцкистских разговоров Смоленников не вел, да и едва ли это было возможно; его арест и обвинение в связях с троцкистами было для меня полной неожиданностью...»

Дело на Смоленникова Евгения Алексеевича было прекращено 30

июля 1957 года Военной коллегией Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления, прежний приговор по его делу отменен.

Это определение еще застало Смоленникова в живых — он тогда работал у нас же, в Кузбассе, в Краснобродском стройуправлении, начальником производственно-технического отдела. Восемь лет лагерной жизни и последующая ссылка его не сломили и не согнули.

Дорого же ему обошлось сомнение в «гениальной прозорливости вождя»... Вот если бы не сверхбдительность Ровинского и Почкая, да если бы не их донос в УНКВД, да если бы не то свирепое партсобрание, да делал бы он то, что и Почкай, а то «липовать» дела не пожелал. Но тогда это был бы не Евгений Алексеевич Смоленников, а кто-то другой, и судьба у него была бы совсем иная.

Борис Антонов

ЗАГОВОР ДЕТЕЙ

Летом 35-го года в Москву приехал Ромен Роллан.

Сталин, придавая большое значение таким вояжам, охотно встречал именитых гостей. Во время беседы с Роменом Ролланом зашел разговор о репрессиях. Не каждый бы решился прикоснуться к ней, но свободолюбивый француз решился. Stalin высказал свою точку зрения, подчеркнув, что революцию в белых перчатках не делают.

Ромен Роллан — певец Великой Французской революции — вынужден был согласиться с этим, но мягко заметил, что на Западе с возмущением встретили весть о том, что в Советском Союзе принят закон о наказании детей, начиная с 12 лет. Детей по этому закону от 7 апреля 1935 года можно не только сажать, но и... казнить.

Сталин внимательноглянул на гуманиста, попытал своей знаменитой трубочкой, а затем не торопясь, словно обдумывая каждое слово, ответил:

— Да! Это невозможно объяснить на Западе. Вот так! Наши враги не знают устали. Они проникают повсюду, засыпая своих агентов в лоно семьи, церкви, заражают ненавистью женщин и детей. Факты говорят сами

за себя: не так давно нам стало известно, что несколько молодых женщин из дворянских семей смогли благополучно проникнуть в окружение руководителей партии с тем, чтобы их отравить...

Сталин не стал объяснять гостю, что он конкретно имеет в виду, но Москва была наполнена слухами о «кремлевском деле». Враги проникли в мозг страны — в Кремль, так стоит ли церемониться с ними?

... — С детьми обстоят дела еще хуже, — продолжал Stalin. — Повсюду возникают подпольные банды подростков человек по пятнадцать, объединяясь, они вооружаются ножами для того, чтобы убивать «ударников» — лучших мальчиков и девочек (и не по политическим мотивам, а просто за то, что те «ударники» — хорошие ученики). Их подстрекают взрослые, которым платят наши враги. И они убивают, насилиют девушек, заставляют становиться их проститутками, и все в таком роде... Нам понадобится два или три года, чтобы искоренить этих разбойников...

Ромен Роллан в своей книге-отчете о поездке в Советский Союз эту тему деликатно не развивал.

А жаль!

7 апреля 1935 года в нашей стране было принято Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». ...«Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в применении насилия, нанесении телесных повреждений,увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания...»

Постановление стало сигналом к действию. В считанные дни в Ленинске-Кузнецком все кутузки забили ревущими, материющимися благим матом детьми. Чумазый шахтерский городок обуял страх. Самыми популярными именами стали имена начальника горотдела милиции Лунькова, начальника 4-го отделения Савкина и оперуполномоченного Белоусова.

Бросились к и. о. прокурора Клиппу, который давал санкции на арест, но никакого толка не добились. Теплилась еще надежда на торжество справедливости: надо искать ее выше.

А по стране повели гладкие сказы об отважных пионерах. Один поезд от крушения спас. Другой хлебное поле от кулацкого огня. Третий на отца указал: враг народа! Враждами выглядели все, кто не мирился с новыми порядками, кто пытался защитить собственное «я», не желая растворяться в общей массе.

В тесные милиционские конторки-кабинеты заталкивали мальчишек и девчонок и, не дав им осмотреться, забрасывали вопросами:

— Когда и на кого вы готовили убийство?

— Кто научил затягивать гластуки на шее пионеров?

— Кто портил революционные лозунги?

— Кто срывал портреты кандидатов в депутаты?

— Кто пел похабную песню про Буденного?

Саше Курбатову — 14 лет. Не паймальчик. Мать, официантка в шахтерской столовой, с трудом справляется с сыном. Частенько в слезах приходит в школу, чтобы упросить учителей не выгонять сына. И учителя с глубоким вздохом, в очередной раз соглашаются еще повозиться с трудным учеником.

Курбатову 14, а Вите Логунову и того меньше — 10, а ему записали: «...состоял в контрреволюционной организации из учащейся молодежи и по ее заданию проводил контрреволюционную работу». Потом, правда, опомнились, смягчили формулировку: «...контрреволюционное преступление совершил, не придавая должного значения и как малолеток был вовлечен в состав организации под силой угроз...

За маловажность состава преступления дальнейшее производство следствия на гр-на Логунова прекратить и принятую меру пресечения под стражей отменить».

Освободив еще несколько малолеток, в том числе девочек, дело однако не закрыли. В справках на арест, написанных словно под копирку, — только фамилии разные — значилось: «...В феврале — марте 1938 г. Ленинским ГО НКВД вскрыта контрреволюционная фашистская организация, существовавшая преимущественно среди учащихся г. Ленинска.

В задачу этой контрреволюционной организации входило: распространение контрреволюционных листовок террористического характера, фашистских знаков, портретов врагов народа, в то же время уничтожение портретов вождей ВКП (б) и Советского государства...

Организация развернула широкую

работу по вовлечению в состав новых членов из среды молодежи, при этом терроризируя молодежь, лояльную к соввласти».

Первой группе арестованных вменялось в вину то, что они хотели сорвать праздник 1 Мая, срывали лозунги, рвали портреты вождей ВКП(б), избивали школьников за то, что те собирались идти на демонстрацию.

Великовозрастный Клюев-Балуев, один из создателей «контрреволюционной группы», так объяснял свое асоциальное поведение:

«...Находясь в лагерях и имея общение с заключенными за контрреволюционные преступления, последние в беседах со мной прививали мне ненависть к Советской власти и существующим порядкам, проводимым мероприятиям Советской властью и внедрили во мне ненависть против вождей партии и государства. Эта почти повседневная связь с антисоветским элементом, сидящим вместе со мной в лагерях, положила во мне контрреволюционные закривления, и я по выходе из лагерей встал на путь проведения антисоветской деятельности.

— Вы были уголовным преступником, почему же у вас появилась ненависть к советской власти и вражда к ее вождям?

— Я выше указывал, что отбывал два раза наказания за уголовные преступления..., и, имея общение с заключенными...»

Дальше все идет по кругу и невозможно ухватить ту первоначальную нить, которая бесконечно вьется, путая причины со следствием, а следствия с причинами.

Хулиганили не только дети. Еще больше хулиганили взрослые. По-своему. По самому большому счету.

В то время, когда детей пугали Савкин, Белоусов и Луньков, взрослые горячо выясняли отношения меж-

ду собой. На городском профсоюзном собрании учителя громили друг друга за политическую близорукость, за связь с классовым врагом, за клевету, за вредительскую работу, а в этих вопросах, как высказалась Соловьева, «лучше перегнуть палку, чем недогнуть». Больше всех попадало явным или потенциальным троцкистам.

Молодая учительница Эсфирь Борисовна Луговая гневно клеймила докладчика за то, что он сгладил в докладе все острые углы, нарисовал радужную картину успеваемости. А что делают с напрасно оклеветанными? Им продолжают не доверять. В общем, кругом очковтирательство и перестраховка чистейшей воды.

Пока учителя выясняли отношения, органы не дремали. Сначала поработала специальная бригада обкома ВКП(б), которая установила, что «Ленинский горОНО, возглавляемый врагом народа (Родин), извращал воспитательную работу, покровительствовал проискам враждебных элементов, пробравшихся в качестве директоров и учителей отдельных школ, пытавшихся развалить воспитательную работу детей-учащихся. Досуг детей-учащихся организован не был, борьба за школьную дисциплину в ряде школ не велась, школьная и пионерская общественность на борьбу с нарушителями дисциплины, отдельных случаев воровства и отдельных антисоветских проявлений мобилизованы не были. Этим воспользовались уголовно-бандитские и антисоветские элементы».

19 апреля 1938 года бюро Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП(б) обращается в областной комитет ВКП(б) с просьбой организовать в Ленинске показательный процесс над классовыми врагами, пытавшимися развалить воспитательную работу в школах.

Интересно подчеркнуть, что просьба

была адресована не правовым органам, а партийному комитету. В этом была своя логика: парторганы признавались высшим судом. Они призывали к бдительности и карали за ошибки. Попадало всем: тем, кто благодушествовал, и тем, кто рьяно боролся с ними.

Но так как постановления ЦК не были правовыми документами, то страну от них только трясло, и юристам трудно было сориентироваться в обстановке. Сегодня ругали за то, за что вчера хвалили и раздавали ордена. Дела пересматривались. Чаще всего такие передряги случались после смены «вождей» органов. А они частенько менялись. После Менжинского — Ягода. После Ягоды — Ежов. После Ежова — Берия. Каждая смена правителя карательных органов сопровождалась вакханалией террора. Старые кадры не только разгонялись, но и уничтожались физически.

Темная туча сгустилась над Ежовым в конце 38 года. Согласно газетному сообщению, его освободили от обязанностей наркома внутренних дел по его личной просьбе, но на местах заволновались: с таких постов по个人ному желанию не уходят. И — точно. Хотя в печати не было сообщений об аресте «зоркого сокола», Ежов вскоре исчез с политического горизонта. Мало — стали один за другим исчезать его ближайшие помощники, а также руководители карательных органов на местах. Не минула чаша сия и Новосибирск. Под арестом оказался сам начальник управления НКВД по Новосибирской области Г. Ф. Горбач и его заместители.

Дела, находящиеся в производстве, спешно пересматривались, так как возникли подозрения, что они специально фабриковались для того, чтобы опорочить славные органы НКВД.

Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп заволновались. Те, кто еще в апреле

признавались во вредительстве и политических выступлениях против Советской власти, вдруг стали отказываться от своих показаний и заявлять чёрт то что, вроде «...показания были у меня вынужденны, потому что заставляли стоять на ногах». А свидетельница Аникеева заявила: «Случаев срыва учениками плакатов, лозунгов и портретов вождей ВКП(б) и руководителей Советского правительства контрреволюционного содержания, равно как и фашистских знаков, я не наблюдала, и если это записано от моего имени в моих показаниях от 17 апреля 1938 г., то это не соответствует действительности и таких показаний я не давала. О том, что такие слухи были, я слышала со слов учителей».

Дело о контрреволюционном заговоре детей распадалось. За политикой просматривалось банальное хулиганство. Но всему в те времена давалась классовая оценка. Не ушли от нее и ленинск-кузнецкие пинкertonы. Накал страстей был так велик, что их тут же привлекли к суду.

Судили в Новосибирске. В Ленинске наскоро сколотили делегацию, послали в область.

— Во время суда, — вспоминает Эсфирь Борисовна Луговая, — Лунькова и его помощников охраняла милиция. Если бы их не охраняли, то живыми они не вышли бы из зала. Народ разорвал бы их.

Итак, суд.

21 февраля в газете «Советская Сибирь» появляется первый отчет из зала суда: «Вчера в 6 часов вечера в клубе имени Дзержинского Военный трибунал пограничных и внутренних войск Западно-Сибирского округа в открытом судебном заседании приступил к слушанию дела по обвинению бывших начальника Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Лунькова А. Г., начальника четвертого отделения то-

го же горотдела Савкина А. И. и оперуполномоченного горотдела НКВД Белоусова А. И. в преступлении, предусмотренном ст. 193-17, пункт «а» УК РСФСР, и бывшего и.о. прокурора Ленинска-Кузнецкого Клиппа Р. М. по ст. 109 УК РСФСР.

Обвиняемые Луньков, Савкин, Белоусов с провокационной целью, без всяких оснований производили аресты учащихся школ города, в том числе малолетних детей, обвиняя их в тягчайших контрреволюционных преступлениях. И. о. прокурора Ленинска-Кузнецка Клипп, даже не знакомясь с материалами обвинения, давал санкции на арест. Присутствующие только громко ахали: до чего дошли лягавые — детей в измене Родине обвинили!

Прокурор. Скажите, подсудимый Савкин, было или нет у вас достаточно данных, чтобы квалифицировать предъявленные детям обвинения как контрреволюционные?

Савкин. Мне кажется, такие данные были.

Прокурор. Тогда назовите факты, укажите людей, конкретных виновников, время — когда и где это было?

Савкин. Не помню.

Прокурор. Какие у вас были данные для того, чтобы в составленной вами справке выдвинуть обвинение 12-летнему В. Лагунову в том, что еще в 1935 году девятилетним мальчиком он занимался вербовочной деятельностью и руководил «антисоветской» организацией?

Савкин. Не помню, как могла втереться в составленный мной документ эта ошибка.

Прокурор. Чем объясняете вы, что первоначальное количество детей, допускавших, по вашему мнению, антисоветские проступки, было определено цифрой 60, а потом эта цифра

была доведена до 160? Не с потолка ли была взята эта цифра?

Савкин. Не помню. Вероятно, это машинистка опечатку сделала.

Прокурор. Отдавали ли вы себе отчет в том, что, предъявляя школьникам в возрасте 10—12 лет обвинения в тягчайших государственных преступлениях, вы тем самым клеветали на счастливую советскую детвору?

Савкин, видимо, понял, куда клонит прокурор, поэтому был вынужден выдавать из себя: «Только теперь мне стало ясно, что я поступил неправильно, грубо нарушил закон от 7 апреля 1935 года».

Одна за другой вставали на суде картины явного беззакония. Обычно мальчишки начинали откровенничать через несколько дней после ареста. Но были и такие, кто бравировал ответами.

— Вы состояли в контрреволюционной фашистской организации? — спрашивал мальчишку Белоусов.

— Признаю себя виновным, — отвечал тот, подбоченясь. — Я состоял в контрреволюционной фашистской террористической организации.

Белоусов довольно распивался в улыбке.

— Вы возглавляли группу?

— Признаю себя виновным. Я возглавлял группу.

— Вы свою вербовочную деятельность начали в 1935 году?

— Признаю себя виновным, — отвечал подследственный. — Я свою вербовочную деятельность начал в 1935 году.

Дети сидели в тюрьме вместе с откровенными бандитами, уголовниками и политическими. Можно только предполагать, чего они там наслышались и чему научились.

Белоусов спокойно рассказывает, как все происходило: «Я писал справки на арест детей. Писал я, придерживаясь «шапки» дела. А «шапку»

составляли Савкин и я — вдвоем. Когда я составлял обвинительное заключение, то моя «шапка» вошла туда. Производил допрос без педагогов и родителей».

Прокурор. А дети, скажем, мальчик К., понимали ваши вопросы?

Белоусов. Не понимали.

Прокурор. Были ли в деле материалы, которые бы давали возможность квалифицировать контрреволюционную террористическую повстанческую организацию?

Белоусов. Нет.

Прокурор. Вы знаете, что военная прокуратура прекратила это дело?

Белоусов. Прекрасно знаю.

Прокурор. Значит, дети сидели в тюрьме восемь месяцев напрасно?

Белоусов. А мне-то что!

Свидетели показали, что детям на допросах внушали мысль соглашаться с теми доводами, какие были уже сформулированы. При повторном рассмотрении дела осенью 38-го выявились нарушения. Дети отказались от подписанных ранее протоколов допроса. На вопрос: в чем выражалась их контрреволюционная деятельность, они отвечали: «А вот если Гришка Мишку ударил где-нибудь или толкнул его, или галстук пионерский потуже затянул — значит, мы состояли в организации». Явное хулиганство отделили от политики, но поскольку процесс был почти что показательным, военный прокурор Сибирского военного округа бригвоенюрист Лиховидов не преминул воспользоваться трибуной, чтобы проявить весь свой ораторский талант:

— ...Об этой провокации было известно Лунькову и Клиппу, но ни тот, ни другой не проявили себя политическими деятелями, бдительными, зоркими работниками. И тот и другой показали себя ротозеями, политичес-

кими шляпами. Клипп выполнял роль штамповщика, он санкционировал аресты детей, хотя не имел на это никаких оснований. Своими преступными действиями, грубо творя беззаконие и самоуправство, Клипп объективно способствовал врагам народа.

Подспудно, используя свое должностное положение, своими провокационными действиями пытались дискредитировать и запятнать героическое знамя нашей славной советской разведки. Они забыли о том, что это не удавалось и не удастся сделать никому и никогда. Наша партия, руководимая великим Сталиным, наши славные органы НКВД и прокуратуры не позволяют никому в какой-то степени опорочить работу наркомвнедельцев, работников прокуратуры. Всякий, кто пытается это делать, будет разоблачен и беспощадно наказан. Органы НКВД под боевым руководством партии и испытанного большевика-ленинца тов. Л. П. Берия разоблачили и будут впредь разоблачать врагов народа и их пособников и беспощадно их уничтожать. Пусть знают все, что указания великого Сталина — беспощадно вскрывать всякие недочеты, ошибки и извращения в нашей работе, критиковать всех работников, невзирая на лица, эти указания выполнялись и будут выполняться.

Э. Б. Луговая хорошо помнит, как встретили речь государственного обвинителя. На ура!

Лукьянова, Савкина, Белоусова и Клиппа наказали, но они ведь были рядовыми исполнителями, главные же — кремлевские — преступники остались в тени. Даже из этого дела они сумели получить выгоду, продемонстрировав народу свою справедливость и непримиримость к нарушителям закона. И народ верил в мудрых и добрых дядей из Кремля. Верил в самого главного из них — в Сталина.

А как не поверишь, если с толку был сбит даже такой мудрец, как Ромен Роллан. Не выстоял перед «обаянием» Сталина и Лион Фейхтвангер. Он написал книгу «Поездка в Москву 37-го года». Рисуя портрет Сталина, он бросил такой штрих: «Сталин, в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен... О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека, например, он

послал в Центральную Азию аэроплан с лекарствами, чтобы спасти умирающего ребенка, которого иначе не удалось бы спасти...».

В то время, когда «аэроплан с лекарствами», возможно, действительно летел в Центральную Азию (это—по-нашенски!), советские дети от души пели «Эх, хорошо в стране советской жить» и «Позабыт-позаброшен»...

Одна песня вдохновляла, другая—вышибала слезу.

Это тоже по-нашенски.

Н. Галкин

ЩЕГЛОВСКИЕ КУЛАКИ

В областном госархиве в фонде Кемеровского горисполкома (Р-18) сохранились два секретных документа ОГПУ, относящихся к 1930 году и адресованных председателю Щегловского горсовета Белоусову. Документы, уникальность которых очевидна, позволяют судить о том, что же из себя представляли в «год великого пе-

СССР
ОБЪЕДИНЕННОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ
СОВНАРКОМЕ СССР
КУЗНЕЦКИЙ
ОКРУЖНОЙ ОТДЕЛ
30 августа 1930 г.
№ 338

В Щегловском Окормложивотновод- союзе до последнего времени работал ГУРЕВИЧ Абрам Моисеевич, сын крупного купца 2-й гильдии г. Мариинска, обороты которого достигали полутора миллионов рублей в год (и который), кроме того, имел крупный кожзавод и другие предприятия.

Сам ГУРЕВИЧ с 1913 по 1915 гг. все время участвовал в торговых предприятиях отца, вел торговлю в г. Мариинске, с 1915 г. по 1918 г. занимал-

релома» т. н. «чуждые антисоветские и кулацкие элементы» из числа городского населения, в частности из числа жителей небольшого города и окружного центра Щегловска. Одновременно эти документы проливают дополнительный свет на облик тех, кто их составлял. Вот наиболее типичная судьба «чуждого элемента»:

Сов. Секретно. 2-ВК.
ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ГОРСОВЕТА
тov. БЕЛОУСОВУ

ся разъездной торговор-комиссионной деятельностью в городах Томске, Харбине и т. д.

Работая при соввласти в торговор-кооперативных организациях, являясь чуждым антисоветским элементом, ГУРЕВИЧ к работе относился недобросовестно—вредительски, имел связи со спекулянтами, нэпманами. Работая в 1923 г. в отделении Томского Сибгосторга, он умышленно сорвал пушные заготовки, не использовал

возможностей снятия пушнины на рынке силами агентуры, тем самым дал возможность заготовить много пушнины своему приятелю, еврею-спекулянту. В 1925 г., по службе в Щегловском отделении Сибгосторга ГУРЕВИЧ за срыв лимитных цен был привлечен к ответственности по 106 статье УК, но судом в уголовном порядке дело было прекращено, и возбуждено преследование в дисциплинарном порядке.

В 1926—1927 гг. в г. Томске ГУРЕВИЧ был вычищен по 2-й категории, лишен избирательных прав, но вследствии в правах был восстановлен.

Следует отметить, что ГУРЕВИЧ со всех организаций после непродолжительной службы увольнялся, но благодаря своей пронырливости, умению приспосабливаться к руководителям торгово-кооперативных организаций, широким связям и протекции снова устраивался на работу.

Начальник окротдела ОГПУ
Пом. уполномоченного
(Р-18, оп. 1, д. 255, л. 5).

На документе имеется резолюция председателя горсовета о включении Гуревича в списки лишенных права голоса. Судьба этого, скорее всего, немолодого уже человека была решена. Но Гуревич был, как говорится, одним из «бывших». А вот представи-

Объединенное
Государственное
Политическое управление
при СНК СССР
ПОЛНОМОЧНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ПО ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ КРАЮ
ЩЕГЛОВСКОЕ
ГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
8 декабря 1930 г.
№ 338

г. Щегловск, Трудовая ул.,
№ 54. Телефон—коммутатор ОГПУ

В 1928—1929 гг., работая в Барнаульском Животноводсоюзе, ГУРЕВИЧ сорвал сырьевые заготовки. После чего, боясь преследования и чистки, из Барнаула сбежал и устроился в Щегловском Окживотноводсоюзе, где также не проявил никакого руководства сырьевыми заготовителями, развел волокиту, забил низовку громадным количеством ничего не дающих циркуляров, в результате чего последние были сорваны.

Боясь преследования и чистки, он добился в июне месяце с. г. увольнения из Молживотноводсоюза.

Таким образом, на работе во всех организациях за все время ГУРЕВИЧ характеризуется как явно контрреволюционное лицо, не поддающееся исправлению, старающееся вредить советскому государству, а посему Окротдел ОГПУ считает необходимым лишить ГУРЕВИЧА избирательных прав, о чем следует поставить нас в известность.

(НОВАК)
(ПЛАНКИН)

тели зажиточного крестьянства, осевшие в городе, т. е. «кулаки», «кулаки» в той классической интерпретации, которая тогда была официально навязана стране. Теперь-то мы знаем цену подобным интерпретациям.

Сов. Секретно. З-ФМ

ПРЕД. ГОРСОВЕТА
тov. БЕЛОУСОВУ

Копия — Горкому ВКП(б)

Настоящим Щегловское Городдение ОГПУ сообщает, что в городе Щегловске по хлебозаготовкам остались недообложеными:

1. ЕЛЕСЕВ Николай Иванович; Красная ул., дом № 42. Имеет хозяйство: 2 лошади, 1 корову, овец 10 шт., машину-сенокосилку, конные грабли, молотилку, дом. В 1927—1928 гг. имел мельницу в деревне Пинигино, которую продал, взамен купил мельницу в деревне Можуха, сдал ее в аренду. Имеет он посева на своем отрубе 3 га, урожайность не меньше 90 пуд. с га, комиссией определено 70 пуд. Кроме того, последний имел посева 2,5 га на кабинетной земле, которая скрыта от обложения. ЕЛЕСЕВ сдал излишков хлеба только 80 пуд., тогда как он смог бы сдать не меньше 200 пудов.

2. МЕНЩИКОВ Константин Иванович; Щегловская ул., дом № 56. Член комиссии содействия хлебозаготовкам. Имеет посева около 5 га, урожайность не меньше 90 пуд.—сдал хлеба 100 пуд. Хозяйство имеет: 2 лошади, 2 коровы, быка, дом, сенокосилку, конные грабли, молотилку, которой он ежегодно молотил чужой хлеб..

3. ШИРЯЕВ Федор Романович; Красная ул., дом № 34. В 1927—1928 гг. имел батраков, эксплуатировал чужой труд. Имеет хозяйство — 2 лошади, подростка, 2 коровы, овец, машину-сенокосилку, конные грабли. Вывез излишков всего 60 пудов овсом, тогда как ему нужно было дать твердое задание.

4. ДОРОФЕЕВ Петр Иванович; Ленинградская ул. Посева имеет 3 га, урожайность 90 пуд. Кроме того, имел 1 десятину овса, посеянного с исполну, с которой намолотил 120 пуд. Комис-

сия его недообложила, определила низкую урожайность и совершило не учла овес, сеянный исполну. Хозяйство ДОРОФЕЕВА имеет 2 лошади, 2 коровы. Сам он до 1929 г. служил в Кредитном товариществе скопщиком сырья, откуда был вычищен по 1-й категории. В 1928—1929 гг. его жена занималась торговлей.

5. ЩЕГЛОВ Евлампий Агафонович; Красная ул., дом № 12. Имеет хозяйство: 3 лошади, 2 коровы, овец, машину-сенокосилку, конные грабли, дом, амбар, конюшню. Платит Е.С.Х.Н. на 1930—1931 гг. 21 руб., несмотря на то, что имел неземледельческие заработки, которые скрыл от обложения (имел постоянный двор). Последний в 1929 г. платил налогу 51 руб.

6. ЕФРЕМОВ Василий Федорович, город Щегловск. В 1929 г. был обложен индивидуально в 200 руб., а в 1930—1931 гг. избежал обложения тем, что сократил посев до 1 га, распродал постройку за 2500 руб. В настоящее время живет на квартире, имеет 1 лошадь, 1 корову. Точно также он этим избежал хлебного обложения. ЕФРЕМОВ сена накосил 6 стогов, около 900 пудов. Комиссия наложила на него 60 пудов.

7. ПОРВАЙНОВ; Щегловская ул., дом № 49. Приехал в Щегловск из Барабинска, привез молотилку с чугунным маховиком, сенокосилку. По приезде занимался барышничеством, покупал и перепродаив лошадей, одновременно занимаясь сельским хозяйством. В этот год ему было дано твердое задание в 24 центнера. Однако комиссия с него несколько центнеров сложила, несмотря на то, что он вполне мог бы это выполнить.

По всем фактам просьба сообщить Ваши мероприятия.

(Яновский)
(Петухов)
(Планкин)

Нач. Городдения ОГПУ
Уполномоченный ИНФО
Пом. Уполномоченного ИНФО

(Р-18, оп. 1, д. 255, л. 124).

И на этом документе рукою Белоусова выведено: «Надо организовать проверку этих фактов и дать им твердое задание».

Приведенные документы настолько

красноречивы, что не требуют особых комментариев. Не подлежит сомнению и то, какая печальная участь ожидала этих людей в последующие годы, годы массового террора и кровавых репрессий.

Е. Кривошеева,
Э. Тучельская

СУДЬБА ДЖОНА ТУЧЕЛЬСКОГО. АМЕРИКАНСКОГО ИНЖЕНЕРА, ГРАЖДАНИНА СССР

В декабре 1938 года в одной из тюремных больниц умер Иван Густавович Тучельский, американский инженер, гражданин советской страны. Даже в те годы, когда обвинения в «связи с врагами народа» не требовали особых доказательств, следователи не могли завершить «дело Тучельского» за «недоказуемостью представленного обвинения». Много лет спустя он был реабилитирован. Между 1938—80-ми годами, когда его дочь Эталь Ивановна Тучельская смогла узнать о его судьбе и ей были прочитаны несколько строчек о смерти отца, прошло полвека, целая человеческая жизнь, которую не пришлось полностью прожить Джону Тучельскому.

Мы никогда не знаем, что чувствовал этот человек, когда ему были брошены страшные слова «враг народа», ему, человеку, искренне верившему, что он друг этой страны, ее единомышленник.

Может быть, в трагические дни и часы своей жизни вспомнил он летний день в Нью-Йорке, когда он, 28-летний уроженец Детройта, пришел в небольшую комнату, где помещалось бюро Технической помощи Советской России. У себя в Детройте он работал

на заводе Форда, там, где уже много лет трудился его отец, выходец из Польши. Там, на заводе, он узнал, что в Нью-Йорке образовано бюро Технической помощи Советской России и оно приглашает инженеров и рабочих для работы в советской стране. Один из фордовских рабочих Г. С. Кальверт был к тому времени уже в Москве и вместе со своими единомышленниками обратился к В. И. Ленину с предложением о создании интернациональной промышленной колонии. Идея создания такой колонии вызвала поддержку и у Советского правительства и за рубежом. Мог ли не откликнуться на призыв инициатора создания колонии к иностранным рабочим и специалистам Джон Тучельский? Совсем молодым он вступил в социалистическую партию, а осенью 1919 года, когда из левых групп социалистического движения образовалась одна из коммунистических партий под руководством Ч. Рутенберга, вступил в ее ряды.

И вот он принимает такое естественное для себя решение — поехать в Советскую Россию, в Сибирь, где он, опытный электрик, может оказать помощь в восстановлении промышленности. В Сибирь, в Кузбасс, уже уе-

хали американские специалисты и рабочие. Он спешил оформить документы, чтобы выехать с очередной группой.

Четвертая группа американских рабочих, в составе которой отправлялся в Кузбасс Джон Тучельский, отплыла из Нью-Йоркского порта 22 июля 1922 года. Кто-то из колонистов запечатлел Джона Тучельского на палубе парохода «Роттердам». Рядом с ним Рут Кеннел¹, ее муж Ф. Кеннел, Франк Грунд². Здесь на пароходе он и познакомился с Рут Кеннел, одной из колонисток, чье имя потом станет известным в США как одного из корреспондентов журнала «Нация», а впоследствии и как секретаря-переводчика Т. Драйзера во время его путешествия по СССР. Это путешествие Р. Кеннел опишет позднее в одной из своих книг.

Дружба с Д. Тучельским тоже найдет отражение в одной из книг Р. Кеннел. Вернувшись из СССР в США, она изложит свои впечатления о пребывании в СССР в нескольких книгах. Одна из них «Товарищ Костыль».

Дружба с Джоном Тучельским сохранится на всем долгом пути. Они ехали через русские просторы, Урал, по необъятным сибирским землям. Здесь только что прошла опустошительная буря гражданской войны, и это чувствовалось на всем пути. Но самое тяжелое впечатление на молодую американку произвели не разрушенные мосты, не забитые вокзалы, не хаос на путях, а бездомные голодные дети. Может быть, тогда и родился замысел книги... А поезд шел

на восток. Рут вела дневник, и этот дневник, который она хранила всю жизнь, содержит пусть маленькие, но дорогие крупицы жизни Д. Тучельского. Его имя часто мелькает в ежедневных записях. Не мудрено. Он был одним из руководителей сложного хозяйства — эшелона с колонистами: четыре вагона, тридцать «теплушек». Колонисты везли с собой не только личные вещи, инструменты, но и трактора.

После Екатеринбурга советский представитель Никитин отправился в Надеждинск³, а ответственным за эшелон был назначен Тучельский.

Нелегкое это было дело. Поезд двигался медленно. Долгие стоянки на станциях, где стоило необыкновенного труда и настойчивости добиться отправки поезда. Вместе с переводчиком приходилось бежать на станцию, телеграфировать в Москву. Как все радовались, когда к эшелону подцепили побывавший в огне войны, с пулевыми пробоинами паровоз «Красная Звезда» и он повез их по сибирской земле.

Заботы и дела, казалось, не могли утомить молодого американца. Всегда веселый, энергичный, он был душой этого большого и сложного хозяйства. А для детей колонистов он стал настоящим другом. Особенно дружили с ним дети горного инженера из Пенсильвании А. Пирсона — Анна, Альфред и Гараец.

Но вот, наконец, Кемерово.

26 августа 1922 года на техническом Совете АИК «Кузбасс» решался вопрос о распределении вновь прибывших.

Джон Тучельский был направлен на электростанцию строящегося коксохимического завода. Вместе с основными рабочими местами колони-

¹ Рут Кеннел — американская колонистка, жила и работала в Кемерове, в 1927 году была секретарем-переводчиком Т. Драйзера во время его путешествия по СССР. Автор нескольких книг о своем пребывании в СССР.

² Ф. Ф. Грунд, американец, впоследствии работал на Кемеровском коксохимзаводе.

³ Предприятия этого города входили в состав АИК «Кузбасс».

стам дали и общественные обязанности. Джону поручили почетную должность мэра колонии.

Когда много лет спустя Р. Кеннел и жена одного из инициаторов создания АИК «Кузбасс» Г. Кальверта, Мелли Кальверт, начнут собирать материалы для книги об АИК «Кузбасс», они составят список известных им американских колонистов. В этом списке против фамилии Тучельского будет написано: «...прибыл в Кемерово с четвертой группой. Работал на электростанции на коксохимическом заводе в Кемерове. Коммунист... спроектировал и проводил проводку по Кемеровскому коксохимическому заводу...».

Дел у американского электрика хватало: завод готовился к пуску. А после трудового дня в мастерской-лаборатории он организовал что-то вроде курсов, где иностранцы вместе с местными рабочими учились осваивать азы электротехники, новое, что было известно Тучельскому (ведь он работал на известных заводах Форда и готовился завершить инженерное образование). Заодно учили и русский язык. Трудно было разграничить: где учителя, а где ученики.

После пуска электростанции Тучельский был одним из организаторов поездки в деревню Силино, которую аиковцы решили электрифицировать.

И еще одна «должность» была у Джона Тучельского — фотограф колонии. Не случайно среди материалов, собранных добровольными историографами колонии Р. Кеннел и М. Кальверт часто мелькает запись «Фото Тучельского». К Тучельскому тянулась и молодежь колонии. Среди детей колонистов была группа, которая называла себя комсомольцами. Устраивались соревнования, пикники. Один из таких дней запечатлен на любительской фотографии. На Лысой горе группа молодых аиков-

цев. В центре Тучельский. Таким, как на этой фотографии, он и останется в памяти колонистов: человеком, общение с которым доставляло радость взрослым и детям.

Таким опишет его и Рут Кеннел в своей книге. Черты Д. Тучельского она придаст одному из героев книги — Джеку Элисону. Вот несколько строк из этой книги: «...высокий, загорелый молодой человек с выпуклыми темными глазами, скрытыми роговыми очками, в брюках цвета хаки и высоких сапогах, мягким грациозным шагом подошел к Дэвиду Пламмеру»¹. Он рассказал ему, что «...во время гражданской войны адмирал Колчак захватил всю Сибирь и сделал Омск своей столицей. Потом красные выгнали его из Омска. Он отступил в Кемерово². Колчак и его штаб были расквартированы вот в этом каменном доме³. Из него руководил он своими войсками. Белые были на этой стороне реки, а красные на той. Здесь, в бараках, держали австрийских военнопленных. Это они построили каменный дом, контору, больницу — все три современные здания».

Современному читателю покажется, может быть, наивным этот исторический экскурс, но ценен он тем, что вносит новый штрих в биографию Тучельского — его интерес к событиям, которые уже становились историей.

В августе 1924 года, после того как был уже пущен коксохимический завод, обратился с просьбой разрешить ему поездку на родину. В Кемеровском областном архиве сохранился документ: «21.VIII.24. В отдел Управления Моссовета. Просьба визировать выезд в Америку бывшему нашему

¹ Его прообразом был сын инженера А. Пирсона.

² В Кемерове Колчак не был.

³ По-видимому, имелся в виду дом, где размещалось правление акционерного общества «Копикуз».

колонисту Тучельскому Джону, который проработал на Кемеровских предприятиях с августа 1922 года по август 1924 года и в настоящее время уезжает в Америку...

Свой отъезд Тучельский мотивировал необходимостью завершить образование. По свидетельству близких ему аиковцев, была еще одна причина отъезда: в Америке осталась невеста, и Джон надеялся возвратиться вместе с ней. А в том, что он вернется, у друзей не было сомнений.

И действительно, в 1925 году он вернулся в Кузбасс и вновь стал работать на Кемеровском коксохимическом заводе, заведя электростанцией.

Он вернулся один, но связь с близкими в Америке, с невестой сохранилась. Много лет спустя невеста Д. Тучельского прислала письмо А. И. Прейкшас¹. Она писала, что после отъезда в СССР Джон часто писал ей о жизни в Кемерове и почти всегда посыпал фотографии (может быть, они и сейчас хранятся где-то).

Шли дни, Тучельский увлеченно работал, строил планы на будущее. Но вскоре стало известно, что АИК «Кузбасс» прекращает свое существование. Для многих аиковцев, решивших работать в СССР, это оказалось серьезным испытанием. Предстояло принять решение: уехать или остаться. Д. Тучельский решил остаться. Некоторые из его друзей уже работали на стройках, заводах. Среди них был инженер Кул. Он работал в Ленинграде на одном из заводов. Туда и поехал Тучельский после ликвидации АИК. В 1927 году, работая в Ленинграде, он принял советское гражданство. В 1930 году, узнав о новом большом строительстве в Нижнем Новгороде, он уезжает и работает там.

Казалось, все складывается хорошо: была интересная работа, семья. К этому времени Иван Густавович (это имя закрепилось за ним) женился на русской девушке, родились трое дочерей. Но наступали темные дни. Они не обошли и Тучельского. Неизбежная беда пришла. 1 декабря 1937 года на собрании парторганизации завода И. Г. Тучельский был исключен из партии. Мотивировка, была стереотипная: «...за близкую связь с врагами народа и скрытие этой связи от парторганизации, за выступление в защиту врагов народа Арнольда и Внука.., неискренность перед парторганизацией». Это решение было утверждено через две недели бюро Дзержинского РК ВКП(б).

В январе 1938 года И. Г. Тучельский был арестован. Следствие длилось почти целый год. Тучельский отрицал все обвинения. Но после очередного допроса «признался» (теперь мы знаем, какой ценой выколачивались эти признания). 16 декабря 1938 года после очередного допроса он умер в тюремной больнице... Через пять дней дело было прекращено «за недоказанностью обвинения».

Только в 1959 году по запросу семьи было сообщено о реабилитации И. Г. Тучельского... Так сошлись пути дочери колониста и историка. Мы побывали там, где работал молодой, полный планов американский инженер, приехавший помочь Советской России, посетили музей коксохимического завода (где лишь несколько слов об АИК и ни одного о Д. Тучельском), прошлись вокруг зданий АИК «Кузбасс», где зарождалось новое промышленное предприятие и где вот уже много лет собираются создать музей. А в архиве нам повезло: вот они страницы, на которых имя колониста Джона Тучельского... Поиск начат, сделаны первые шаги в восстановлении памяти о человеке.

¹ Дочь колониста из США, живет в Днепропетровске.

«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»

БУДЕМ ПОМНИТЬ О НАШИХ ЗЕМЛЯКАХ,
КТОРЫЕ НЕ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ АФГАНИСТАНА.
ВОТ ИХ ИМЕНА:

1980 год

Мл. сержант СИНИЦА Владимир Григорьевич, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой СИМБИРСКИЙ Валерий Владимирович, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Капитан КУЗНЕЦОВ Юрий Григорьевич. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант ШОРНИКОВ Николай Анатольевич, 1953 г. рождения. Герой Советского Союза.

Майор НЕТЕСОВ Александр Павлович, 1947 г. рождения.

Рядовой ПОБЕРЕЖНЫЙ Влади-

мир Митрофанович, 1960 г. рождения.

Рядовой ШЕПТАЛИН Александр Григорьевич, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Сержант БУТКЕЕВ Николай Дмитриевич, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ефрейтор ЛУЗИН Валентин Иванович, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Сержант КИРИЛЛОВ Александр Сергеевич, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

1981 год

Рядовой МОХОТКИН Александр Николаевич, 1961 г. рождения.

Прaporщик НОЖНИКОВ Леонид Александрович, 1954 г. рождения.

Сержант ХАРИТОНОВ Александр Николаевич, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЕНИН Георгий Николаевич, 1962 г. рождения.

Рядовой БОРОДИН Сергей Леонидович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант АКУЛОВ Павел Иванович, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой СТОШКОВ Евгений Юрьевич, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой МАЛЮГИН Владимир Алексеевич, 1962 г. рождения. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Ефрейтор КАРЕТНИКОВ Александр Митрофанович, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант КОНОШЕНКО Петр Дмитриевич, 1958 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант АЛЕКСАНДРОВ Виктор Петрович, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой АЧИМОВ Олег Евгеньевич, 1960 г. рождения. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Рядовой НОЖНИКОВ Леонид Александрович, 1954 г. рождения.

1982 год

Рядовой СПАСИБИН Алексей Иванович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой БАГАЕВ Павел Валентинович, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Прапорщик АФОНАСОВ Владимир Владимирович, 1958 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант ПАНФИЛОВ Герман Евгеньевич, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант ИШМЕЕВ Игорь Николаевич, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Рядовой ТУБОЛЬЦЕВ Александр Михайлович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЛОПАРЕВ Андрей Викторович, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ефрейтор ВАГАНОВ Михаил Васильевич, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Сержант ЛУЖБИН Андрей Васильевич, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Прапорщик ЮРОВ Николай Иванович, 1957 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Сержант БАЙМЛЕР Сергей Владимирович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ТРОНЕНКО Николай Владимирович, 1961 г. рождения.

Мл. сержант КОПОСОВ Игорь Геннадьевич, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЧЕРДАНЦЕВ Владимир Анатольевич, 1961 г. рождения.

Рядовой ИВАНОВ Сергей Викторович, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой САЛАХОВ Тагир Габделхамитович, 1963 г. рождения.

Лейтенант ТАБУНОВ Олег Викторович, 1961 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

1983 год

Лейтенант ТАРАСОВ Виталий Егорович, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Сержант УШАКОВ Владимир Александрович, 1962 г. рождения.

Рядовой КАМНЕВ Владимир Викторович, 1964 г. рождения.

Александрович, 1963 г. рождения.

Капитан АНТИПОВ Александр Иванович, 1954 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант РАЩУПКИН Игорь Николаевич, 1961 г. рождения. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

1984 год

Лейтенант ВЕДЕНИН Сергей Владимирович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Мл. сержант НЕКРАСОВ Геннадий Николаевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

вич, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант КОЗЛОВ Евгений Борисович, 1959 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант РОМАНЦОВ Валерий Николаевич, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КУЗЬМИН Андрей Петрович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ТИМОФЕЕВ Андрей Александрович, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой УТКИН Александр Владимирович, 1964 г. рождения.

Рядовой ЩЕРБАТЫХ Сергей Сергеевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ефрейтор НИКИТЕНКО Игорь Анатольевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой НАЗАРЕНКО Александр

Николаевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант ҚАРАВАЕВ Сергей Анатольевич, 1964 г. рождения. Награжден медалью «За отвагу».

Рядовой ХАБИБУЛИН Гумар Фаттахутдинович, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЕГОРОВ Юрий Петрович, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой БЕЛОГОРОДЦЕВ Виктор Алексеевич, 1965 г. рождения.

Рядовой ТИМЕРГАЛИЕВ Равиль Кашафетдинович, 1962 г. рождения.

1985 год

Рядовой ПРЯХИН Вадим Петрович, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЖИЛИН Евгений Николаевич, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой СТРЕЛЬНИЦКИЙ Виктор Анатольевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КОМОГОРОВ Петр Филиппович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ХОМЯКОВ Валерий Васильевич, 1966 г. рождения.

Сержант ТОПОРОВСКИЙ Михаил Юрьевич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой АМЕЛИЧКИН Юрий Владимирович, 1964 г. рождения.

Прапорщик САРЫЧЕВ Павел Геннадьевич, 1961 г. рождения.

Рядовой РЫБАКОВ Вадим Витальевич, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КИСЕЛЕВ Виктор Владимирович, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ефрейтор КРАВЧЕНКО Александр Иванович, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант НЕВЕРОВ Юрий Владимирович, 1960 г. рождения, награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЖЕЛАЕВСКИЙ Юрий Викторович, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Прапорщик БОНДАРЬ Евгений Ростиславович, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ТРОПИН Григорий Дмитриевич, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант КУСУРГАШЕВ Игорь Борисович, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ЧЕРНОВ Сергей Витальевич, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Лейтенант ЯКОВЛЕВ Александр Викторович, 1962 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ефрейтор ЧУЛКОВ Игорь Владимиrowич, 1964 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Сержант НАГОРНЫЙ Николай Васильевич, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ПАКСИН Анатолий Семенович, 1966 г. рождения. Награжден

орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

1986 год

Сержант ЕНА Андрей Васильевич, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КИЯМОВ Изиль Газисович, 1965 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой БЕЗСОНОВ Александр Борисович, 1965 г. рождения.

Рядовой ГЕРАСЬКИН Валерий Николаевич, 1967 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант ГРЕКОВ Петр Валентинович, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой ТЕРЕНТЬЕВ Сергей Алексеевич, 1964 г. рождения.

Рядовой МЕШАЛКИН Николай Николаевич, 1965 г. рождения.

Капитан ПОЛЕТАЕВ Евгений Васильевич, 1960 г. рождения. Награж-

ден орденом Красной Звезды, боевого Красного Знамени.

Рядовой ЧЕРВОВ Александр Михайлович, 1967 г. рождения.

Рядовой ИВАНОВ Владимир Владимирович, 1968 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КУШАКОВ Александр Михайлович, 1966 г. рождения.

Ст. лейтенант ГОЛДОБИН Михаил Вячеславович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Рядовой МАСЛОБОЕВ Сергей Витальевич, 1968 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант СТАРОДУБ Евгений Иванович, 1960 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

1987 год

Рядовой СИДОРЮК Александр Викторович, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Майор КОЛОКОЛЬЦЕВ Николай Николаевич, 1953 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант ПОГОЖЕВ Евгений Васильевич, 1967 г. рождения.

Прапорщик НЕЧАЕВ Олег Евгеньевич, 1955 г. рождения.

Рядовой ВОЛКОВ Вячеслав Анатольевич, 1967 г. рождения.

Капитан ПАРТИЦКИЙ Юрий Константинович, 1956 г. рождения. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Рядовой НЕСТЕРОВ Олег Иванович, 1967 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант ЗАМАРУЕВ Олег Иванович, 1967 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, ме-

далью «За боевые заслуги».

Мл. сержант КРЕМЛЕВ Евгений Анатольевич, 1967 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Рядовой ПЕЧОНКИН Геннадий Васильевич, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Мл. сержант КУРИЛОВИЧ Евгений Эдвардович, 1966 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Рядовой СИБИРЯКОВ Сергей Владимирович, 1968 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Ст. лейтенант СОБОЛЕВ Андрей Владимирович, 1963 г. рождения. Награжден орденом Красной Звезды.

Рядовой КАЙГОРОДОВ Максим Юрьевич, 1969 г. рождения.

Рядовой КАЛИНИЧЕНКО Олег Николаевич, 1968 г. рождения.

1988 год

Ефрейтор ИВАНОВ Вадим Влади-
мирович, 1969 г. рождения. Награж-
ден орденом Красной Звезды.

Рядовой ИЗУПОВ Александр Ген-
надьевич, 1968 г. рождения.

Капитан ДОДОЛИН Валерий Пав-
лович, 1953 г. рождения. Награжден
орденом Красной Звезды.

Рядовой УЛАГАШЕВ Юрий Ми-
хайлович, 1969 г. рождения.

1989 год

Лейтенант КРОХА Павел Борисо-
вич, 1966 г. рождения.

Капитан ШИШКИН Олег Юрьевич,
1957 г. рождения. Награжден орде-
ном Красной Звезды.

Мл. сержант МАЛЫШ Сергей Ге-

оргиевич, 1967 г. рождения. Награж-
ден медалью «За отвагу», орденом
Красной Звезды.

Капитан ПАХИРКО Евгений Викто-
рович, 1958 г. рождения. Награжден
орденом Красной Звезды.

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Ю. Зюзьков

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МОТИВЫ В АРХИТЕКТУРЕ КЕМЕРОВА

В традициях архитектуры каждого народа, наряду с местными национальными особенностями, содержатся те или иные черты, уходящие корнями в архитектуру других народов. В Европе начала XX века можно выделить четыре основных центра, оказавших наибольшее влияние на развитие новой архитектуры — Францию, Голландию, Нидерланды и Советский Союз.

Историки во многих странах ведут исследования, связанные с выявлением и анализом истоков, этапов и тенденций развития новой архитектуры. В связи с этим тщательно исследуются те творческие течения и школы, которые внесли значительный вклад в архитектуру XX века в период формирования ее основных творческих принципов.

Строительные объекты 20-х годов, созданные за рубежом, пользуются у советских архитекторов признанием как художественно полноценные произведения. К сожалению, большинство построек тех лет в нашей стране находятся в таком состоянии, что восприятие их художественных достоинств крайне затруднительно.

Интересные здания (нередко с выдающимися художественными достоинствами) возводились в нашей стране в 20-е годы не из вечных материалов. Вскоре многие постройки приходили в аварийное состояние и имели малопривлекательный облик. Хотя

это и не относилось к художественным достоинствам здания, заложенным в его проекте, но в то же время не могло не отразиться на оценке архитектуры тех лет широкими слоями населения. Это была подлинная трагедия молодой советской архитектуры. Никогда в истории архитектуры не возникало такой ситуации, чтобы художественные достоинства значительного новаторского направления оказались дискредитированными в результате несовершенства строительной техники. Многие зарубежные архитекторы учитывают это обстоятельство.

Можно привести слова бельгийского архитектора М. Фредо, который, вспоминая о работах советских архитекторов тех лет, говорил, что «в этих работах решались крупные социальные задачи, однако в них не были и не могли быть решены в то время необходимые эстетические проблемы: из-за технических ограничений, слабости строительной индустрии, отсутствия материалов. Сооружения часто реализовались как бы в макетах — штукатурка имитировала бетон, эффектную стену — экран и т. д. Все-го несколько лет понадобилось, чтобы фасады сбросили штукатурку»... Выполненные тем же макетным способом, но сохранившиеся длительное время сооружения во многом дискредитируют и своих авторов и творческое направление в целом.

Эти выдержки из работы Хан-Магомедова С. О. как нельзя лучше иллюстрируют состояние гражданских сооружений на Красной Горке в г. Кемерово.

Говоря о стилистической новизне застройки промышленной и гражданской, следует сказать, что ее «завезли» в Кузбасс концессионеры Копикуза и зарубежные специалисты из Голландии, Америки и др. стран, которые работали здесь на строительстве коксохимического завода и других предприятий и сооружений в начале XX века. Изучение архитектуры последующих периодов в городах Кузбасса говорит о том, что влияние этой архитектуры сказывалось до начала 40-х годов.

В настоящее время, однако, даже специалистам по архитектуре вопросы выявления этих зданий и сооружений не представляют интереса, поскольку время наложило на них отпечаток разрушения и заброшенности, сделало их обыкновенными, где стилистическая новизна читается с большим трудом и открывается лишь при внимательном изучении памятников того периода.

В 1912 году с разрешения министра царского двора группа капиталистов, организованная тайным советником Треповым и статским советником Хрулевым, получила право на эксплуатацию недр Кузбасса. Было организовано акционерное общество, получившее название «Акционерная компания Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов». Фактическими владельцами Копикуза были не Трепов и не Хрулев, а иностранные банки. До войны (1914 г.) основными пайщиками Копикуза и фактическими владельцами его были два конкурировавших иностранных капитала — германский и

французский. Мировая война внесла изменения в распределение акций Копикуза. Решающее слово стало принадлежать франко-бельгийскому капиталу.

В годы войны акционеры приступили к постройке коксовых печей и химического завода в Кемерове (Щегловск): для войны нужны были отходы коксования — химические продукты; царское правительство в 1916 году с согласия Государственной думы ассигновало Копикузу на эти цели 20 млн. рублей.

Работы на Кемеровском руднике ожivились после получения Копикузом крупного аванса на постройку химического завода.

В 1916 году была заложена шахта «Центральная». Для доставки угля с шахты «Центральная» к коксовым печам была построена подвесная канатная дорога через р. Томь.

В это время началось и развитие Среднего Кузбасса. Копикуз заложил в тот период Кемеровский и Кольчугинский рудники и построил железнодорожную ветку Юрга — Кольчугино с ответвлением Топки — Щегловск. На правом берегу Томи было заложено 3 каменных здания: дом управляющего Кольчугинским и Кемеровским рудниками Федоровича.

На химическом заводе в Кемерове были построены цех мехмастерской, водокачки, конторы, парокотельной, дробильного отделения, рекуперации и др. Эти цехи сохранились до сих пор, однако они уже более 10 лет заброшены. Первого взгляда на внешний облик этих цехов достаточно, чтобы заключить, что они имеют яркий художественный облик. Просты и функциональны, цельные стилистически, выполнены добротно и красиво. Это стиль начала XX века, на который повлиял модерн, развившийся в это время в Европе. Во Франции и

Германии и Бельгии этим стилем увлекались многие архитекторы.

В этих сооружениях впервые в городе Кемерово применен новый для начала XX века материал — железобетон. Следует сказать, что за 75 лет существования сооружений они не только не разрушились, но и сохранили запас прочности, там где не действовали на них химические вещества и высокие температуры.

Здание углеподготовки — одно из лучших сооружений из железобетона — настоящий памятник архитектуры и строительного искусства. Возведенное в 1915—1916 годах, оно до сих пор величественно и изящно. К сожалению, функционально не используемое несколько лет здание не оберегается и приходит в запустение. Еще печальней судьба шахты «Центральная». Ее величественные развалины вызывают сострадание: обрушившиеся участки стен, оголившиеся железобетонные конструкции перекрытий, выполненные прочно и изящно. А ведь это первые постройки из камня и первые промышленные постройки в Кемерове.

То, что мы знаем о первых промышленных сооружениях в области, все, что сохранилось, заслуживает бережного сохранения.

В 1917 году после февральской революции строительство коксохимического завода прекратилось. Территория завода и шахт заросла бурьяном. Строительство возобновилось только в 1921 году, когда идея объединения Урала и Кузбасса в единый хозяйственный механизм была взята под контроль Советом Труда и Обороны. 18 мая 1921 года СТО рассмотрел вопрос о важнейших стройках и работах в Кузбассе. 26 ноября 1921 года В. И. Ленин подписал окончательное решение договора с организационной группой американских рабочих, по которому Автомобильной Индустриаль-

ной Колонии были предоставлены Кемеровский рудник с коксовыми печами, хим заводом, кирпичным и лесопильным заводом, Порывайка, Мазуровские, Ишановские, Алтайские копи, два кирпичных и один кожевенный заводы и одна сапожная мастерская в г. Томске, 10 тыс. десятин земли в районе Кемерова и Надеждинский завод на Урале.

Центром деятельности АИК был выбран Щегловск. Здесь находились шахты, железнодорожная линия, река. Здесь было начато строительство химического завода.

В то время территория современного города Кемерово представляла собой сеть разрозненных поселений. На левом берегу реки Томи в устье Искитимки находилось село Щегловское, ниже по Томи возвышалась начатая стройка коксохимзавода, окруженная поселениями рабочих, напротив на правом берегу находилась деревня Кемерово, с восточной стороны которой располагались разведывательные скважины и шахты, в том числе шахта Диагональная. Самой крупной считалась шахта «Центральная», она находилась в удалении от берега и сообщалась с коксохим заводом канатной дорогой. Шахта «Центральная» и коксохим завод были наследством акционерного общества «Копикуз» и представляли собой основу, на которой можно было начать развитие коксохимической промышленности Кузбасса. Место проживания аиковцев было выбрано там, где управляющий Копикузом Федорович построил себе дом.

Зеленый массив соснового бора, крутой обрыв реки создавали живописный вид и благоприятные условия проживания. Кроме того, это было место, почти равноудаленное от шахт и коксохим завода. Позже иностранные рабочие строили жилье и в непосредственной близости от химза-

вода и шахты «Центральная», создавая свои общественные центры в виде народных домов, школ и т. д. Однако центр общественной жизни колонии оставался на территории Красной Горки. Здесь члены АИК построили дом-коммуну, школу (ныне ОРС «Кемеровоуголь»), здесь они организовали сельскохозяйственную ферму.

Увеличился приток населения в город. По данным переписи 1926 г. в Щегловске проживало 10 841 человек, в деревне Кемерово и Рудничном поселке — 7204, на станции Кемерово — 235 и на нижней колонии (вокруг строящегося химзавода) — 3446 чел. Всего 21 726 чел.

Хотя Щегловск и назывался городом (статус города был получен в 1918 году), да еще окружным центром, все его коммунальное хозяйство состояло из кирпичного завода, механической и колбасной мастерских, скотобойни, дома приезжих, электросети и бани на 25 человек. Город был деревянным. Самым большим зданием являлся Народный дом. Первые каменные здания на левом берегу: окружная больница, Дворец Труда, отделение государственного банка и дома жилищно-кооперативного товарищества «Искра» построены в 1927 году. Наиболее обжитой частью возле коксохимического завода являлась Нижняя Колония. Здесь был небольшой сад, посредине которого стояло низенькое длинное деревянное здание рабочего клуба. В то время сад коксохимического завода служил единственным местом отдыха.

Промышленное строительство тесно связано со строительством жилья. Реальное воплощение такого рода строительства находит в эти годы во многих типах построек. Жилья коллективного: дом-коммуна на 200 человек с общественной столовой; много квартирные дома для рабочих — по ул. 1-й Сосновой, Абызова, 12, 4, ин-

дивидуальные жилые дома для рабочих и инженеров. С верховьев Томи было заготовлено и сплавлено 50 тысяч бревен строевого леса. Видимо, большая часть этого леса была использована для строительства жилья.

Над реализацией этих планов в Кемерове трудились голландские рабочие и специалисты.

В 1925 г. С. Рутгерс пригласил известного голландского архитектора Ван Логхема работать в Кемерове.

Ван Логхем, тесно связанный с лидерами движения «Де Стиль», построивший несколько крупных зданий в Амстердаме и Роттердаме, принял предложение и заключил специальный контракт, по которому он дважды приезжал в Сибирь для работы над схемами планировки и расположения промышленных объектов Кемерова, Прокопьевска, Гурьевска, Кузнецка, Кольчугина, а также проектировал жилые и гражданские здания.

Градостроительная программа Ван Логхема не была полностью осуществлена. Однако по его проектам были построены многочисленные жилые здания, школа с водонапорной башней, баня, пожарная, здание кооператива с магазинами, рудоуправление и др. сооружения. При проектировании и строительстве этих объектов голландский архитектор очень внимательно анализировал местные условия — экономические, климатические, традиционные методы строительства, уровень строительной техники, оставаясь на принципах нового стилевого направления, распространенного в это время в Голландии. Группа «Де Стиль» зародилась в начале XX века, основателями были художник Пит Мондриан, Тео Ван Дусбург. В 1918 году был обнародован первый манифест этого объединения, которое наряду с советскими конструктивистами, оказывало в 20-е годы большое влияние на развитие искусства и ар-

хитектуры Брута. Сторонники группы «Де Стиль» считали, что новые формы архитектуры должны зависеть не только от новых конструкций и материалов, но и от нового восприятия жизни. По их мнению, новый творческий элемент архитектуры — это функция, т. е. синтез практических требований, определенных в ясном четком плане (масса, цвет, свет, материалы, время, пространство и т. д.). По своим чисто формально эстетическим установкам «Де Стиль» является антитезой модерна и его последующих ответвлений. В области композиции — это обоснованное равновесие неравных, но равновеликих частей в противоположность произвольной асимметрии модерна. В области формы — прямоугольные пересечения объемов, плоскостей и прямых линий вместо извивающихся линий модерна. В области цвета — отказ от изобразительных росписей и использование основных чистых цветов — синего, желтого и красного и отсутствия цвета — белый, серый, черный вместо блеклых, неопределеннотусклых тонов. Некоторые из формально эстетических предложений архитекторов группы «Де Стиль», непосредственно вытекавшие из возможностей современных строительных материалов, в настоящее время стали азбучной истиной и основой функциональной архитектуры.

Анализируя здания, выполненные Ван Логхемом в Кемерове, видим, что он не отходил от принципов, заложенных группой «Де Стиль». Его жилые дома для рабочих по ул. Красная Горка, 19 и 24 — яркий тому пример. Небольшая ширина (9 м) и значительная длина более 20 м образуют простой прямоугольник с глухой торцевой стеной и ровной гладью стен, с прямоугольными проемами окон и дверей. Каждая квартира имеет выход во двор и на придомовый участок.

Окна второго этажа выходят во двор за пределами кровли, создавая на кровле дополнительный четкий объем, ритмически повторенный несколько раз вместе с объемом дымовой и вентиляционной трубы. Налицо сочетание объемов, которое делает дом композиционно интересным. Жители города, которые помнят эти дома новыми, отмечают, что они были оштукатурены и окрашены в яркий оранжевый цвет. И много лет они окрашивались именно этим цветом.

К сожалению, несколько последних десятилетий изменили внешний облик этих домов. Забыты не только эстетические принципы архитекторов, но и элементарные правила эксплуатации.

Очень интересны дома по улице Абызова, 11—12-квартирные, однэтажные жилые дома посемейного заселения. Уже тогда были поиски не только функциональной и очень экономичной архитектуры, но и новых форм жизни семьи. Идея города-сада (каждая квартира имела небольшой участок для отдыха с цветником и деревьями) проявилась в этих домах самым ярким образом. Идеи, развитые в Европе, пришли в Кузбасс.

Еще ярче композиционная яркость и четкость проявились в зданиях, построенных Ван Логхемом из дерева. Новый материал, который он вынужден был принять как основной, — древесина — дал ему еще больше смелости в реализации принципов группы «Де Стиль». Им выполнено несколько зданий, ярких по образам и стилевым решениям. Это два многоквартирных жилых дома по ул. 1-я Сосновая, школа по ул. Абызова, магазин и пожарная по ул. Суворова, двухквартирный коттедж по ул. Красная Горка, 26. Все здесь говорит о следовании принципам новой архитектуры начала XX века.

О влиянии планировочных и проектных работ Ван Логхема можно

узнать из газет того времени. «Кузбасс» 23 декабря 1927 года сообщает: «В нынешнем операционном году предполагается провести первые работы деревоусадебий в Щегловске. Для устройства парков и бульваров из общей площади города отведено 126 460 квадратных метров. Щегловск, запроектированный по типу сад-города, украсится деревьями. В 1928 году летом предположено насадить 12,646 га, т. е. целиком отведенную для деревоусадебий площадь...»

В этой же газете еще одна заметка рассказывает, что в будущем строительном сезоне в центре Щегловска предполагается построить 3600 кв. метров каменных построек... улицы замостят булыжником и каменным

тычком на песчаном слое. Намечено построить в Щегловске три и в Ленинске полтора километра асфальтовых и цементных тротуаров.

Планировочная структура района Красной Горки — лучевая сетка улиц, расположение центра шахты, больницы говорит, что архитектором были взяты принципы города-сада, которые были известны уже в Европе и были «привезены» в Россию. Эти принципы вскоре будут основными в планировке многих городов России, в том числе Сибири и Кузбасса. Они найдут воплощение в первом генеральном плане города Кемерово, составленном Эрнстом Маэм в 1929 году.

А. Берлин

НАШ ДРУГ МАКС ГЕЛЬЦ

В 1938 году меня, студента, принимали в комсомол. Один из вопросов был о Максе Гельце.

Прошло почти полвека. Работал я в филиале областного государственного архива. И неожиданно встречаю в алфавитной карточке знакомое имя: Макс Гельц. С волнением просматриваю новокузнецкую городскую газету «Большевистская сталь». 4 января 1932 года в ней появилась заметка: «На площадку Кузнецкстроя приехал член Компартии Германии, бывший руководитель партизанских отрядов в Германии в 1918—1923 годах Макс Гельц».

10 января того же года газета сообщила, что открылась первая городская партийная конференция. Членом ее президиума избран Макс Гельц.

Кто такой Макс Гельц? Как он оказался в Советском Союзе, в Новокузнецке?

Сегодня мы многое знаем «о немец-

ком Чапаеве» (так его называли в нашей стране).

Большая Советская Энциклопедия (III изд., М., 1971) сообщает, что родился он 14 октября 1889 года в семье рабочего, рано стал работать сам. Он автор трех книг: «Жизнь — борьба», Ленинград, 1929 год и «От белого креста к Красному Знамени», Москва, «Земля и фабрика», 1930 г. В них Макс Гельц рассказывает о proletарской революции в Германии, анализирует ошибки и заблуждения ряда участников восстания, которые, по его мнению, привели к крушению первого вооруженного революционного выступления рабочих.

Когда в 1918 году он вернулся с фронта в свой родной Фогтланд — сразу же организовал Совет рабочих и солдатских депутатов. Весной 1919 года Гельц основал группу Коммунистической партии Германии, формирует отряды Красной гвардии. Красно-

гвардейцы поддерживали революционный порядок в Фогтланде.

В конце марта 1920 года родилась Баварская советская республика.

Авторитет Гельца в Германии вырос до такой степени, что в одной из народных песен поется о том, что Макс Гельц промчался на красном коне в Минден со своим войском, хотя к событиям в Баварской советской республике он отношения не имел.

В марте 1921 года он вместе с Белой Куном руководил Среднегерманским восстанием. За его голову жандармерией было назначено 55 000 марок.

В 1921 году третий год успешно работал Коммунистический Интернационал. Мартовское восстание горячо обсуждали и в Коминтерне. 1 июля 1921 г. на III Конгрессе Коминтерна В. И. Ленин произнес речь в защиту тактики коммунистического интернационала. (В. И. Ленин, ПСС, т. 44, с. 28). Ильич говорил, что «все же мартовское выступление является большим шагом вперед, несмотря на ошибки его руководителей. Но это ничего не значит. Сотни тысяч рабочих героически боролись... Мы должны сказать то же, что сказал тов. Радек в одной статье относительно Гельца. Если кто-нибудь, хотя бы анархист, героически борется с буржуазией, то это, конечно, большое дело, но если сотни тысяч борются с гнусной провокацией социал-предателей и буржуазией, то это настоящий шаг вперед». Так высоко оценил В. И. Ленин революционное выступление рабочих Средней Германии и вождя восстания — Гельца.

В этом же 44 томе ПСС В. И. Ленина указано, что в марте 1921 года Макс Гельц был приговорен к пожизненному заключению... Семь лет пробыл Макс Гельц в одиночной камере.

Журналист Эгон Эрвин Киш со-

брал тюремные письма Гельца, приложил к ним призыв к борьбе за его освобождение и издал в виде книги. Среди 164 подписей под этим призывом стоят фамилии Г. Манна, Т. Манна, Л. Фейхтвангера, Кете Кольвиц, Э. Ласкера, А. Энштейна. Советский журналист М. Кольцов сумел пробраться в тюрьму, где беседовал с Гельцем.

С 1925 года ЦК КПГ возглавил товарищ Эрнст Тельман, который хорошо знал Макса Гельца. В 1928 году кампания за освобождение Гельца, активно поддержанная Страной Советов, завершилась победой. Гельц вышел на свободу. Советские люди тепло встретили Макса Гельца.

В журнале «Аврора» № 8 за 1979 год в статье писательницы Елены Серебровской «Выиграть молодость» рассказывается о том, что Макс Гельц был и в Кузбассе. И полетело наше письмо в Ленинград. Елена Павловна ответила, что Макс Гельц в Кузбассе был в 1931—1932 году, что здесь его снимали для документального фильма, прислала нам его фотографии во время работы бригадиром шахтеров в Темиртау.

В подарок «Поиску» Е. П. Серебровская направила свою книгу «Верим, верны!» с надписью «Клубу «Поиск» СМИ — с пожеланиями крепить интернациональную дружбу антифашистов, сторонников мира». Автор многих книг, кандидат филологических наук, заместитель председателя Ленинградского отделения общества советско-германской дружбы, она привлекла нас к себе. И вот Ленинград, Васильевский остров, скромная квартира на Гаванской улице. Здесь несколько часов шла беседа с Еленой Павловной о жизни Гельца, об интернационалистах.

Елена Павловна передала письмо, которое Макс Гельц написал из кузбасского поселка Темиртау 30 апре-

ля 1932 года в адрес школы ФЗУ им. Макса Гельца в Ленинград. Вот отрывки из письма:

«Дорогие товарищи! С конца декабря я работаю в Кузбассе по заданию ЦК партии и Коминтерна. Сначала я был на Кузнецкстрое, а теперь работаю шахтером в шахтах Темир-Тау, которые поставляют уголь для домен Кузнецка.

Вместе с письмом шлю вам мою статью, которую написал в «Правду» о Кузнецкстрое. Сейчас пишу я две новые книги. Одну о жизни и работе горняков в сибирской тайге на фронте социалистического строительства. Поэтому я и работаю в шахте, чтобы по-настоящему понять работу горняков. Это лучший метод, чтобы написать живую, хорошую вещь.

Работа здесь очень и очень трудна. Большинство людей, не работавших тут, не могут ее себе представить. Но угольная промышленность — это важнейший базис для развития тяжелой индустрии, для владения техникой. Поэтому на этот участок работы партия обращает самое серьезное внимание.

Мы живем и работаем здесь, в сибирской тайге. Две недели тому назад лежал двухметровый снег, недавно повсюду уже зацвели цветы, а вчера опять выпал сильный снег.

Наши шахты заложены недавно, поэтому у нас почти нет механизации в работе. Все до важнейшего примитивно. В шахту мы лезем по бесконечным деревянным лестницам и по ним же поднимаемся наверх. Это одно уже трудная штука, которая стоит нам массу пота ежедневно. Внизу мы сверлим 9 дыр в твердом угле. Для этого у нас есть бурильные машины, которые весят больше полцентнера и работают сжатым воздухом. Эти машины производят неописуемый шум, так что кажется, что лопаются барабанные перепонки. А страшные толч-

ки и сотрясения, которые они производят, почти рвут нам внутренности. Мы должны прижимать бур плотно к себе и сильно толкать его, иначе он вообще не будет работать. Каждая дыра должна быть глубиной в 1 метр 20 сантиметров. Если бур находит жилу глины, что случается часто, он перестает двигаться вообще и дальше приходится работать ручным буром до кровавого пота. Мы кряхтим, как собаки, которые тащат в жару тяжелую поклажу и хотят пить. При сверлении каменного угля нам в лицо через отдачу сжатого воздуха летит вся каменноугольная пыль. Иногда мы черны, как негры, иногда красны, как индейцы (у нас черный и бурый уголь). Наши глаза и легкие полны тяжелой угольной пыли.

Моя бригада выполняет свой план на 135 процентов и вся состоит из ударников. Все мы гордимся нашей работой. Здесь, в шахте, можно хорошо понять, что работа на социалистическом строительстве — дело доблести и чести. Мы знаем, что с каждой лопатой угля, которую мы бросаем в вагонетку, мы даем пищу домам Кузнецкстроя, чтобы социалистическая индустрия получила железо и сталь и дала социалистической стране трактора и машины. Мы знаем, что глыбы угля, которые мы достаем из недр сибирских копей, укрепляют обороносспособность нашего дорогого Советского Союза.

Пришлите мне отчет, как и с какими результатами Вы работаете. Мы шлем пламенный привет лучшим ударникам завода имени Макса Гельца. Мы очень радуемся, что помогаем и этому заводу выполнять свой план, добывая уголь. Мы знаем, что завод завершил пятилетку в три года и три месяца. Даже газеты Германии сообщают об успехах и победах этого завода. Ваши хорошие успехи — пример для миллионов рабочих и

крестьян советской страны и всего мира.

Приветствуем вашу победу громовым Рот фронт!

Макс Гельц. Прилагаю фото из Темир-Тау, снятое мной, Кузбасс, Темир-Тау, Партколлектив, для Макса Гельца».

В Кузбассе Макс Гельц пробыл более полугода. Он подружился и с рабочими Кузнецкстроя. Его поразил их трудовой энтузиазм, их пламенная вера в победу социалистической индустриализации.

9 января 1932 года, когда торжественно открылась первая городская Новокузнецкая партконференция, в президиум был избран Макс Гельц.

Он приветствовал делегатов конференции от имени Коммунистической партии и революционного рабочего класса Германии и сказал: «Вы здесь обсуждаете вопросы, которые касаются не только вас, но также и рабочих всех стран... Германский пролетариат с большим доверием, с величайшим восхищением смотрит на ваши успехи и готов помочь вам».

В Новокузнецке он не только трудился, но и занимался литературным трудом. В книге известного писателя Александра Бека «Почтовая гроза» можно прочесть строки, посвященные Максу Гельцу. (Из писем Александра Бека Л. Тоом, работающей в писательской бригаде по составлению истории Кузнецкстроя).

«2 апреля 1932 г.

...Не знаю, аккуратно ли ты получаешь газеты? Посылаю тебе вырез-

ку-письмо о Кузнецкстрое немецкого коммуниста Макса Гельца. Это, конечно, документ будущей «Истории Кузнецкстроя».

Газетная вырезка сохранилась в конверте и поныне. Привожу несколько абзацев.

«Макс Гельц. Домны переделывают руду и людей. ...Временная дорога из Нижней Колонии ведет мимо заводоуправления через площадку к Верхней Колонии. Германский прокатчик из Генингсдорфа, которому приходится по ней каждый день проходить по три-четыре раза, заявляет: — Здесь движение, как на Фридрихштрассе в Берлине.

И действительно, это колоссальное скопление людей, эта огромная масса движущихся рабочих, повозок и автомобилей напоминает самые оживленные улицы европейских городов.

...Прокатчик-иностранный специалист — видел бурный восторг рабочих, когда коксовый комбинат дал в полуночный час первый кокс.

— Это наш, наш первый кокс. Он часто слышал, как рабочие говорили: — Наша домна. В этом словечке «наша» тайна победоносной цели — силы советских ударников. «Их работа, которую они любят, не основывается только на стремлении заработать деньги» — вот такие слова осмелился написать этот наш ворчун-прокатчик в письме своим родственникам».

Слова Макса Гельца «домны переделывают руду и людей», помещенные в «Правде», стали крылатыми. Активная работа Макса Гельца в нашем kraе вошла в историю Кузбасса.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ — УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Крепость Порт-Артур (ныне восточнокитайский порт Люйшунь) по договору с Китаем в 1898 году была передана России на 25 лет. Порт-Артур расположен в южной части Ляодунского полуострова, на берегах бухты, соединенной с Тихим океаном узким проливом. Как город, так и бухта лежат в котловине, окруженной со всех сторон горами, опоясывающими крепость в несколько рядов.

Южнее бухты Голубиной тянутся возвышенности Ляотешань, с которых хорошо видны бухта и весь Порт-Артур. Со стороны океана бухту и крепость опоясывает цепь отдельных гор: Белый волк, Тигровая, Золотая и Крестовая. Севернее Порт-Артура тянется хребет Волчьих гор, а с востока горы: Угловая, Длинная, Плоская, Высокая и Фальшивая.

В ночь на 27 января 1904 года японский флот вероломно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Началась русско-японская война. Россия к войне была плохо подготовлена. Потеряв несколько кораблей, среди которых был и легендарный крейсер «Варяг», командование русским флотом отказалось от активных действий на море. Японский флот блокировал Ляодунский полуостров с моря и безнаказанно бороздил воды у стен крепости. Русская эскадра была парализована.

Японские войска беспрепятственно высадились в Корее, а затем и в Маньчжурии. Вскоре Порт-Артур был отрезан от основной сухопутной армии, а затем осажден японцами. Назначенный в это тяжелое время командующим тихоокеанским флотом талантливый и авторитетный адмирал С. О.

Макаров 31 марта 1904 года погибает на подорвавшемся на минах флагманском броненосце «Петропавловск».

Захиста Порт-Артура длилась одиннадцать месяцев. Более семи месяцев русские солдаты и матросы, отрезанные от Родины, мужественно переносили все лишения осады, героически защищали Порт-Артур, отражая нападение врага с суши и с моря.

С чувством великой гордости за их героическими подвигами следили русские люди, весь мир. Не силой своих укреплений и фортоў, а отвагой, стойкостью и беззаветной любовью ее защитников к Родине держалась крепость Порт-Артур.

В числе участников русско-японской войны и защитников крепости были и наши земляки. В Кемеровском краеведческом музее хранятся материалы о восьми участниках этой войны. Матрос Василий Николаевич Новиков, уроженец деревни Еловка Пачинского сельсовета, служил на миноносце «Стерегущий». Это он открыл кингстоны, чтобы не сдать корабль врагу. Все его награды и документы хранятся в военно-морском музее Ленинграда.

Служба Петра Пантелейевича Петушкиова проходила на броненосце «Победа». Он принимал участие в Цусимском сражении. За мужество и храбрость был награжден Георгиевским крестом и медалью. Гавриил Алексеевич Степанов из деревни Кочкуровка ныне Гурьевского района отличился на броненосце «Ретвизанъ». Его героические подвиги отмечены тремя Георгиевскими крестами и медалью. Все материалы, в том числе и награ-

ды, хранятся в Гурьевском краеведческом музее.

Сидор Яковлевич Чечиков служил на броненосце «Орел» командором (артиллеристом-наводчиком). В бою он был тяжело ранен. 8 месяцев находился в плену, на Родину вернулся в начале 1906 года. За мужество и храбрость он был награжден Георгиевским крестом и медалями. С 1928 года Сидор Яковлевич жил в деревне Байла Тисульского района, где работал в совхозе «Тисульский» до 1960 года. За свой труд он был дважды награжден. Боевые и трудовые награды Сидор Яковлевич передал в военно-морской музей в Ленинграде.

Участниками русско-японской войны были и Кузьма Федорович Барсуков, Александр Федорович Асанов. Филипп Филиппович Воробьев воевал в Маньчжурии и в Корее, а при нападении японцев на Порт-Артур защищал Голубиную бухту крепости. После русско-японской войны служил в Чите.

Об одном из защитников Порт-Артура — Дмитрии Степановиче Труфанове, мы узнали из семейного архива его сына кемеровчанина Валентина Дмитриевича. Мы познакомились с приказом по 27-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку от 12 сентября 1904 года № 256. В приказе описан боевой подвиг Дмитрия Степановича Труфандова.

Известно, что в одном из многочисленных штурмов японцам удалось захватить нижние окопы чрезвычайно важной в стратегическом отношении горы Высокой. Предпринимаемые атаки не давали положительных результатов. Русские войска несли огромные потери.

Гора Высокая дрожала и стонала от разрывов снарядов крупнокалиберной артиллерии противника. Снаряды разрушали укрепления, защищавшие

ники гибли под огнем и погребенными под развалинами.

Непрерывно атакующие силы врага в десятки раз превышали малочисленный гарнизон крепости, но русские солдаты, матросы и офицеры сражались с врагом и стойко переносили все невзгоды и трудности войны. Русские солдаты хорошо помнили: «В бою нет смены. Раз попал в бой, остановившись в нем до конца; поддержка будет, смена — никогда».

В этих тяжелых условиях морской офицер лейтенант Подгурский предложил изготовить пироксилиновые бомбы с тем, чтобы они были брошены на врага перед штыковой атакой. Дмитрий Труфандов вызвался быть помощником. Но он не ограничился технической стороной дела, а вызвался идти во главе других добровольцев.

Под покровом темной ночи с 9 на 10 сентября 1904 года Труфандов прошел мимо часовых, приблизился к траверсу японского окопа, ловко и осторожно вынул один из мешков с землей и в образовавшуюся дырку бросил разрывную бомбу. Произошел взрыв огромной силы. А. Труфандов с добровольцами бросали во вражеские окопы одну бомбу за другой. Затем солдаты 11-й роты под командованием штабс-капитана Крамаренко бросились на японцев и выбили их из окопов.

Оставив первый окоп, японцы пытались закрепиться во втором. Но воодушевленные успехом наши солдаты на плечах противника ворвались во вторые окопы и выбили врага. Гора Высокая была освобождена. Дорого обошлась эта гора японцам: тысячи убитых и раненых солдат и офицеров оставил здесь противник.

По мнению ряда историков, штурм Высокой горы является одним из важных этапов в ходе обороны крепости, в значительной степени повлиявший на продолжительность и ус-

пешность дальнейшей ее обороны.

В приказе, изданном после освобождения горы Высокой, читаем: «Для этого славного дела недостаточно было одной храбрости и мужества: нужно было приложить свободную волю, хладнокровный ум, расторопность и распорядительность. Труфанов и проявил их в полной мере».

За этот подвиг Дмитрий Труфанов был произведен вunter-офицеры, награжден орденом Георгия Победоносца третьей степени. А за то, что, будучи ранен, остался в строю до конца боя с полным вооружением и снаряжением, награжден Георгиевским крестом четвертой степени. Как участник русско-японской войны он также удостоен Памятной медали. Газета «Русский инвалид» 21 ноября 1914 года писала: «Герой Порт-Артура Дмитрий Труфанов был кавалером ордена Георгиевский крест всех степеней и кроме того имел особый Георгий «храбрейший из храбрых», который он заслужил за оборону Порт-Артура во время его осады японцами».

В приказе, подписанным полковником Петруша в осажденном Порт-Артуре, говорится, что с именем Труфanova связана частица той боевой славы и гордости полка, за которую полк удостоился высочайшей награды — Георгиевского Знамени.

Когда в осажденный Порт-Артур неизвестная дама прислала золотой нательный крест на серебряной цепочке с просьбой вручить его «самому храброму солдату» 27-го полка, то этим солдатом был назван Дмитрий Труфанов.

Декабрь месяц 1904 года был тяжелым для России, но особенно он оказался тяжелым для защитников крепости. 2 декабря генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко сидел за столом с группой офицеров в одном из казематов крепости и обсуждал во-

прос защиты ее. Ворвавшийся в каземат одиннадцатидюмовый снаряд взорвался и убил 6 офицеров, 9 солдат и 25 человек ранил. Были убиты генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко и командир 28-го Сибирского полка полковник Науменко.

Накануне сдачи крепости Порт-Артур ее комендант послал телеграмму Государю Императору Николаю II следующего содержания:

«Великий Государь! Ты прости нас. Сделали мы все, что было в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво. Почти одиннадцать месяцев беспрерывной борьбы истощили наши силы; лишь одна четверть защитников, из коих половина больных, занимает 27 верст крепости, без помощи, даже без смены, для малого хотя бы отдыха. Люди стали тенями!»

В ночь с 19 на 20 декабря были взорваны корабли русского флота, а на второй день — 20 декабря сдана крепость Порт-Артур. Зарубежные историки писали: «в русской обороне крепости Порт-Артур человечество увидело образец героизма, мужества, стойкости и беззаветной любви к Родине, превзошедших все, что до сих пор было известно в истории военных подвигов».

В приказе 1 января 1905 года Николай II писал в отношении защитников крепости Порт-Артур: «С гордым чувством следила за их подвигами Россия, весь мир преклонялся перед их доблестью! Но с каждым днем ряды их редели, средства борьбы истощались и под написком всех новых и новых вражеских сил, совершив великий подвиг, они должны были уступить.

Враг наш смел и силен, беспримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников нашей силы. Но Россия могучая. В тысячелетней ее истории были годины еще более тяжелых испытаний, более грозной опасности, и каждый раз она

выходила из борьбы с новою силою, с новою мощью.

Благодарная Россия гордится вами и не забудет ваших подвигов, как не забыли и вы свой долг перед нею».

В приказе по 27-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку от 5 января 1906 года читаем: «Каждый порт-артуровец имеет нравственное право с гордостью передать в потомство о своей заслуге перед Родиной».

Командир 11-й роты 27-го Сибирского стрелкового полка, в которой служил Д. С. Труфанов, капитан Дитмар в 1912 году писал: «упорство обороны Порт-Артура дало понять японцам, что если они и одержали победу, то не потому, что русские стали ниже своей исторической славы, а по иным причинам, из которых главная — недостаток у нас войска в далекой Сибири к началу войны и затруднение доставки всего необходимого для армии за 10 тысяч верст.

Пусть же знают наши враги, что в рядах русской армии, доблестного нашего полка-сподвижника Р. И. Кондратенко и молодежной 11-й роты жив тот дух беззаветного мужества, который вписал в летопись русской истории имена Полтавы, подвиги Суворовских чудо-богатырей, храбрых защитников Севастополя, целый ряд побед народного героя М. Д. Скобилева и сделал имя русского солдата грозным для его врагов»¹.

26 ноября 1913 года в Иркутске в честь 300-летия дома Романовых проводился праздник 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и Георгиевских кавалеров. На праздник был приглашен и герой Порт-Артура Дмитрий Труфанов. Для чествования своего героя был выстроен полк. Когда знамя полка было поставлено перед

строем, из рядов 11-й роты вышел Труфанов, который, подойдя к полковой святыне, опустился на колени, сделал земной поклон и поцеловал знамя.

После этого командир полка, прочитав приказ по полку, отданный во время обороны Порт-Артура, в котором Труфанов удостоен звания «наи-храбрейшего» в полку, пригласил его в родную ему полковую семью и скомандовал полку: «В честь героя Труфана «на караул!» Солдаты кричали «ура!» своему герою.

Под звуки полкового марша состоялось вручение герою подарков от полка: портрета генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко с соответствующей надписью и ценных подарков от офицеров полка. На одном из них читаем надпись: «От общества гг. офицеров 27 Сибирского стрелкового полка Славному герою Высокой горы Артура старшему унтер-офицеру 11-й роты Дмитрию Труфанову 26.XI.1913 г.»

Затем к Труфанову подошел командир 11-й роты, в которой он служил, и, произнеся краткое слово, благословил его от имени офицеров и солдат роты иконой святого Иннокентия, епископа Иркутского. Труфанов опустился на колени и поцеловал икону. Оркестр играл «Коль славен...» На иконе читаем надпись: «Дмитрию Труфанову — гордости 11-й роты и украшению полка».

В заключение торжества полк прошел церемониальным маршем мимо Труфана. Затем в помещении роты, декорированном георгиевскими лентами, героя встретили с хлебом-солью, и всем был предложен завтрак, сопровождавшийся многими тостами.

Спросив разрешения, Труфанов пригласил 4-й взвод, в котором он служил, и в трогательных словах завещал солдатам честно и доблестно служить Родине. Молодой командир взвода, обращаясь к солдатам взвода, выра-

¹ Дитмар С. Боевая памятка 11-й роты 27-го Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1912.

зил твердую в этом уверенность всех, а затем провозгласил здравицу: «Доблестному командиру 4-го взвода старшему унтер-офицеру Труфанову, показавшему нам путь к славе!»

На второй день Труфанов был представлен командующему войсками Иркутского военного округа генералу от инфanterии Эверту, который поцеловал героя, выслушал его доклад, наградил деньгами и распорядился по заботиться о предоставлении ему места для отдыха.

Когда началась первая мировая империалистическая война, Труфанов добровольно ушел в армию, в свой род-

ной 27-й Сибирский стрелковый полк, участвовал с ним во всех его походах и сражениях, удивляя всех своим мужеством и героизмом. Он первым отправлялся по ночам резать немецкие проволочные заграждения и первым же врывался во вражеские окопы.

21 ноября 1914 года газета «Русский инвалид» в статье «Потери» писала: «Общую радость и ликование сильно опечалило известие о смерти героя Порт-Артура Труфанова, общего любимца в полку». Так служил Родине и погиб за нее наш земляк Дмитрий Степанович Труфанов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Материалы Кемеровского краеведческого архива и семейного архива Труфановых.

Дитмар С. Боевая памятка 11-й роты 27-го Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1912.

Русский инвалид, 1914, 21 ноября (газета).
Ласкин А. Герой Цусимского сражения.
Кузбасс, 9.04.1967.

Дятлов В. Герой Цусимы — гость кемеровчан. Кузбасс, 21.07.1968.

Михаил Сорокин ВОССТАВШАЯ ИЗ ПРАХА

Всякий раз, приезжая сюда, спешу под своды древнего, величественного храма. И нет для меня в Салайре, да, пожалуй, во всей Сибири, места более славного и достойного. Под сводами церкви во имя святых апостолов Петра и Павла не раз бывали многие деятели русской культуры и науки.

В своем рабочем кабинете я любуюсь фотографией салаирской церкви, подаренной выпускником Кемеровского института культуры Валерием Макаровым. И стали эти снимки для меня в минуту жизни трудную прибывающим духи.

Кто из нас, особенно в последние годы, не убеждался, насколько плохо мы знаем историю своего Отечества. Откуда нам, воспитанным на популярных атеистических брошюрах,

знать правду об истинной роли церкви в жизни россиянина. За семьдесят послеоктябрьских лет успело вырасти несколько поколений, которым чуть ли не с молоком матери вдалбливалась враждебность к религии, к церкви и ее служителям.

Нетрудно догадаться, как повлияли на народное сознание дикие сцены уничтожения величественных храмов, свержения с высот многопудовых колоколов. Забудут ли наши деды и прадеды сцены массового уничтожения драгоценных, порою редких икон. Ими кое-где топили печи, мостили дворы. Сотрутся ли из памяти народа порушенные, запущенные монастыри и церкви, превращенные в тюремные застенки, в лучшем случае в склады овощей, в зернохранилища.

Сколько пастырей духовных, уважа-

емых, любимых народом наставников, настоящих интеллигентов, повторили, подобно древним христианам, мученический путь на советскую Голгофу — в лагеря Норильска и Караганды, Колымы и Магадана, Джезказгана и Воркуты...

Цель предлагаемых вниманию читателя заметок показать, каким образом созидались церкви на нашей древней кузнецкой земле, каких усилий мирской общине это стоило.

Так что речь у нас пойдет не о почетных руинах, не об исчезающем памятнике истории и культуры, а о памятнике спасенном, возвращенном к жизни.

К великой радости сотен и сотен наших сограждан древняя церковь в Салаире действует. Вот почему публикация малоизвестных документов, связанных с историей ее появления, строительства представляется делом современным и актуальным.

Знакомство с архивными материалами позволяет развеять немало предубеждений, вкравшихся со временем в народное сознание, исправить целый ряд неточностей некоторых публикаций.

Приведу лишь один характерный пример. В газете «Июль» (орган Беловского городского рабочего комитета и городской организации Союза трудящихся Кузбасса), в номере за 19 апреля 1990 года, появилась интересная статья Николая Матвеева «Справедливость торжествует». Мне нравится позиция автора, я разделяю общий пафос этой статьи. Но, как говорится, «Сократ мне друг, но истина дороже».

Потому я вынужден исправить весьма распространенное заблуждение. «Каменный храм в Салаире,— уверяет Николай Матвеев,— воздвигнут выдающимися архитекторами в конце XVIII — начале XIX века». Здесь

по меньшей мере две ошибки. Первая — временная. Автор сместил события по времени, ошибся всего-навсего на сто лет. Архитекторы, как известно, здания не возводят. Этим занимаются строители. Возможно, жители старинного сибирского села Жуланиха (находилось неподалеку от Салаира, в пределах нынешнего Алтайского края), возводившие кирпичную церковь, и были знатными строителями. Называть же их «выдающимися архитекторами» я бы поостерегся. Подобного рода ошибки свойственны и другим публикациям.

Если у кого и есть на этот счет сомнения, то их развеет толстое, обернутое в грубый холст «дело о строительстве церкви во имя святых первоверховых апостолов Петра и Павла». В совместное путешествие по его страницам я и приглашаю читателя.

Архивные документы свидетельствуют, что в Салаире не то что в конце XVIII, но и в начале XIX века не было церкви. Ни каменной, ни деревянной. Без божьего храма большой рабочий поселок, к тому же важный административный центр обширной округи, понятно, чувствовал себя неважно. Об этом свидетельствует хотя бы отношение Салаирской горной конторы в Кузнецкое духовное правление, направленное 27 февраля 1803 года.

«Салаирский рудник,— говорилось в этом документе,— начало свое восприял в 1781 году. Затем в близости онного построен Гавриловский завод (1792 год)... По нынешний 1803 год имеется домов при руднике 359, при заводе — 126... обывателей мужского пола — 1822, женского — 1433».

Совсем нетрудно догадаться, для чего понадобилась эта арифметика. Ведь это обоснование необходимости учреждения церкви в Салаирском руднике. Что это так, убеждает сам текст архивного документа: «Ближайшее от Салаирского рудника село Бачатское,

в коем имеется церковь, отстоит в 33 верстах... Не всякой в Бачатское село ехать может».

Далее следуют объяснения, какие неудобства «от того происходят»: «в местном лазарете служители без исповеди умирают», «младенцы многие остаются без крещения»... Да можно ли перечислить все неудобства.

Рассчитывать на Николаевскую церковь села Бачатского салаирцам не приходилось. У ее служителей приход у самих вон как велик! Не успеваешь поворачиваться — кого крестить, кого венчать, кого отпевать.

Единственно верным решением оказалось открытие в Салаире собственной церкви. «Контора нужным почитает,— подчеркивало горное начальство,— благоволит оное приказать из Бачатского села священнику с причетником жительство иметь при Салаирском руднике на всегда, ибо по времени будет построена и церковь, для которой и нужные материалы приуготовляются».

Материалы архивного дела дают возможность конкретно, предметно представить весь ход строительства церкви в Салаире. Впервые вопрос об этом встал в самом начале XIX века, в 1801 году. В тот год большая группа служащих на рудниках обратилась к управляющему Федору Савельевичу Ваганову (видный изобретатель, новатор горно-заводского производства) с просьбой «исходатайствовать у начальства позволения к постройке при Салаирском руднике церкви».

Тем же летом в Салаире побывал Василий Сергеевич Чулков, главный начальник Колыванских заводов. Ваганов решил воспользоваться прибытием высокого гостя и передал ему просьбу местных жителей.

Далее передаю слово материалам из архива: «На доклад управляющего рудником Его Превосходительство приказать изволил церковь построить

деревянную, на строение ея и украшение отнюдь казенными деньгами не заимствоваться, и как сие принадлежит до пользы общественной, то и стараться сбирать от доброхотнодателей».

О каменной церкви в Салаире в начале века даже и речи не велось. Для такого строительства пока что не пробил час. Поначалу в поселке построили небольшую часовню. Строили ее всем миром, общими усилиями, лес был бесплатный. Потому и стала она «обществу» относительно дешево — всего лишь в 43 рубля 92,5 копейки.

Год спустя в Салаире появился на конец молельный дом. Обратите внимание — не церковь, хотя бы и деревянная, а всего-навсего — молельный дом. Церковь, понятно, требовала серьезной подготовки, солидных трат. Как показали дальнейшие события, салаирцы оказались щедрыми вкладчиками. В молельный дом они передали немало редких икон, богослужебных книг, церковной утвари, одежды, чем немало способствовали успешному продвижению дела становления храма в Салаире.

В молельном доме имелись ценные иконы работы известных мастеров-иконописцев Осколкова, Сумкина и других. Иконы Спасителя, Богоматери, Петра и Павла, Александра Невского, к примеру, были оценены в двадцать пять рублей каждая, икона Воскресения Христа — в двадцать пять, а икона Николая Чудотворца — в двадцать шесть рублей 64 копейки: в начале прошлого века — целое состояние. В 1803 году салаирцы приобрели для священника просторный дом здешнего горного офицера шихтмейстера Коновалова. Заплатили за него восемьдесят рублей.

Салаирцам довольно долго пришлось обходиться молельным домом. Однако времени зря они не теряли, готовили задел для будущей полноценной церк-

ви. На Выбашской ярмарке, к слову, крупнейшей в России, купили колокола (четырехпудовый, двухпудовый, полуторапудовый, два полупудовых), приобрели много другого церковного имущества (необходимые для службы книги, кадила, лампады, чаши, ризы парчевые, атласные, тафтяные, китайчатые...). Имущество, приготовленное заранее для несуществующей церкви оценивалось в 1700 рублей. Один крест напрестольный, серебряный, являл собой целое состояние — оценивался в 71 рубль 31,25 копейки.

Откуда известны такие подробности, усомнится иной читатель. Из документов того самого, архивного дела. В ночь на 24 декабря 1809 года в Салаирском молельном доме случился пожар. Невольно пришлось подсчитывать убытки, составлять оценочные ведомости. Потому и можем мы сегодня судить, что имелось и какою ценой.

«Не было счастья, да несчастье помогло». В жизни и так случается. Салаирцы решили не мелочиться, приступить к строительству не молельного дома, а церкви. Причем не рядовой, обычной, а церкви-красавицы, подлинному украшению горняцкого поселка.

Не думайте, что это были пустые амбиции. Ничего подобного. Именно в эти годы Салаир переживает стремительный подъем, превращается в административный и культурный центр обширной округи, с заводами, рудниками, приисками, лесосеками.

С давних пор на Руси существовал обычай строить церкви всем миром, на собранные обществом деньги. Каждый давал сколько мог. Кто рубль, а кто и пятак. Деньги собирались по всей округе, годами. В итоге набирались весьма солидные суммы.

В архиве сохранилась тетрадь записей пожертвований на церковь — за 1811 год. Управляющий рудником

Аболтин пожертвовал на строительство пятьдесят рублей, мещанин Кривоногов — двадцать пять, лекарь Ложников — десять, штейгер Христиан Вецель — пять, штейгерский ученик Александр Вецель — два, лекарский ученик Протопопов — один рубль, канцелярист Кротов — тоже рубль, писарь Меновщиков — полтину.

Ответить на вопрос, когда же в Салаире все-таки была сооружена первая церковь, трудно. Думаю, что салаирцам долго пришлось довольствоваться молельным домом. Доподлинно известно, что в феврале 1829 года на рудник приезжал представитель Кузнецкого духовного правления протоиерей Дергачев. Совместно с управляющим рудником Мевиусом они подобрали «совершенно удобное для построения церкви место». Было ли это место для первой в Салаире церкви, вот в чем вопрос?

Церковь находилась в самом центре поселка, на веселом пригорке, в восемидесяти саженях от главной конторы. Строилась она из дерева, однако на каменном фундаменте. Все необходимые расчеты, чертежи, рисунки выполнил окружной архитектор Яков Попов, ученик знаменитого Карла Росси. Он же осуществлял наблюдение за ходом строительства, наезжая время от времени для того из Барнаула. На месте, в Салаире, постоянно находился его заместитель Федор Дюков. Со своими обязанностями, судя по всему, он справлялся весьма успешно. Не зря же позднее его избрали церковным старостой.

Как же выглядела спроектированная Яковом Поповым Салаирская церковь? Любопытство земляков можно удовлетворить. И этим мы обязаны Василию Тистрову. По его инициативе в 30-х годах XIX века (в это время как раз завершалось строительство Салаирской церкви) был составлен альбом достопримечательностей здеш-

него края. Естественно, туда попали рисунок и чертеж недавно отстроенной церкви. Тицровский альбом хранится в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. В моей подборке фотокопий архивных документов имеется рисунок и план Салаирской церкви, построенной в 30-х годах XIX века.

Далеко по округе разносился звон малиновых колоколов: большого, двадцатипудового, пяти- и четырехпудовых, да еще четырех, так называемых званных, весом от двух пудов до 17 фунтов каждый.

Мне рассказывал салаирский старожил, внук протоиерея отца Леонтия, ныне восьмидесятичетырехлетний старец: «Когда в Салаире звонили колокола, в Гавриловском заводе, в четырех верстах, казалось, что трезвонят где-то рядом. Звук доносился густой, емкий, полновесный».

Имея такой богатый набор колоколов, можно было исполнить любую мелодию. Здешние звонари славились на всю округу. Бывало, в праздники мужики напоят звонаря да пообещают ему сверх того еще бутылочку, если тот сыграет им с колокольни плясовую или какую другую веселую мелодию. Тот, понятно, и рад стараться, умение свое выказать. Не раз стыдили его батюшка вместе с церковным старостой, выгнать грозились. Да где уж там... Где еще найдешь такого Мастера.

Интересна история создания золоченого иконостаса Салаирской церкви во имя святых Петра и Павла. Это был настоящий шедевр, произведение высокого искусства резчиков по дереву, сибиряков. Делали его в Барнауле, в столице горного округа. Сам этот факт — дополнительный штрих в малоизученную историю культуры Сибири первой половины XIX века.

На изготовление салаирского иконостаса ушло двадцать трехаршинных

кедровых кряжей, каждый толщиною в десять-двенадцать вершков. Чтобы довести до ума начатые работы, салаирцам не раз пришлось идти с шапкой по кругу, собирать буквально по крохам необходимые для золочения порции золота.

Сто шестьдесят лет тому назад салаирцы еще могли сбиться на золоченый, резной из кедра иконостас. Ныне в большинстве современных церквей иконостасы, увы, бумажные.

Не имеет, к сожалению, иконостаса и недавно вновь восстановленная Салаирская Петропавловская церковь. А ведь еще недавно он был. Да еще какой. Своим великолепием просто поражал воображение. Его фотографии однажды прислал отцу Сергию бывший салаирский старожил, житель Кемерова. Вот так, кружным путем, изображение салаирского иконостаса попало в мои руки. Что скажешь — повезло. Хоть таким образом сумел приобщиться к высокому искусству наших предков.

На Руси существовал и другой древний обычай. Лучшие храмы, как правило, украшались знаменитыми изографами, живописцами. Салаирская Петропавловская церковь также не была исключением. Ее в свое время украшал замечательный мастер-профессионал, выпускник Петербургской императорской Академии художеств академик Михаил Мягков.

Интереснейшая получается цепочка. Петропавловская церковь в Салаире спроектирована учеником Карло Росси Яковом Поповым, украшена художником-академиком Михаилом Мягковым. Вот вам и сибирская глубинка, вот вам и малые города России. Сколько загадок таит их история.

Предлагаю вниманию читателя два редких документа, относящихся к Салаирской Петропавловской церкви и хранящихся в делах здешней горной

конторы. Оба они публикуются впервые.

«17 сентября 1831 года Барнаул
Милостивый государь
Андрей Павлович!

Получив от Вас рисунок иконостаса Салаирской церкви, по которому означенная мера и число образов следующих: Спасителя, Матерь Бога, Благовещение, четыре Евангелиста, два Ангела, Тайные Вечери, Петра и Павла, Трех Святителей, за престол Саваофа, две хоругви, плащаницу, все сии означенные образа согласен с желанием Вашим написать на полотне ценою за две тысячи рублей и изготовить к освещению Храма.

При сем покорнейше прошу Вас из условной суммы выдать мне в задаток триста рублей денег, по получении чего немедля начну выше означенную работу.

В ожидании скорого Вашего намерения, с истинным моим почтением и преданностью имею честь быть Вашим, 'Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Михайла Мягков».

Однако была ли выполнена академиком Мягковым работа по оформлению салаирского иконостаса? Первый документ свидетельствует всего-навсего о намерениях. Зато второй...

«В Алтайское горное правление Салаирской горной конторы с испрашиванием награждения Господину академику Мягкову

Рапорт

Академик 10 класса Михайло Мягков для Салаирской Петропавловской церкви святые иконы ныне совершенно окончил с отличнейшим искусством, сделав сверх условия с тем за двухтысячную плату четыре необходимо нужных лакши. И потому Салаирская горная контора поставляет себя в

обязанность Алтайскому Горному Правлению представить и покорнейше просит удостоить его, Господина Мягкова, наградою, какую благоугодно будет назначить и о том почтить резолюциею».

Сверх ранее оговоренных двух тысяч, за «четыре необходимы нужных, лишних» иконы живописец получил еще пятьсот рублей в качестве вознаграждения. Сама сумма вознаграждения достаточно убедительно свидетельствует о благолепии первой Салаирской Петропавловской церкви.

Пока резчики заканчивали работу над иконостасом, художник-академик писал для него иконы, салаирцы приобрели на Ирбитской ярмарке для своего храма сосуды серебряные (дискос, потир, дарохранительницу), два креста напрестольных, серебряных. Сосуды обошлись в пятьсот, кресты — в триста рублей.

Ответить на вопрос, когда состоялось освящение вновь построенной церкви, можно лишь приблизительно. Обращает на себя внимание одна фраза из документа, датируемого сентябрём 1832 года: «устраиваемая в здешнем Салаирском руднике церковь во имя святых верховных апостолов Петра и Павла приводится уже к окончанию».

Великолепие здания, блеск позолоченных окладов икон, парча парадных риз, торжественность праздничных служб — все это, конечно, крайне важно для храма. Однако славу любой церкви все же составляли люди, ее служители.

Добрый след в душах салаирцев оставил отец Василий (Василий Карпович Пузырев). Меня потрясло то единодушие, с которым салаирцы буквально ухватились за кандидатуру приглянувшегося им священника. В мирском приговоре говорилось: «Здешние чиновники и служащие единогласно желают и даже просят, чтоб опре-

делить от Бачатской Николаевской церкви священника Василия Пузырева».

Чем же покорил сердца салаирцев новый их батюшка?

Отец Василий вырос в семье священника. Он получил отличную профессиональную подготовку, закончил полный курс Тобольской духовной семинарии, одной из лучших России. Ей, ко времени учебы Василия Пузырева, насчитывалось сто с лишним лет.

В 1822 году архиепископ Тобольский и Сибирский Амвросий рукоположил вчерашнего семинариста в священники и определил ему приход — село Чингинское с округою (в нынешней Новосибирской области). В 1830 году отец Василий переезжает в Кузнецкий уезд, где и трудился более тридцати лет, до самого выхода на пенсию. Пенсию по тем деньгам довольно приличную, особенно для жизни в провинции, ему назначил императорский Кабинет.

Лет десять тому назад, в период работы над книгой «Салаир», попалась мне на глаза старинная фотография — групповой портрет сотрудников Салаирской горной конторы. В центре снимка, на самом почетном месте батюшка. Много лет спустя моя студентка рассказала, что ее предок — салаирский батюшка, что дома у них хранятся редкие фотографии, в том числе и та, которая меня интересовала.

При первой же возможности я оказался у Поповых. Дедушка Марины, восьмидесятичетырехлетний старец, пояснил, что на фотографии салаирский протоиерей отец Леонтий. Прибыл сюда он в самом конце крепостной эпохи и служил до самой смерти, до 1910 года.

Отец Леонтий, крестьянин по происхождению, сумел закончить полный курс Тобольской духовной семинарии. В Салаире он прожил почти полвека.

Много лет служил в старой, деревянной церкви, затем, после строительства каменного храма, перешел туда. За долгую, безупречную службу Салаиру и салаирцам его похоронили в церковной ограде. Чуть позже рядом появились еще две могилы — жены и купца Алексея Хмелевцева, крупного вкладчика, спонсора строительства храма. От этих могил сегодня, увы, не осталось и следа. Что там говорить о могилах, если сама Салаирская кирпичная церковь едва не канула в лету.

Так сколько их было всего, салаирских церквей? Вопрос нелегкий. Я, например, знаю три. Две деревянные и одну каменную. Кроме того, два молитвенных дома.

Построенная в начале 30-х годов XIX века деревянная Салаирская церковь во имя апостолов Петра и Павла простояла недолго — около четверти века. В ноябре 1858 года на руднике приключился страшный пожар. В тот день до основания выгорела лучшая часть Салаира, его центр (лавки и торговые ряды, дома начальников). Сгорела и церковь, творение окружного архитектора Якова Попова, ученика Карла Росси.

Вскоре после пожара салаирцы построили еще одну церковь. Наученные горьким опытом, они поставили ее в стороне от поселка. Не слишком величественную, но аккуратенькую, чистенькую. Редкостную ее фотографию подарил мне дедушка студентки института культуры Марины П., внук здешнего протоиерея отца Леонтия.

Деревянная, стоящая особняком, в стороне от поселка, она не слишком соответствовала духовным запросам салаирцев. С 50-х годов XIX века они начинают хлопотать о строительстве нового, кирпичного храма. В этих хлопотах принимал участие и императорский Кабинет. Среди чертежей, хранящихся в Центральном Государствен-

ном историческом архиве в Ленинграде можно было видеть два проекта: «План, фасад и разрез на постройку новой каменной церкви в Салаирском руднике Алтайского Горного округа».

Один из этих пунктов, судя по всему, и был воплощен в жизнь. Правда, случилось это позднее. Дело в том, что конец XIX века — далеко не самое лучшее время в истории Салаира, да и всего кабинетского хозяйства. Основанное на почти даровом, подневольном труде, оно постепенно приходит в упадок. Заводы и рудники закрываются. Кабинет судорожно ищет себе богатых партнеров, желательно иностранцев. И все же у салаирцев хватило духу завершить долгостоящее строительство храма.

Сегодня нам даже трудно представить, какой она была новая каменная церковь во имя Петра и Павла. К счастью, сохранился редкостный фотоснимок начала века. На нем стройная, нарядная церковь — небольшой сквер с бронзовым монументом императору Александру II.

Салаирскую церковь возводили каменных дел мастера, жители соседнего алтайского села Жуланиха. Люди эти рабочей частью своей гордились, дело свое любили, халтуры не терпели. За ходом строительства надзирал знатный Мастер Рогов.

Со всей округи возами люди везли яйца, щедро добавляли их в раствор из глины. И выходили из этого месива удивительной прочности кирпичи.

Какое каменное сердце нужно было иметь, чтобы порушить такую красоту!

В советское время Петропавловская церковь в Салаире разделила общую горькую участь всех российских церквей. Колокола свергли, отправили на переплавку. Амурные кованые кресты буквально вырывали «с мясом», пере-

ковали на оси для телег-таратаек. А сколько раз покушались на изумительной красоты решетки на окнах, работу славных гавриловских и гурьевских кузнецов. И хоть никто изуверам особенно не мешал, всякий раз насильникам приходилось отступать. Так основательно они были заделаны в спекшийся от времени камень-монолит.

Последнего салаирского батюшку отправили в места не столь отдаленные. Оставленная без надзора, открытая всем дождям и ветрам (рамы и двери выломали, железо с кровли содрали), церковь без ухода и ремонта постепенно приходила в запустение. Она стояла в самом центре небольшого рабочего городка, на возвышенном красном месте, окруженная сараями и складами торговой базы, словно немой укор людям.

Растоптанный, поверженный в прах храм не давал покоя местным властям. Узнав, что местные жители направили в Москву ходоков, они объявили, что храм вообще не подлежит восстановлению. Во-первых, потому, что как памятник истории и культуры он не представляет никакой исторической ценности. А во-вторых, потому, что стоит на богатейших пластах золота. Чтобы придать этой версии законный вид и толк, оформили официальный документ, заверенный печатями и авторитетными подписями.

И пошли взрывные работы в непосредственной близости от церкви. Скоро разрез вплотную приблизился к колокольне. Так появился в Салаирском крае памятник преступной деятельности местных властей, рукотворное Ласточкино Гнездо.

Помню, какою злобою наполнялись сердца гурьевских начальников при встрече с комиссией Кемеровского облсовета ВООПИиК. В ее составе был руководитель авторитетной фирмы «Томскреставрация», специалист по

культовым сооружениям из Новосибирского инженерно-строительного института, представители общества охраны памятников истории и культуры, краеведы... Мнение было единым. Развалины церкви во имя Петра и Павла — памятник громадного исторического значения. Мнение свое гости сообщили местному начальству, составили соответствующий акт. Все это вкупе охладило пыл здешних гонителей культуры. Однако каких-либо решающих перемен и после этого не произошло.

Помогла перестройка. Несколько лет назад, как когда-то в начале XIX века, в Салаире вновь открылся молельный дом. По праздникам сюда наезжал священник из Белова. А с появлением молодого, энергичного пастыря — отца Сергия дела у салаирцев пошли на лад.

В один из очередных приездов в здешние места проводил случайно (дело было под Рождество), что в здании Петропавловской церкви назначе-

на служба. Не поверил, поехал... И не узнал храма. Появились окна и двери, заново настлан пол, проведено электричество и отопление, стены оштукатурены.

То, что сделано в Салаире в столь короткий срок, иначе как чудом не назовешь. Мне, прости Бог, вообще казалось, что вряд ли когда-либо найдется сила, способная возродить салаирский храм. Кому не известны наши темпы строительства.

«С помощью мира, народа», — ответствовал на мой вопрос тридцатилетний отец Сергий. И он тысячу раз прав. Умение пробуждать в людях добро, гасить зло, отчуждение — характерная особенность церкви.

Непросто уехать утренним автобусом из Гурьевска в Салаир. В праздничные и в воскресные дни тем более. Стекаются люди к храму, видно, находит дорогу к сердцам людей слово отца Сергия.

О. Чулков

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА ЧУГУННАЯ МЕДАЛЬ

Посмотрите на одну из медалей моей коллекции. Медаль чугунная. На лицевой стороне ее изображена стариная паровая машина. Вверху по краю, на ленте надпись: «А:КНАУФА ЮГОВСКОГО ЗАВОДА» (при воспроизведении надписей дается орфография приведенная на медали).

На обратной стороне текст в шесть строк: «ПЕРВАЯ ОГНЕННАЯ МАШИНА В СИБИРЬ НАЧАТА СТРОИТЬ СЪ АПРЕЛЯ АВДЕЙСТИЕ ПРИВЕДЕНА АВГУСТА 1804 Года».

Наименование «Юговские» носила группа заводов в бассейне реки Бабки (приток Сильвы, впадающей в реку Чусовую) на базе месторождения

богатых медных руд. Первый Юговский завод, принадлежавший заводчику Осокину, был построен в 1732—33 годах; Нижний и Верхний Юговские — казенные строились в 1735 и 1740 годах соответственно. Последние два позже принадлежали графу Чернышеву, который в помощь Юговским заводам построил в 1759—1760 годах Бабкинский (он же Анненский) завод, не имевший вблизи рудных месторождений и расположенный в верховьях реки Бабка.

Особенностью горнозаводских предприятий XVIII века было применение в качестве энергоносителя воды. Подъемники руды из шахт, насосы для от-

качки шахтной воды, воздуходувки (меха) на плавильных заводах приводились в действие от водяных колес. Поэтому заводы строили у реки, где оборудовалась плотина, и по возможности, ближе к рудному месторождению. В случае недостатка воды в работе завода могли происходить сбои. Именно в таком положении оказались Юговские заводы, построенные на небольшом притоке реки Бабки. Это вынуждало в ряде случаев передавать руду на Анненский завод, не имевший своего рудника и работавший на привозном сырье, но установленный, как уже отмечено, непосредственно на более многоводной реке Бабке в верхнем ее течении.

Аннинский завод, созданный когда-то в помощь Юговским, по мере исчерпания месторождения стал лишним и был закрыт в 1786 году. Снова вернулись к выплавке меди на нем в 1798 году, но только в случаях, когда по недостатку воды не могли полностью работать Юговские заводы. Однако из-за нерентабельности дальней перевозки бедных руд он был окончательно закрыт в 1800 году.

Такое положение и привело к необходимости перехода на новый вид двигателя — паровую машину, что и было осуществлено при новом владельце Юговских заводов Кнауфе в 1804 году. Когда же владельцем Юговских заводов стал Кнауф?

В последней четверти XVIII века наблюдается снижение темпов строительства новых заводов на Урале. Было вызвано это тем, что с одной стороны иссякли запасы богатых руд, а с другой — реформы 1769 и 1779 годов повысили оплату труда приписных крестьян, что сделало невыгодной эксплуатацию бедных руд. Предприятия оказались убыточными, частные и казенные заводы угасали один за другим.

Если в предшествующий период в

металлургию вкладывали средства средние и даже мелкие купцы, то в конце XVIII века вели строительство или прибирали к рукам действующие заводы скопкой крупные предприниматели. Среди последних был и московский купец Кнауф, который получил в мае 1800 года в вечное и наследственное содержание Лугинские и Юговские заводы. В руках Кнауфа к началу XIX века сосредоточилось десять горно-заводских предприятий.

Текст оборотной стороны медали у современного человека, знакомого с историей развития техники в России, вызывает удивление. Дело в том, что первая огненная (паровая) машина в Сибири была построена выдающимся русским механиком И. И. Ползуновым в 1766 году на Барнаульском рудоплавильном заводе. Машина в том же году, после кончины автора, была испытана под руководством замечательного русского изобретателя К. Д. Фролова и проработала до 1767 года. Из-за низкого уровня машиностроения качество узлов машины было недостаточным. Машина, требовавшая ремонта, была остановлена. Более десяти лет первая в мире двухпоршневая паровая машина заводского назначения находилась в бездействии, а в 1780 году установка была разрушена и сам факт ее постройки предан забвению. Модель установки, переданная тогда же Барнаульской Канцелярией в Академию наук, бесследно исчезла. Только в XX веке в трудах отечественных исследователей была документально восстановлена правда о работах Ползунова.

Полное забвение трудов Ползунова к началу XIX века и дали основание объявить в 1804 году огненную машину, установленную на Юговском заводе, первой в Сибири.

Но почему речь идет о первой машине в Сибири, если Юговский завод

расположен на западном склоне Урала, эта территория ныне входит в состав Пермской области, а следовательно, бывшей Пермской губернии? Ответ дает знакомство с историей развития административного деления России. В 1708 году в числе восьми губерний была учреждена самая большая Сибирская губерния, в которую кроме всей Сибири вошла и значительная часть Урала, то есть территории, отошедшие в последующие реорганизации административного деления к Пермской и частично к Вятской губерниям.

И последнее. Текст на латинском языке под изображением огненной машины указывает, что машину изобрел и изготовил Иосиф Меджер (правильнее сказать, спроектировал).

Меджер, родом англичанин, по специальности механик, с 1797 по 1801

год работал на Санкт-Петербургском Монетном дворе начальником передела, а с 1804 года на Юговском заводе управляющим у заводчика Кнауфа. В 1812 году механику коллежскому асессору Меджеру было поручено учредить в 14 верстах от Екатеринбурга фабрику паровых и других разного рода машин и инструментов для горных заводов. Последнее говорит, что Меджер был специалистом по паровым машинам.

С учетом опыта работы Меджера на монетном дворе есть основание утверждать, что он был и автором медали, которая была затем изготовлена методом литья из чугуна на одном из чугунолитейных заводов Кнауфа.

Вот о каких любопытных исторических фактах помогла узнать эта скромная чугунная медаль.

ЛИТЕРАТУРА

П. Г. Любомудров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.) Соц.-эконом. изд., Л., 1937, стр. 91, 194, 197, 235.

Н. Б. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. Соц.-эконом. изд., М.-Л., 1935, стр. 316—317.

И. Пешкин. Великий русский металлург П. П. Аносов. Челябинское обл. изд., 1951.

В. С. Виргинский. Замечательные русские изобретатели Фроловы. Машгиз, 1952, стр. 110.

Ю. Б. Иверсен. Медали в честь государственных деятелей и частных лиц. Том I. С.-Петербург, 1877, стр. 291.

Ю. Б. Иверсен. То же. Том 2. С.-Петербург, 1883, стр. 14.

Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Том XXIX-А (Книга 58), С.-Петербург, 1900, стр. 806.

Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 2-е изд., т. 33, стр. 521—522.

БСЭ, 2-е изд., т. 38, стр. 655—658.

БСЭ, 2-е изд., т. 41, стр. 407.

БСЭ, 2-е изд., т. 27, стр. 59.

М. Лычагин

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОЙ ЗОНЕ НОВОКУЗНЕЦКА

В Новокузнецке существует 2 государственных музея, 14 музеев на предприятиях и 27 школьных. Внушительные цифры. За этими цифрами скрывается, на мой взгляд, целый

комплекс проблем, связанных с музеиной работой.

Чтобы успешно их решать, мы предлагаем создать объединение музеев. Такие объединения работают в

Омске, Калинине, Москве, Ленинграде, Новгороде и других городах страны. Вместе с единой администрацией создается музейный совет, или координационный центр.

Генеральной дирекции подчиняется широко разветвленная сеть государственных и общественных музеев. Поэтому появится возможность выделить отделы природы и истории в историко-мемориальную зону и в Спасско-Преображенском соборе открыть исторический музей с отделами природы, палеонтологии и археологии на первом этаже и отделом истории Кузнецка на втором этаже. Что касается идеи превращения храма в очаг культуры, то вещественная история станет лучшим звеном в деле воспитания патриотизма, уважения к делам предшествующих поколений. Социально-экономическая, культурная жизнь коренного населения и русских поселенцев, история исследования Кузнецкого уезда должна быть раскрыта более полно.

В дальнейшем развивая историко-мемориальную зону необходимо включить в этот комплекс и Кузнецкую крепость с частичным восстановлением крепостных сооружений и размещением в крепости материалов по истории возникновения Кузнецка, Колывано-Кузнецкой укрепленной линии.

Историки края мечтают в доме Курако развернуть экспозицию, посвященную истории развития доменного производства в мире и истории строительства КМК. В доме В. П. Обнор-

ского разместить материалы, повествующие о зарождении рабочего класса в России и Сибири XIX века, о жизни и деятельности В. П. Обнорского. Дом-музей В. В. Куйбышева стал бы логическим продолжением экспозиции. Здесь уместно было бы вести разговор о первых социал-демократических организациях Сибири.

Мы умышленно здесь не говорим о местах, связанных с именем Достоевского, в связи с тем, что этому были посвящены многие публикации.

Путешествуя по музейной зоне во времени, мы попадаем в Народный дом, где развернется экспозиция, посвященная установлению Советской власти в Кузнецке и уезде. Мы предлагаем в здании бывшего Кузнецкого уездного училища разместить музей народного образования, который существует пока на общественных началах.

Давно уже назрел вопрос о создании самостоятельного музея «Ново-кузнецк в годы Великой Отечественной войны» на Бульваре Героев.

Пора городу позаботиться о новом специальном музейном здании, в котором смогли бы разместиться, собравшись под одной крышей, музей предприятий и школ. Ведь все мы прекрасно знаем, что как только из школы уходит учитель-энтузиаст, музей приходит в запустение. В лучшем случае документы переходят в музей государственный, в худшем — погибают.

Такой проект стоит больших денег. Но разве это не достойно города?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

<i>В. Тогулев.</i> Кузнецкие воеводы XVII—н. XVIII в.в.	3
<i>А. Шишигин.</i> Полузабытая страница сибирской истории	7
<i>Г. Артемов.</i> Телеуты Беловского района	12

СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ

<i>Любовь Кузнецова.</i> Из истории просвещения в Сибири	22
<i>Р. Круссер.</i> Сибирь и народническая ссылка 70—90 гг. XIX в.	28
<i>М. Кушникова.</i> Роман о сибирском золоте	34
<i>М. Сорокин.</i> Бунт	41

СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ 20—30-е гг.

<i>Л. Перминова.</i> Из истории одного памятника	46
<i>Г. Халиулин.</i> «Ревкомовский период» Кузнецкого уезда	49
<i>А. Халиулина.</i> Об изучении истории фабрик и заводов Сибири	55

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»

<i>Виль Рудин.</i> Сопротивление произволу	58
<i>Борис Антонов.</i> Заговор детей	69
<i>Н. Галкин.</i> Щегловские кулаки	75
<i>Е. Кривошеева, Э. Тучельская.</i> Судьба Джона Тучельского, американского инженера, гражданина СССР	78

«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»

<i>Будем помнить о наших земляках, которые не вернулись из Афганистана</i>	
<i>Вот их имена</i>	83

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

<i>Ю. Зюзков.</i> Западноевропейские мотивы в архитектуре Кемерова	87
<i>А. Берлин.</i> Наш друг Макс Гельц	92
<i>Д. Кацуба.</i> Наши земляки — участники русско-японской войны 1904—1905 гг.	96
<i>Михаил Сорокин.</i> Восставшая из праха	100
<i>О. Чулков.</i> О чём поведала чугунная медаль	108
<i>М. Лычагин.</i> Еще раз об историко-мемориальной зоне Новокузнецка	110

РАЗЫСКАНИЯ

Историко-краеведческий альманах

Составитель Сорокин Михаил Ефимович

Редактор Э. П. Дубровская
Художественный редактор В. П. Кравчук
Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректоры Г. И. Давыденко, Л. В. Волковская

ИБ № 1651

Сдано в набор 29.07.91. Подписано к печати 12.03.92. Формат 70X90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,19+0,585 вкл. усл. печ. л. Усл. кр. отт. 9,58. Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 2000 экз. Заказ № 2294. С-7. Кемеровское книжное издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

Василий Иванович
Вербицкий
(1827—1890 гг.)

Василий Васильевич Радлов
(1837—1918 гг.) —
выдающийся российский
тюрколог, фольклорист,
этнограф, археолог

